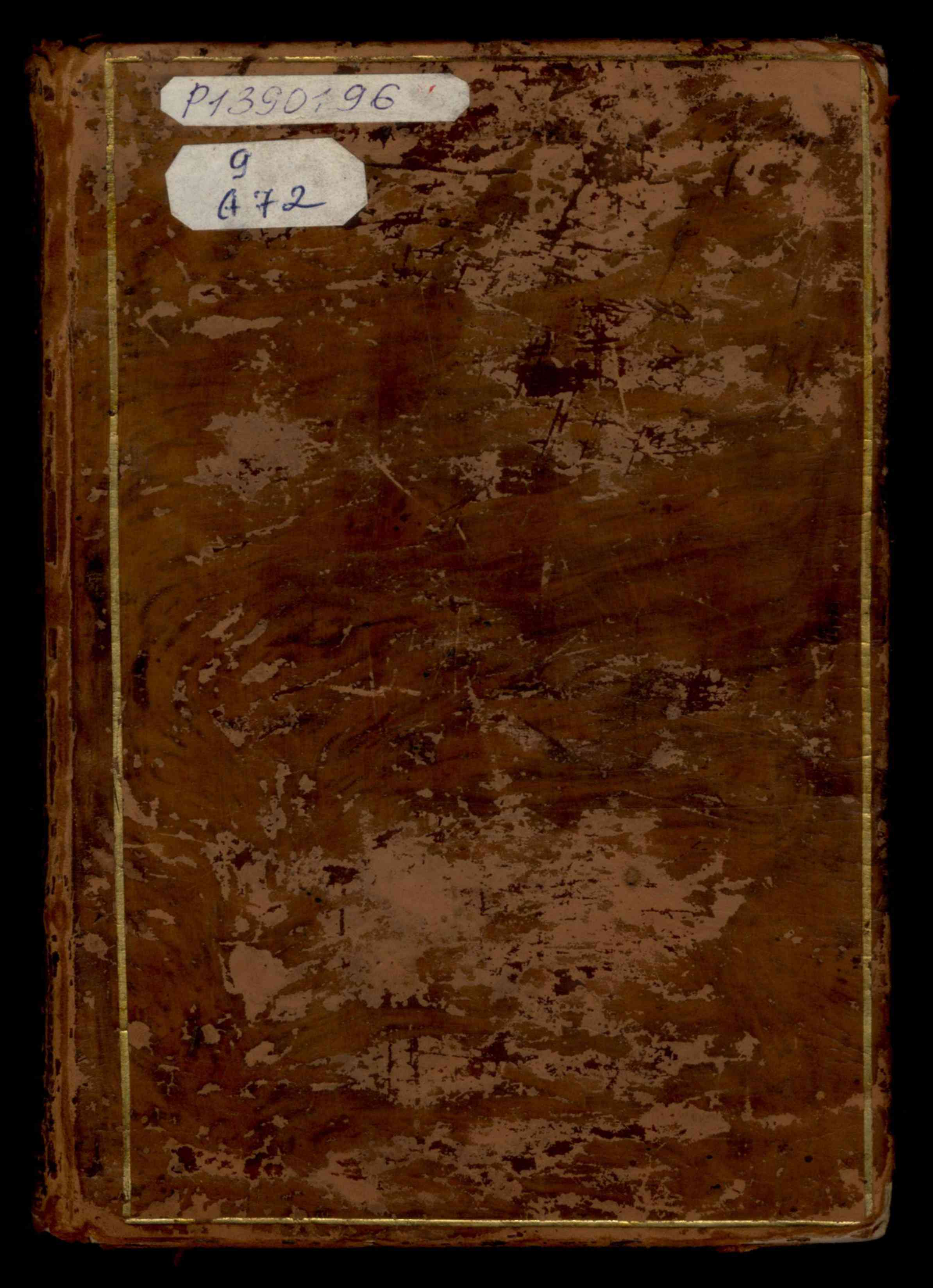
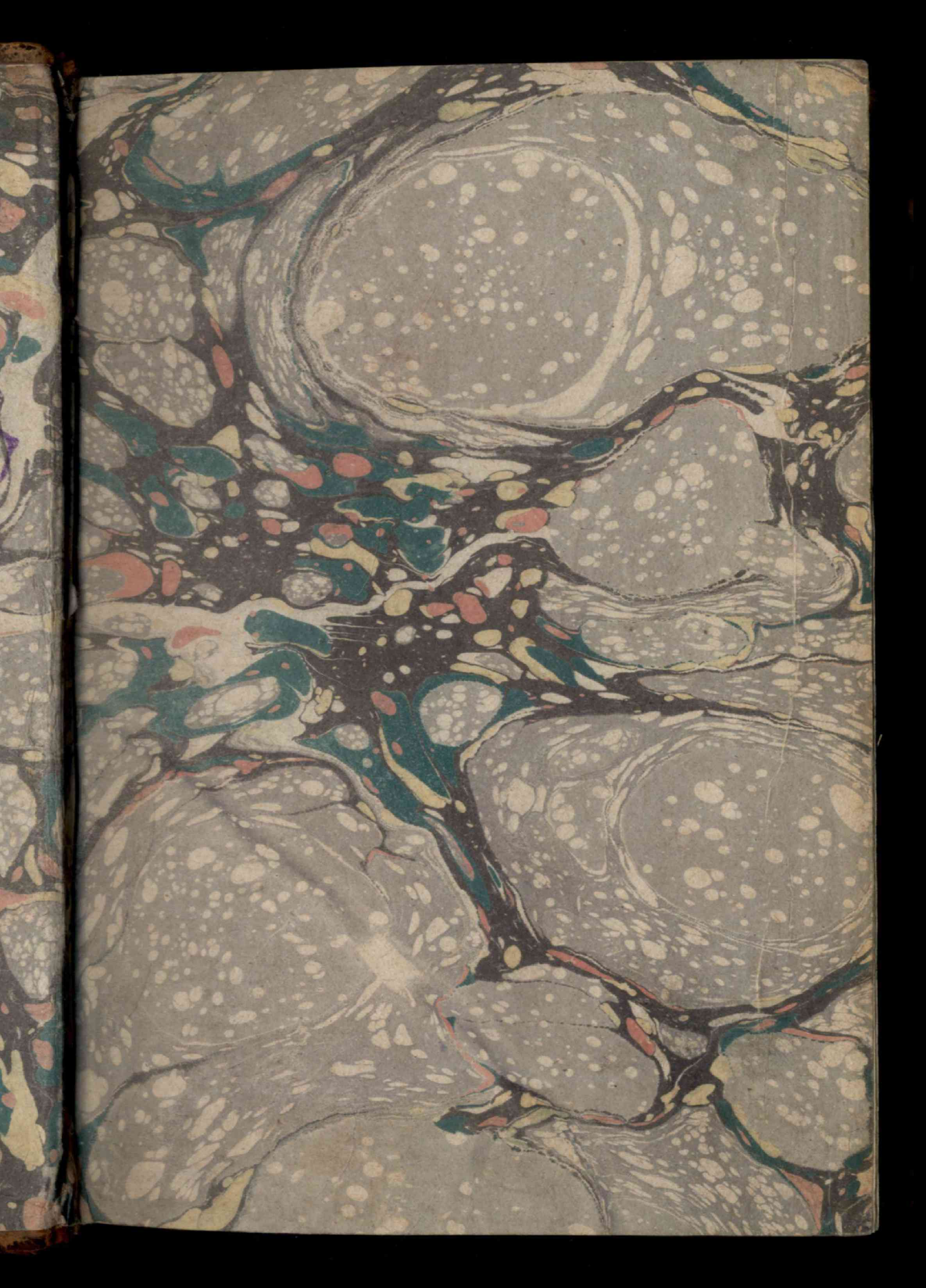
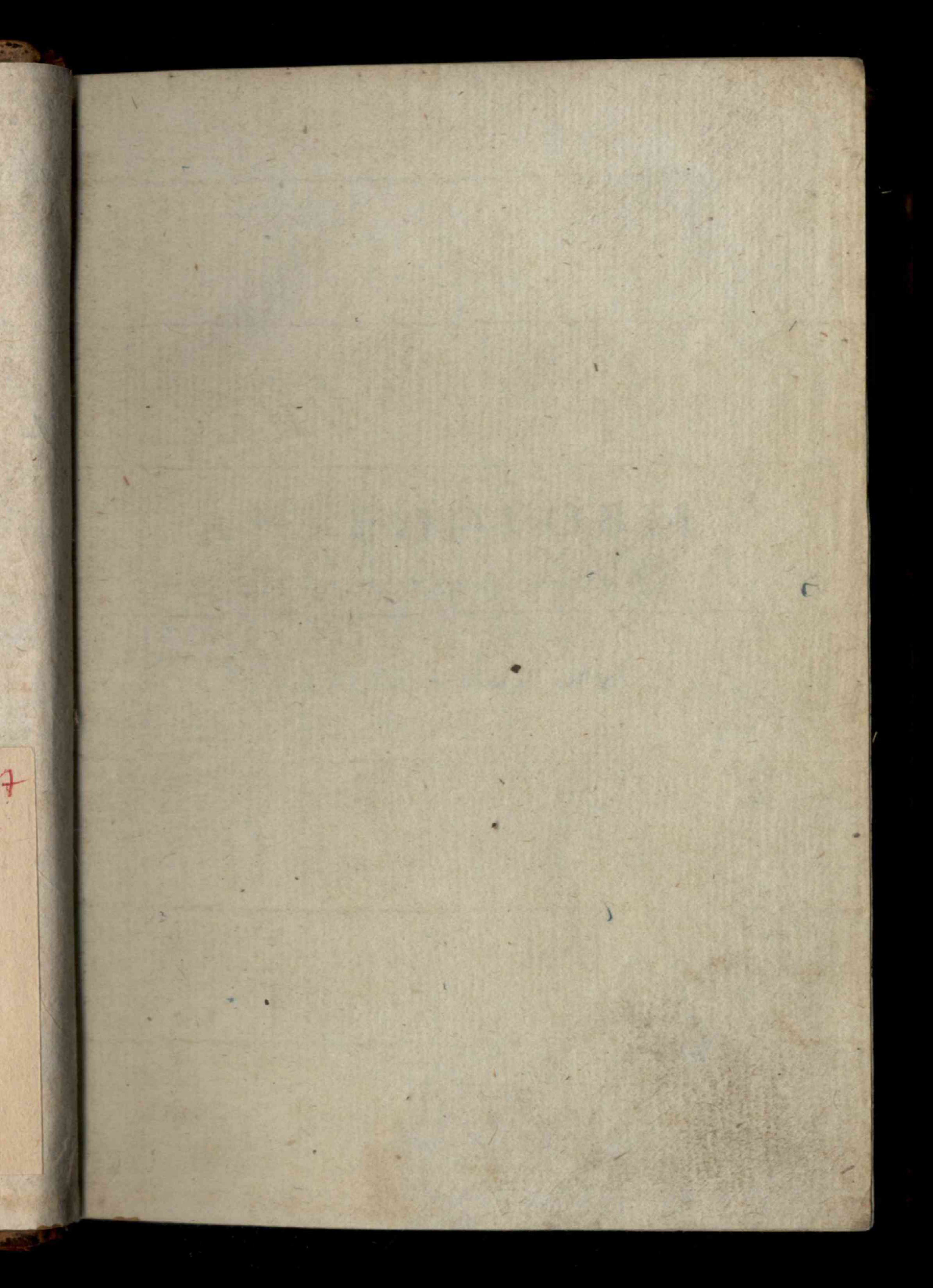

P1390196
9
A 72

АНТЕНОРОВЫ
ПУТЕШЕСТВІЯ.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

Ко 2му Тому.

АНТЕНОРОВЫ ПУТЕШЕСТВІЯ по ГРЕЦІИ и АЗІИ

съ прибавленіемъ разныхъ извѣстій о Египтѣ.

Греческая рукопись, найденная въ Геркуланѣ, и переведенная на Французскій языкъ

Г. ЛАНТЬЕ.

Съ картинками.

Переводъ съ послѣдняго Французскаго изданія — исправленнаго и пополненнаго.

Ament meminisse periti! *Virg.*

ТОМЪ ВТОРЫЙ

Изданіе второе.

МОСКВА,
въ Типографіи С. Селивановскаго.
1814.

Первое изданіе печатано въ Москвѣ 1802 года въ Университетской Типографіи съ дозволенія Московской Цензуры.

АНТЕНОРОВЫ
ПУТЕШЕСТВІЯ
ПО ГРЕЦІИ И АЗІИ.

ГЛАВА I.

Уединенное гулянье.

Я всталъ, какъ скоро разсвѣло, и пошелъ по владѣнію нашего хозяина. Я любовался его рощами, разновидными пригорками, изобиліемъ и чистотою воды, безмолвіемъ и восхитительною тишиною сего уединенія. Скитавшись довольно времени, взошелъ я на крутой, высокой холмъ, отѣненной однимъ большимъ деревомъ, коего длинныя, многолиственныя вѣтви простирались на великую окружность. Я сѣлъ подъ тѣнью его: оттуда представились взору моему вдали пространные луга, густыя виноградицы, волы, раздирающіе тиховлекомымъ плугомъ недра земли, и много-

численныя стада; я видѣлъ гладкую и прозрачную поверхность озера, которымъ оканчивались Біоновы сады; слѣдовалъ глазами по всѣмъ излучинамъ зеленыхъ береговъ его; смотрѣлъ съ чувствованіемъ соучастія на здороваго и крѣпкаго земледѣлателя, какъ онъ сожженъ солнечными лучами, нечувствителенъ къ жестокости стихій, неутомимъ, управлялъ тяжелымъ своимъ ораломъ. Тогда сладкая задумчивость восхитила меня въ другую сферу; тогда воздухъ, которымъ я дышалъ, сдѣлался чище, рѣже; забываю землю; мысль моя паритъ къ обиталищу Божества; вижу сего не созданнаго Творца, учреждающаго вещество, Ему совѣчное, но нестройное, необразованное; лучь Его существа одушевляетъ оное; и вещество мыслитъ, имѣетъ понятія, чувствованія, желанія, волю; сей лучь, соединясь съ малою частичкою праха, составляетъ тварь, которая живетъ одно мгновеніе, потомъ разрушается; вещество остается, душа отходитъ погрузиться въ лоно вышняго Бога; но

связь истреблена, нѣтъ уже слова *Я*. О смертный! стоя у самыхъ вратъ ничтожества, почто и чѣмъ гордишься? Сіи размышленія, подобно густымъ облакамъ, которыя давятъ атмосферу, омрачали горестію мою душу. По щастію, воспоминаніе объ Ласфеніи обратило мысль мою на предметы, не столь прискорбные: нѣжная меланхолія вступила въ мое сердце, и наполнила его уныніемъ тихимъ и любезнымъ; уныніемъ, съ которымъ никакія движенія радости не могутъ поравняться. Я гулялъ съ нею то по берегамъ Илисса, то по берегамъ Цефизы; воспоминалъ тотъ стократно блаженный день, когда любовь упоила меня въ храмѣ Флоры всѣми своими сладостями; потомъ обращался къ нещастной минутѣ нашей разлуки, къ печальному и послѣднему нашему прощанію, и слезы кропили мое лице.

Я погруженъ былъ въ сіи подобныя сновидѣнію мысли, какъ одинъ невольникъ пришелъ сказать, что меня ожидаютъ завтракать. Наша трапеза была

трапеза простыхъ пастырей: она состояла изъ молока, меду и плодовъ. Послѣ завтрака Біонъ предложилъ намъ итти воевать съ рыбами его озера. Лакидъ представилъ ему, что очень жарко. „Какой вздоръ, отвѣчалъ Біонъ. Вообрази, что этотъ жаръ не иное что, какъ обманъ чувствъ; у Скептиковъ воображеніе всегда въ ихъ власти. Впрочемъ обѣщаю вамъ западной вѣтеръ, котораго благодѣтельное дыханіе умѣритъ полдневной зной. Ты знаешь, что Стихотворцы располагаютъ Зефирами по своей волѣ; да и какъ быть иначе: они всегда ихъ воспѣваютъ!" Въ самомъ дѣлѣ, послушной Зефиръ дулъ во все время нашего плаванія. Сверхъ того багряный наметъ покрывалъ нашу лодку и отражалъ солнечные лучи.

ГЛАВА II.

Увеселительное плаваніе. Тоня, разговоры.

Сперва, для обозрѣнія мѣстоположеній, мы держались края; глаза наши не

могли насытиться, смотря на миловидную зелень береговъ, на высокіе тополы, на ивы и кусточки, которыми они были отѣнены. „Эта декорація, сказалъ намъ Біонъ, моя работа. Сорокъ лѣтъ, какъ деревья мною посажены. Я всегда любилъ поле и покойную сельскую жизнь. Какъ скоро эта дача пришла въ мои руки, то я переѣхалъ сюда въ намѣреніи заняться украшеніемъ ея, и препроводить здѣсь большую часть жизни моей. Первое исполнено. Я садилъ, строилъ, передѣлывалъ, работалъ самъ съ величайшею прилѣжностію; но ни голова моя, ни сердце не довольно еще были зрѣлы, чтобъ могъ я долго прожить въ уединеніи. Чтобъ возлюбить его, не довольно умственной Философіи, которую почитаю самою послѣднею; надобно быть Философомъ въ душѣ своей, надобно умѣть жить съ самимъ собою. Честолюбіе, безпокойствіе духа, любовь къ забавамъ извлекли меня изъ тихаго моего пристанища. Случалось мнѣ иногда пріѣхать сюда отдохнуть отъ суетъ, собраться съ мыслями,

успокоить, прохладить свою душу; но никогда не оставался я здѣсь долго, никогда не имѣлъ силъ разорвать своихъ оковъ. Наконецъ, проведя еще 38 лѣтъ въ заблужденіяхъ и безпрестанномъ волненіи, научился я наслаждаться своими рощами, дружескою ихъ тѣнію и спокойствіемъ, которое всего дороже. Самой благополучной періодъ жизни моей теперь. Кто бы повѣрилъ, что въ семдесять лѣтъ отъ роду можно быть щастливымъ! Весна жизни не есть время щастія; въ этомъ возрастѣ слишкомъ много страстей, слишкомъ много нуждъ: неоспоримо, что тогда чувства тонѣе, что наслажденія, естьли можно такъ сказать, *прянѣе*; но они почти всегда влекутъ за собою терзательныя заботы, а иногда и грызущее раскаяніе. Благоразумной и просвѣщенной старецъ, которой успѣлъ запастись хорошимъ объ немъ мнѣніемъ людей, котораго здоровье и силы только что ослаблены, а не истреблены, созидаетъ себѣ удовольствія ничѣмъ не омраченныя, удовольствія, покойныя и соразмѣрныя его нуждамъ:

онъ все взвѣсилъ, позналъ цѣну всему. Тщеславіе, ложныя забавы, предразсудки, все что обольщаетъ, все что мучитъ человѣка, не нарушаетъ уже благоденствія мирной и безбурной души его. Вы скажете мнѣ, что старикъ ближе къ предѣлу земнаго своего теченія, и что эта мысль должна огорчать его душу, и возмущать всѣ его удовольствія. Въ отвѣтъ разскажу вамъ анекдотъ объ одномъ изъ нашихъ Мудрецовъ. Онъ возвращался изъ путешествія во всей крѣпости силъ своихъ и въ самомъ лучшемъ здоровьѣ; въ нѣсколькихъ уже стадіяхъ отъ дому своего вспомнилъ, что забылъ одну статью въ своей духовной, тотчасъ сошелъ съ лошади и написалъ на дощечкахъ своихъ (*) послѣднюю свою волю. Онъ

(*) Записныя книжки (или сувениры) Грековъ состояли изъ деревянныхъ, очень тонкихъ дощечекъ, наведенныхъ воскомъ. Писали на нихъ стилемъ или прутикомъ мѣднымъ, желѣзнымъ, или золотымъ, съ одного конца плоскимъ, а съ другаго

боялся, чтобъ смерть не застигла его на пути. Изъ этого заключаю, что опасеніе смерти равно во всякомъ возрастѣ, или лучше сказать, что надлежитъ быть къ ней готову, и смотрѣть на нее окомъ спокойнымъ и равнодушнымъ."

Разговаривая такимъ образомъ, доплыли мы до середины озера; окружность его шестнадцать стадій, а широта около двенадцати. Біонъ велѣлъ гребцамъ положить весла, и сказалъ: „Хочу повеселить васъ такимъ зрѣлищемъ, какого вы конечно не видали." Тогда попросилъ онъ Ѳеофанію, чтобъ она заиграла на своей цитрѣ, и мы съ пріятнымъ удивленіемъ увидѣли, что рыбы начали всѣ стекаться, толпиться и плескать около нашей лодки; казалось, что гармонные звуки сей музыки вложили въ нихъ душу. Мы не пропустили случая

острымъ. Плоскимъ концемъ изглаживали написанное. Греки носили на поясѣ футляръ, называемой *графіарумъ*, въ которомъ лежали дощечка и стиль.

уподобить Θеофанію славному Аріону, который привлекалЪ всѣхЪ ДельфиновЪ кЪ своему кораблю; но совѣтывали ей однакожЪ не подражать его примѣру и не кидаться вЪ озеро, гдѣ не было рыбЪ такой величины, чтобЪ перенести ее на берегЪ. Красавица наша никакЪ не хотѣла позволить вЪ ту минуту закинуть неводЪ. „Это была бы самая подлая измѣна, говорила она, дать праздникЪ бѣднымЪ животнымЪ, привлечь ихЪ прелестію для того, чтобЪ умертвить.“ Мы продолжали наше плаваніе, и проѣхали мимо одного маленькаго островка. ВотЪ, сказалЪ намЪ БіонЪ, островЪ Дружбы. Эта большая низкая хижина, неправильной фигуры, покрытая соломою, будетЪ сегодни нашею столовою; она конечно покажется вамЪ недостойною вашего посѣщенія; но мнѣ надобно иногда приводить себѣ на память, что я не больше какЪ пастухЪ.“

Мы попросили сего Піита - Философа, чтобЪ онЪ сдѣлалЪ намЪ одолженіе, прочелЪ нѣкоторыя изЪ его Идиллій. „Я васЪ удовольствую, отвѣчалЪ онЪ,

и тѣмъ охотнѣе, что не мое творенiе вы услышите, но творенiе Анакреона и Ѳеокрита, слитыя вмѣстѣ: оба обработывали одно содержанiе, оба отличились одинъ передъ другимъ, и что у одного есть хорошаго, того недостаетъ другому. Я соединилъ ихъ въ одно. Между тѣмъ мы поплывемъ легонько, безъ шуму, и естьли можно, въ такой тишинѣ, какъ плаваетъ раковина прекрасной Амфитриты, когда она браздитъ поверхность жидкой ея Имперiи.

Однажды злая пчела ужалила Купидона, которой похищалъ медъ изъ ея улья. Маленькой божокъ почувствовавъ боль въ пальцѣ, началъ дуть въ руку, топать ногою и отлетѣлъ къ прекрасной Цитерѣ. Матушка, кричалъ онъ, матушка, я погибъ! я умираю! Маленькой крылатой змѣй, котораго земледѣлатели называютъ пчелою, поразилъ меня своимъ жаломъ. Венера улыбнулась и сказала ему: развѣ ты не похожъ на пчелу? какъ ты малъ, и какъ велики раны, которыя ты дѣлаешь.

Сiя Идиллiя столько намъ понравилась, что мы просили Бiона повто-

ритъ ее. Гребцы перестали дѣйствовать веслами и слушали также внимательно, какъ и мы. Когда Біонъ кончилъ, то мы ему сказали: „Вы угостили насъ превкусными плодами; но они не вашего сада; а намъ извѣстно, что въ саду вашемъ родятся такіе, которые ничѣмъ не хуже, и великой имѣемъ на нихъ аппетитъ. — Сколько вы меня ни хвалите, отвѣчалъ сей любезной старикъ, но я умѣю себя цѣнить; знаю, что съ Анакреономъ и Ѳеокритомъ никто не можетъ поравняться; никто не достигнетъ той милой простоты и нѣжныхъ пріятностей, какими отличаются всѣ ихъ творенія. Эти два Піита неподражаемы; они подлинно Аполлоновы дѣти. Естьли я дерзаю выступить на сцену послѣ ихъ, то это доказываетъ и желаніе мое вамъ угодить, и мое несамолюбіе. Я выберу лучшую изъ своихъ Идиллій: гостей надобно потчивать хорошенько.

ИДИЛЛІЯ.

АХИЛЛЪ и ДЕЙДАМІЯ.

МИРСОНЪ.

Хочешь ли пѣть, о Ликидасѣ, пѣснь пріятную, гармонную, пѣснь достойную вниманія Аполлона, или любезной Галатеи?

ЛИКИДАСЪ.

Охотно. Какое содержаніе находишь ты пріятнымъ?

МИРСОНЪ.

Воспой намъ пѣснь Скиросскую; повѣдай пламенную любовь Пелеева сына, и его страхи, и его удовольствія, и его тайныя ласки, когда онъ въ одеждѣ юной дѣвы пребывалъ при Ликомедовомъ дворѣ. Скажи, какъ прекрасная Дейдамія воспламенила сего младаго ироя, какъ она заставила его забыть о славѣ, и провождать дни свои въ безизвѣстности.

ЛИКИДАСЪ.

Нѣкогда пастухъ похитилъ Елену, и привелъ ее на гору Иду. Спарта, раздраженная сею обидою, призвала ко мщенію всѣ племена Ахейскія. Жители Мицены, Элиды, Лаконіи, потекли къ оружію. Опустошеніе, пожаръ и смерть шествовали предъ ними. Между тѣмъ Ахиллъ, укрываясь въ Ликомедовыхъ чертогахъ, вооруженной вер-

теномъ, въ сонмѣ младыхъ Царевнъ обучался прясть. Цвѣты юности и красоты блистали на его лицѣ; тонкая сѣтка покрывала его прекрасные власы; онъ имѣлъ походку и нѣжнотомной видъ Нимфы Кипридина двора, но въ сердцѣ своемъ вмѣщалъ мужество Марса и любовь Ироя. Онъ обожалъ Дейдамію: Заря находила его у ногъ ея; ночь заставала въ томъ же положеніи. Онъ покрывалъ огненными поцѣлуями алебастровую ея руку, и орошалъ сладострастными слезами. Дейдамія концемъ своего покрывала отирала прекрасные глаза любезнаго. Когда они разставались, то клялись увидѣться опять, а увидясь клялись не разставаться никогда. Часто держалъ онъ ее въ своихъ объятіяхъ, прижималъ нѣжно грудь ея къ своей груди; тогда огнь любви румянилъ лице его, и блисталъ въ его взглядахъ; а Дейдамія, обманутая побужденіемъ Природы, думая, что вкушаетъ единственно пріятности сладкаго дружества, краснѣла, но предавалась восторгамъ своимъ безъ всякой осторожности. Щастливой Ахиллъ достигъ уже послѣднихъ границъ любовныхъ удовольствій, а любовница его и тогда еще, можетъ быть, не сомнѣвалась въ своей невинности.

Восхищены сею Идилліею, мы всѣ хвалили ее наперерывъ. Біонъ будучи не охотникъ до похвалъ и ѳиміама, велѣлъ закинуть неводъ, и тоня была очень щасшлива: мы не примѣтили, какъ часы протекли. Но попечительной хозяинъ напомнилъ намъ, что солнце начинаетъ опускаться, и что обѣдъ насъ ожидаетъ. Сіе извѣстіе принято съ великою радостію. Онъ предложилъ намъ выкупаться у берега. „Вы найдете, примолвилъ онъ, убѣжища очень пріятныя." Мы согласились, и тотчасъ гребцы насъ туда привезли.

Купальни устроены были въ маленькихъ заливахъ, излучинами берега произведенныхъ; бока и дно выложены были мраморомъ; сводъ изъ густыхъ древесныхъ вѣтвей покрывалъ ихъ непроницаемою тѣнью; цѣломудренная Діана могла бы тамъ обнажиться не краснѣя, не опасаясь взоровъ Актеона. Каждой изъ насъ укрылся въ одно изъ сихъ роскошью уготованныхъ убѣжищь; и между тѣмъ, какъ я нѣжилъ свои чувства въ

прозрачной волнѣ, тысяча птицъ забавляли меня сладкимъ своимъ пѣніемъ.

Съ прискорбіемъ оставилъ я сіе прелестное мѣсто. Невольникъ принесъ мнѣ масло, благовонія и одежду блистательной бѣлизны. Біонъ и Лакидъ подъѣхали взять меня въ лодку. Мимоѣздомъ приняли мы Фанора, потомъ Ѳеофанію, и направили путь свой къ острову Дружбы.

ГЛАВА III.

Описаніе острова Дружбы, столовой палаты и трехъ ея статуй.

Сей островъ представлялъ зрѣнію безплодную, необработанную натуру во всей ея грубости; дикой злакъ, прозябающій безъ всякаго воздѣлыванія и нѣсколько сосенъ, возвышающихся изъ разсѣлинъ кремнистыхъ горъ, были единыя растѣнія, которыя око тамъ встрѣчало; козы щипали траву рѣдкую, но вкусную; по берегу ходили гуси и утки; хижина, прислоненная къ огромной скалѣ, занимала

средоточіе. „Вижу, сказалъ Біонъ, что это мѣсто не прельщаетъ васъ; но въ забавахъ и въ видахъ, равно какъ и въ картинахъ, равно какъ и въ произведеніяхъ разума, потребны *контрасты*, противоположности. Завтра сады и рощи мои покажутся вамъ вдвое пріятнѣе; севодни прошу не возгнушаться сельскимъ обѣдомъ въ этой бѣдной лачушкѣ.„ Я вошелъ первой, а за мною Біонъ съ Фаноромъ. Нѣсколько минутъ пробыли мы въ темнотѣ; послѣ чего невольники, по знаку господина своего, вдругъ открыли ставни, и мы очутились въ великолѣпной и нѣжно освѣщенной храминѣ, гдѣ прохладной и благоухающій воздухъ услаждалъ чувства. Слова отъ удивленія замерли на устахъ моихъ. Біонъ утѣшался нашимъ восторгомъ. Наконецъ я сказалъ ему: „Какою волшебною силою сдѣлали вы такое чудо, которое одинъ только Громодержецъ могъ сдѣлать для Бавкиды и Филимона, и превратили жилище нищеты въ пышной храмъ, потому что это конечно Храмъ Дружбы? — По большей части, мой другъ, чудеса

творятся средствами самыми простыми: для произведенія Метаморфозы, которая васЪ удивляетЪ, надобно было только во время открыть ставни.“

Храмина раздѣлена была на двѣ неравныя части: верхЪ опертой о скалу составлялЪ параллелограммЪ; низЪ гораздо пространнѣе былЪ эллиптической фигуры; три алебастровыя статуи, высотою по пяти футовЪ, стояли на тумбахЪ у передней стѣны четвероугольника; кругомЪ уступы обременены были вазами и ящиками сЪ цвѣтами; желѣзная позолоченная рѣшетка, высотою по локоть, раздѣляла сіи двѣ части; другая обнесена была колоннами изЪ бѣлаго и зеленаго мрамора; промежутокЪ между колоннами заслоненЪ былЪ подвижными рѣшетками. ПлафонЪ представлялЪ прекрасную картину: изображена была Ѳеофанія вЪ видѣ Авроры, вЪ вѣнкѣ изЪ розЪ и ясминовЪ, летящая вЪ быстрой своей колесницѣ по свѣтло-алому воздуху; блистающее свѣжестью и веселостью лице ея возвѣщало смертнымЪ день прекрасной; часы

на пурпуровыхъ и лазуревыхъ крыльяхъ, сыпля изъ полныхъ корзинъ цвѣты, окружали ея колесницу; множество разноцвѣтныхъ птицъ лѣтали, вились, плавали вкругъ ее. Казалось, что слышно радостное ихъ пѣніе и восторги нѣжной любви, и зритель принималъ участіе въ ихъ благополучіи.

Столъ былъ готовъ и отвѣчалъ совершенно красотѣ храмины. Между блюдъ поставлены были кристальные сосуды съ цвѣтами. Подали намъ черепокожныхъ, птицъ и рыбъ самыхъ рѣдкихъ. Лучшія вина, какія произращаетъ Кипръ, Лесбосъ и Хіо, не были пощажены, — вина, которыхъ и самые Сатрапы роскошной Іоніи на великолѣпныхъ пирахъ своихъ не имѣютъ превосходнѣе.

Послѣ первой ноши спросилъ я Біона о именахъ особъ, которыхъ статуи представляли. Ахъ! отвѣчалъ онъ, вздохнувъ изъ глубины сердца; ты видишь изображеніе трехъ искреннѣйшихъ друзей, которыхъ я имѣлъ нещастіе потерять. Вотъ участь всякаго, кто

живетъ долго: онъ видитъ все гибнущимъ вокругъ его, и не имѣя больше узъ, которыя бы привязывали его къ свѣту, остается одинъ во вселенной. По щастію Ѳеофанія, какъ ясное, тихое солнышко, сыплетъ еще на угасающіе дни мои нѣсколько питательныхъ лучей, и украшаетъ вечеръ моей жизни.

Статуя, которая имѣетъ въ одной рукѣ лиру, а другою поддерживаетъ маленькаго Купидона, есть изображеніе Тійскаго Піита, мудраго и сладострастнаго Анакреона, учителя моего и друга, хотя онъ былъ старѣе меня двадцатью годами; ему одолженъ я искуствомъ слагать стихи, скрывать трудъ, котораго они стоили, и украшать нерадивость прелестью чувствованія. Щастливъ бы я былъ, естьли бы могъ занять хотя нѣсколько той милой простоты, тѣхъ пріятностей, которыми отличаются его творенія. Безсмертныя его пѣсни, дщери удовольствія и воображенія, дышатъ нѣгою и веселостію. Статуя, съ флейтою въ рукѣ и ягненкомъ у ногъ, представляетъ Ибика,

пѣвца пастушей жизни, Автора прелюбезнаго; узы дружбы нашей были самые тѣсные: молоды и соединены одинакими склонностями, мы жили въ недрѣ безпечности, помышляя больше о забавахъ и ученіи, нежели о стяжаніи сокровищь. Средняя статуя, которая размышляетъ и улыбается, портретъ Аполлонида Косскаго. И онъ также, какъ Ибикъ, погибъ трагическою смертью. Нещастная ихъ кончина омрачила на долгое время жизнь мою горестью и трауромъ. Время напослѣдокъ принесло мнѣ нѣсколько утѣшенія; но когда ихъ вижу, горькое воспоминаніе угнѣтаетъ еще мою душу. Я разскажу вамъ ихъ приключенія; люблю еще говорить объ нихъ, заниматься ими. Начнемъ съ Анакреона, котораго спокойной конецъ былъ ничто иное, какъ переходъ отъ жизни ко сну.

ГЛАВА IV.

Жизнь Анакреона.

Вы знаете, что Анакреонъ препровождалъ жизнь свою между виномъ и любовью; при умѣренномъ достаткѣ былъ онъ весьма безкорыстенъ: два великія средства къ достиженію благополучія. Онъ жилъ долго въ Самосѣ у Поликрата, просвѣщеннаго покровителя художествъ. Этотъ Государь подарилъ ему пять талантовъ. Анакреонъ, у котораго никогда не бывало такой суммы, не спалъ отъ того два дни; кончилось тѣмъ, что онъ возвратилъ Поликрату даръ его, сказавъ: „Я не люблю такихъ даровъ, которые возмущаютъ мой покой."

Въ сорокъ четыре года отъ роду оставилъ онъ Аѳины, и уединился въ сельское убѣжище у самой границы его отечества. Домъ его стоялъ на прекрасномъ мѣстѣ; видъ изъ него простирался на Эгейское море и окрестные острова. Тамъ-то нашъ Піитъ-Философъ въ пріятной, въ сладкой, въ блаженной тишинѣ вкушалъ прелести натуры все-

гда новыя , всегда возраждающіяся. Онъ упражнялся въ полевыхъ работахъ; увѣнчанъ гроздами первенствовалъ при собраніи винограда. „Уединеніе , говорилъ онъ, возвращаетъ человѣка къ самому себѣ и безтруднымъ забавамъ природы. Посреди общества предразсудки , должности утомляютъ; безпокойствіе , честолюбіе волнуютъ, жмутъ со всѣхъ сторонъ; но въ удаленіи отъ суетъ душа дышетъ свободно, оживаетъ, наслаждается внутреннимъ чувствованіемъ своего бытія; она, такъ сказать , слагаетъ съ себя бремя чуждыхъ ей заботъ и всѣ мечты, подобно какъ вода оставляетъ на днѣ спокойнаго сосуда тину, которая дѣлала ее мутною.“

Разсказываютъ объ этомъ наперсникѣ Музъ и Грацій слѣдующій анекдотъ. Онъ отправился въ Тій съ маленькою собачкою и однимъ служителемъ, которой несъ небольшой мѣшокъ денегъ. Служитель остановился на нѣсколько времени подъ однимъ кустомъ , и забылъ тамъ свой мѣшокъ. Ни онъ , ни господинъ его не замѣтили , что собака отъ нихъ отстала. Анакреонъ пробылъ

довольно долгое время въ Тiѣ, не сокрушаясь ни мало объ утратѣ денегъ, но весьма сожалѣя о своей собачкѣ; наконецъ отправился онъ въ обратной путь. Проѣзжая мимо того мѣста, гдѣ служитель останавливался, видитъ свою собачку, которая бѣжитъ къ нему, и старается знаками привлечь его къ кусту. Тамъ нашелъ онъ свой мѣшокъ; нещастное животное хранило его вѣрно, и бывъ нѣсколько дней безъ пищи, издохло тотчасъ отъ изнуренiя.

Всѣ черты этого любезнаго Пiита изображали чистосердечiе, тонкость, блаженное спокойствiе духа и нѣсколько важности. Огненные глаза его изъявляли нѣжность ума и наклонность къ любви и наслажденiю. Онъ имѣлъ душу благородную и возвышенную, характеръ веселой и прелюбезной, воображенiе богатое и цвѣтущее. Будучи въ забавахъ своихъ всегда умѣренъ, онъ пѣлъ Вакха и Любовь, не предаваясь опьянѣлости. Его послѣдняя любовница, Цеа, была еще въ колыбелѣ; когда онъ, разгоряченъ виномъ, толкнулъ ее очень сильно и разругалъ;

кормилица ея, въ досадѣ, просила боговъ, чтобъ Цеа выросла такъ прекрасна, какъ Елена, и чтобъ Анакреонъ влюбясь въ нее страстно, былъ нещастливѣе Менелая. Ея желаніе отчасти совершилось. Анакреонъ, достигши осьмидесяти лѣтъ, вздыхалъ по прекрасной Цеѣ, и особливымъ покровительствомъ Венеры или Любви умѣлъ понравиться, и былъ щастливъ.

Уже пять лѣтъ оканчевалъ онъ спокойно свое теченіе подлѣ ее; они сидѣли за ужиномъ съ пріятелями; Тійской Піитъ пѣлъ голосомъ еще твердымъ любимую свою пѣсенку:

Жизнь течетъ подобно быстрой колесницѣ; скоро мы будемъ не иное что, какъ малая горсть праха: на чтожъ напрасныя дѣлать изліянія? Лучше окурите меня благовоніями, пока я живъ еще; увѣнчайте меня розами. Цеа! любезная моя Цеа! дай мнѣ два поцѣлуя.

По окончаніи пѣсни съѣлъ онъ нѣсколько изюминъ; онъ употреблялъ эту пищу для подкрѣпленія ослабѣвающихъ своихъ силъ, по нещастію зернушко

остановилось у него въ горлѣ, и задушило єго. Такая скорая и легкая смерть послѣ жизни долгой и преисполненной всѣхъ сладостей, почитается за особливую милость боговъ. Но трагической конецъ Ибика вопіетъ, кажется, на ихъ неправосудіе, и дѣлаетъ раздаяніе благъ и золъ нерѣшимою задачею.

ГЛАВА V.

Жизнь Ибика.

Ибикъ былъ родомъ изъ Регія, города въ большой Греціи. Музы конечно подарили его своею лирою; но онъ примѣръ тѣхъ предъизбранныхъ существъ, отъ которыхъ благополучіе утекаетъ, когда они думаютъ, что уже его поймали. Боровшись долго съ нещастіемъ, онъ влюбился въ Нереису, молодую Аѳинянку, богатую наслѣдницу, дѣвушку украшенную всѣми пріятностями разума и внѣшняго вида. Ибикъ понравился и пріобрѣлъ взаимную склонность; но отецъ Нереисы былъ настоящій Мидъ,

болѣе чувствительный къ звону золота, нежели къ прелестямъ Поэзіи: ни слезы, ни горесть, ни прозьбы, ни жалостное состояніе здоровья дочери его не могли поколебать его скупости; онъ заперъ ее въ свой *гинакій* (гаремъ), и предложилъ ей бракъ съ Эвфоріономъ, Аѳинскимъ Полемархомъ. Нереиса, чтобъ доставить себѣ нѣсколько свободы и удовольствіе видѣть иногда своего любезнаго, притворилась на отцовское предложеніе согласною, но всегда находила предлоги для отлагательства: то видѣла она ласточку на дорогѣ, и позабывшись, прошла не бросся на то мѣсто трехъ камешковъ; то кто нибудь чихнулъ по лѣвую ея руку, или произнесъ слова худаго предвѣщанія; въ другое время одеревенѣлъ у нее мизинецъ, или чувствовала она звонъ въ ушахъ; однажды она встрѣтилась съ мертвымъ, и хотя тотчасъ плюнула, но впечатленія страха еще не прошли; въ эту ночь испужалъ ее сонъ; потомъ приносила жертву Юнонѣ, и жрецы объявили, что внутренности жертвы не здоровы и багроваго цвѣта. Отецъ ея хотя былъ суевѣренъ, какъ

и всѣ Аѳиняне, однакожъ наконецъ потерялъ терпѣніе, и приказалъ своей дочери готовиться вытти за Эвфоріона черезъ недѣлю. Любовники были въ отчаяніи. По щастію минута чрезмѣрнаго гнѣва на одного невольника, которой разбилъ сосудъ, разлучила навѣки этого скрягу отъ любезныхъ его сокровищь. Ибикъ увидѣлъ зарю щастливыхъ дней; горизонтъ вокругъ его началъ украшаться, препятствія изчезли; онъ становился обладателемъ своей любезной и всего ея богатства.

За нѣсколько дней до свадьбы Нереиса послала его въ Оропъ для вопрошенія Амфіарая, бога сновидѣній, о ихъ супружествѣ, и для исцѣленія глазной боли, которая недавно ему приключилась. Храмъ этого бога находится въ двенадцати стадіяхъ отъ Оропа, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, говорятъ, земля подъ нимъ разсѣлась и поглотила его и съ колесницею, когда онъ бѣжалъ изъ Ѳивъ. Подлѣ храма протекаетъ ключь, которой получилъ отъ него свое названіе; вода его не употребляется ни на

жертвы, ни на очищенія; запрещено даже мыть ею руки: она служитъ единственно для врачеванія. Ибикъ протеръ ею глаза, и по обыкновенію бросилъ нѣсколько денегъ; потомъ вошелъ во храмъ, очистился, закололь овна, послалъ кожу его на полъ и легъ на нее, чтобъ заснуть и увидѣть сонъ, что и случилось; но жрецы разтолковали сонъ его въ худую сторону. Онъ презрѣлъ ихъ предвѣщаніе, и отправился обратно въ Аѳины.

Онъ шелъ, по всегдашнему своему обыкновенію, пѣшкомъ, одинъ, и сочиняя Эпиталаму на свое бракосочетаніе. Поэтической энтузіазмъ овладѣлъ имъ до того, что онъ забылся, потерялъ дорогу и плуталъ весь день по полю, внѣ себя, упоенъ Поэзіею и любовью. Во время захожденія солнца примѣтилъ онъ свою ошибку: смотритъ около себя, подобно человѣку, которой приходитъ въ чувство послѣ обморока, или возставъ отъ глубокаго сна; ищетъ въ мысли своей, что онъ дѣлаетъ, чего хочетъ, гдѣ находится, гдѣ стран-

ствуетъ; наконецъ вспомнилъ, что идетъ въ Аѳины, не познаетъ своего пути, и понимаетъ, что заблудился. Видитъ человѣка, которой кажется ему пастухомъ, подходитъ къ нему и спрашиваетъ его о дорогѣ къ городу. „Дорога отсюда не близко; но естьли хочешь, то я тебя на нее выведу.“ Ибикъ принялъ его предложеніе съ радостью, и обѣщалъ ему награжденіе. Проводникъ ведетъ его черезъ горы. Между тѣмъ начало темнѣть. „Далеко ли намъ еще итти? спросилъ Ибикъ. — Дорога почти передъ нами; но я вижу двухъ человѣкъ, которые мнѣ не нравятся; думаю по всему, что это люди не добрые. — Что нужды, добрые или не добрые! мы также двое. — Когда ты такъ храбръ, то приготовляйся обороняться, потому что они идутъ прямо на насъ.“ Нещастной мой другъ, неустрашимой, какъ Тезей, приготовилъ свою палку, и гордо ожидаетъ убійцъ. Проводникъ становится позади его, и поражаетъ его кинжаломъ. Ибикъ обернулся и однимъ ударомъ палки сва-

лилъ его на землю. Въ ту самую минуту другіе два злодѣя напали на него съ мечами. Онъ защищался долго съ отмѣнною храбростью ; перешибъ руку одному изъ нихъ , но другой пронзилъ его мечемъ. Мужественной Ибикъ упалъ, и прежде нежели испустилъ духъ, призвалъ во свидѣтельство смерти своей стаю журавлей , которые тогда надъ нимъ пролетѣли. Кто бы подумалъ , чтобъ такое свидѣтельство могло къ чему нибудь послужить? Но карать злодѣяніе есть первой долгъ боговъ.

Прошло шесть мѣсяцовъ , и не смотря на всѣ старанія найти виновныхъ, убійцы , закрытые непроникаемымъ покровомъ тайны , презирали мщеніе законовъ. Но однимъ днемъ, на Аѳинскомъ рынкѣ увидѣли они стадо журавлей. Одинъ изъ нихъ сказалъ смѣючись товарищамъ своимъ: „Вотъ свидѣтели стихотворца Ибика.“ Какъ молва о его смерти разпространилась по всему городу , то одна четырнатцатилѣтняя дѣвочка , услышавъ разбойниковы слова ,

и взявъ объ нихъ худое мнѣніе съ ихъ лица, донесла о слышанномъ ею одному изъ Архонтовъ. По сему слабому подозрѣнію они взяты подъ стражу: замѣшательство ихъ и спутанносшь въ отвѣтахъ побудили судей предать ихъ пыткѣ. Нестерпимость мукъ извлекла признаніе, и они приговорены къ низверженію въ Бараѳру (*).“

Мы преклонили главы наши передъ правосудіемъ боговъ, которое въ семъ случаѣ возблистало такими удивительными путями. — „Но кто возвратитъ мнѣ любезнаго моего Ибика! вскричалъ Біонъ. О мой другъ! кто другой, кромѣ тебя, извлечетъ звуки изъ твоей флейты! Какой смертной отважится приложить уста къ твоимъ свирѣлямъ! Орудія пѣсней твоихъ помнятъ еще о дыханіи, которое влагало въ нихъ душу!“

Для прекращенія сихъ печальныхъ размышленій, попросили мы его, чтобъ онъ разсказалъ намъ исторію Аполлони-

---

(*) Бараѳра была пропасть, въ которую низвергали преступниковъ.

дову. — „Разскажу; но лучи умирающаго солнца едва уже бѣляшъ края горизонша; пусшимъ эшу чашу Лесбосскаго вина въ честь Комусу; между шѣмъ освѣшяшъ нашу хижину. Весперъ! вскричалъ онъ, шы возвращаешь намъ покой и веселіе, и показываешь время, въ кошорое наши чаши должны наливашься. Съ насшупленіемъ швоимъ сшада шекушъ въ клева; молодая пасшушка приходишъ къ своей машери, цѣлуешъ ее и даешъ ей ошчешъ о паствѣ. О весперъ! шы соединяешь всѣ существа, кошорыя заря разсѣяла!“ Невольники зажгли множесшво свѣшильниковъ, опусшили решешки, и мы очушились въ ошкрышомъ съ шрехъ сшоронъ перисшилѣ. Озеро было у насъ передъ глазами; мы смошрѣли на шихое струеніе спокойныхъ водъ его, наслаждались прохладносшью воздуха и ошраженіемъ лунныхъ лучей ошъ поверхносши жидкаго крисшала. Когда невольники вышли, Біонъ началъ свое повѣсшвованіе.

ГЛАВА VI.

Жизнь Аполлонида.

Сперва скажу вамъ, какимъ образомъ началась наша дружба. Въ двадцать пять лѣтъ отъ роду находился я въ Мегарѣ, во власти бога Купидона. Обладательница сердца моего, Никарета, была женщина умная; она слушала уроки въ школѣ премудраго Платона. Случилась мнѣ нужда отъѣхать въ Ѳивы; но страсть ускорила мое возвращеніе. Двѣ недѣли показались нѣжной моей нетерпѣливости двумя годами. Пріѣхалъ, полетѣлъ къ моей богинѣ: она принимаетъ меня съ благопристойною холодностью, не показывая ни смущенія, ни восторга; хочу броситься въ ея объятія, она удаляетъ меня съ важною и величественною осанкою. Изумленъ отъ такого пріема, дѣлаю ей нѣжные выговоры. „Успокойся, сказала она мнѣ, и возьми терпѣніе меня выслушать. Ты любезенъ, и я любила тебя около шести мѣсяцовъ. — Удивительно долго! — И долго, и не долго;

въ морали нѣтъ ничего опредѣлительнаго, все имѣетъ отношеніе къ обстоятельствамъ. Во время твоего отсутствія поступила я по правилу, которое ты мнѣ часто твердилъ, по правилу, что *удовольствіе должно быть нашимъ Оракуломъ*. Я вопросила этого Оракула, и получила въ отвѣтъ, что должна предпочитать того, кто мнѣ больше нравится, съ кѣмъ надѣюсь наслаждаться больше.“ Услыша такое признаніе, я воспылалъ, называлъ ее неблагодарною, вѣроломною. — Вотъ, вскричала она, Философы нашего времени! удивительные люди, когда надобно только умствовать; но какъ скоро дойдетъ имъ чередъ доказать свою теорію собственнымъ поведеніемъ, то увидишь ихъ малодушнѣе, слабоумнѣе маленькаго ребенка. Признайся, что самолюбіе, а не любовь причиною твоей досады. — Что касается до тебя, то я увѣренъ, что не самолюбіе завлекло тебя въ непостоянство, потому что, по обыкновенію вашего пола, ты жертвуешь меня какому нибудь дураку. —

въ этомъ оправдаться мнѣ не трудно. Ежели ты можешь соблюсти нѣсколько разсудка и спокойствія, то прошу отужинать у меня севодни съ твоимъ соперникомъ; увидишь, достоинъ ли онъ совмѣстничества. Вы другъ друга не знаете; недѣля только, какъ онъ здѣсь. — Однакожь успѣлъ довольно; надобно думать, что онъ очень прелестенъ? — Увидишь. — Имя его? — Аполлонидъ. Онъ изъ Косса острова, которой еще славнѣе рожденіемъ Апелла и Иппократа, нежели превосходными своими винами. Хотя онъ старѣе тебя однимъ только годомъ, однакожь отправляетъ уже Медицинскую практику съ хорошимъ успѣхомъ." Посердясь и поворчавъ нѣсколько времени, я согласился на предложеніе и ужиналъ съ Аполлонидомъ. По сродной ему наклонности духа, онъ старался всячески угодить мнѣ, наговорилъ мнѣ много лестнаго, хвалилъ мои дарованія, превозносилъ мою славу, и просилъ моей дружбы съ тѣмъ сердечнымъ жаромъ, съ тою пріятностью, которая предупреждаетъ размышленіе и

увлекаетъ по неволѣ. Съ того самаго времени тѣсная связь соединила насъ неразрывными узами, и вы можете судить по его портрету, созданъ ли онъ былъ для дружбы и любви.

Аполлонидъ имѣлъ блистательное воображенiе, великую прозорливость, и тотъ вѣрной, безошибочной смыслъ, которой видитъ, ловитъ связи между вещами, и составляетъ истинной разумъ. Разумъ Аполлонидовъ былъ простъ, какъ сама природа: не прятался и не старался оказываться; память у него была прещастливая. Имѣя глубокiя знанiя въ Ботаникѣ, Физiологiи и Медицинѣ, онъ украшалъ науку прiятностью и веселостью своего характера, и склонностью къ Музыкѣ и Поэзiи, въ которыхъ упражнялся съ успѣхомъ. Страстенъ къ славѣ, жаденъ къ забавамъ, любя богатство, но единственно для того, чтобъ его разточать, онъ посвящалъ всѣ часы жизни своей на удовлетворенiе своимъ страстямъ; учился днемъ, ночи проводилъ на пирахъ, и спалъ не болѣе

двухъ или трехъ часовъ. Когда я говорилъ ему, что онъ мало оставляетъ себѣ времени на отдохновеніе, то онъ отвѣчалъ мнѣ: „То, что я отнимаю отъ ночей, прибавляю къ днямъ своимъ.“

Его врачебныя правила ввели его въ славу. Онъ охуждалъ жестокія лекарства, и говорилъ, что врачь обязанъ лѣчить пріятнымъ образомъ. Всѣ его предписанія были самыя легкія: онъ требовалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ воздержанія отъ мяса, отъ вина, и совѣтовалъ прогуливаться. Всякой день изобрѣталъ онъ для своихъ больныхъ какую нибудь новую забаву. Онъ выдумалъ множество разныхъ родовъ купальней, въ томъ числѣ висячія. Не одобрялъ кровопусканія, рѣдко употреблялъ слабительныя, и говорилъ смѣючись, что разсмотрѣніе урины надобно оставить красильщикамъ. Не старался ускорять исцѣленія, будучи такого мнѣнія, что довольно, естьли врачь раздѣлитъ эту честь съ натурою. Онъ признавался, видя множество недостой-

ныхъ врачей, что общество много бы выиграло, естьли бы запретили Медицину. Въ угожденіе прекрасному полу учился онъ свойствамъ *Косметиковъ* (притираній), и изобрѣлъ многіе роды румянъ и составовъ для крашенія волосъ. Болѣе всего углубился онъ въ лѣченіе того рода меланхоліи, которая, по его мнѣнію, происходитъ отъ черной желчи и повреждаетъ воображеніе; тѣ, которые одержимы этою болѣзнью, погружены въ глубокое уныніе, и непреодолимую имѣютъ склонность къ уединенію; они мечтаютъ себя превращенными въ царей, въ боговъ, въ волковъ, въ собакъ, въ кроликовъ: мы называемъ ихъ *Ликанеропами* (оборотнями). Онъ разсказывалъ, что нѣкоторая женщина держала всегда одинъ изъ своихъ пальцевъ поднятымъ, въ той мысли, что она поддерживаетъ міръ. Одинъ живописецъ забралъ себѣ въ голову, что кости его размягчились какъ воскъ, и не смѣлъ сдѣлать ни одного шагу. Аполлонидъ обѣщался вылѣчить его на вѣрное, но съ тѣмъ, чтобъ онъ шесть дней не-

вставалъ на ноги. Меланхоликъ исполнилъ предписаніе врача со всею точностью, и послѣ шестидневнаго срока началъ ходить скоро и безъ опасенія. Нѣкто, по имени Левкиппъ, родомъ изъ Аргоса, представилъ себѣ, что онъ заяцъ; обо всемъ прочемъ разсуждалъ какъ человѣкъ умной; но какъ скоро усматривалъ собаку, то начиналъ трепетать и бѣжалъ спрятаться. Другъ мой вылѣчилъ его посредствомъ баловъ, спектаклей и музыки. Естьли бы подробности Медицины не были скучны, то я разсказалъ бы вамъ его правила. — Мы увѣряли Біона, что онъ такимъ повѣствованіемъ сдѣлаетъ намъ великое удовольствіе. — Прежде надобно досказать, какимъ образомъ окончилась его любовная связь съ Никаретою. Узнавъ, что я былъ ему солюбовникомъ, и покинутъ для него, онъ тотчасъ прибѣжалъ ко мнѣ изъявить свое сожалѣніе и упрашивать меня, чтобъ я взялъ опять эту красавицу. Я отрекся; вышелъ у насъ великой споръ; наконецъ онъ предложилъ мнѣ кинуть жребій, кому она доста-

нется. Эта мысль показалась мнѣ очень забавною; не льзя было не согласиться. Мы бросили три кости, и выпала ему Венерина выметка (*). „Фортуна и Киприда, сказалъ я ему, отдаютъ тебѣ Никарету; не противься, мой другъ, своему благополучію.„ Эта полюбовная сдѣлка достигла до Никаретиныхъ ушей; и какъ она была самолюбія не столько сговорчиваго, какъ мое, то и прогнала побѣдителя моего безъ всякаго милосердія. Обращаюсь теперь къ его афорисмамъ.

Онъ совѣтуетъ всякому здороваго сложенія человѣку не порабощать себя никакой діетѣ, не спрашиваться врачей, и жить чаще въ деревнѣ, нежели въ городѣ. Очень выхваляетъ движеніе, потому что покой приводитъ въ разслабленіе, а трудъ укрѣпляетъ; покой ускоряетъ наступленіе старости, а трудъ продлѣваетъ молодость. Также

(*) Греки называли Венериною выметкою, когда выпадало на всѣхъ трехъ костяхъ по шести.

предписываетъ ѣсть иногда больше, а иногда меньше, и лучше раздѣлять пищу на два раза, нежели наѣдаться въ одинъ разъ. Въ разсужденіи исполненія брачныхъ должностей, вотъ его правило. Онъ совѣтуетъ супругамъ для собранія плодовъ любви дожидаться зари. „Послѣ покойнаго и сладкаго сна, говоритъ онъ, тѣло легче и поворотливѣе;" и въ доказательство того ссылался на крестьянъ, которые засыпаютъ, какъ скоро лягутъ, и не прежде утра исполняютъ супружескія должности, а однакожъ дѣтей раждаютъ здоровыхъ и крѣпкихъ. „Птицы, прибавлялъ онъ, позинуясь только натурѣ, и будучи ею одною наставляемы, избираютъ почти всѣ на торжествованіе своего брака время возшествія зари; ихъ пѣніе есть выраженіе удовольствія. Біонъ спросилъ насъ, что мы думаемъ о семъ Аполлонидовомъ правилѣ? — По моему мнѣнію, вскричалъ Фаноръ, птицы очень глупы: что мѣшаетъ упражняться въ любви и поутру и ввечеру?„ Мы посмѣялись этому раз-

сужденію; и всякой изъ насъ объявилъ, что онъ рѣшеніемъ Фанора доволенъ.

„Теперь, продолжалъ Біонъ, вы услышите обстоятельства нещастнаго приключенія, которое похитило у меня любезнѣйшаго, достойнѣйшаго любви изъ друзей моихъ. О дражайшій мой Аполлонидъ! естьли бы ты зналъ, сколько смерть твоя стоила мнѣ слезъ! Чего бы я не отдалъ, чтобъ имѣть у себя драгоцѣнные твои остатки, истлѣвающіе въ землѣ варваровъ! Я покрылъ бы ихъ лавромъ и цвѣтами, слезы мои окропили бы твою гробницу, и безсмертная тѣнь твоя приняла бы съ благодарностію дань горести и дружбы.

Аполлонидъ, алкая знаній, отправился обогащать свой разумъ въ Аѳины. Пробывъ тамъ около года, поѣхалъ въ Самосъ и вылѣчилъ Тиранна Поликрата отъ болѣзни весьма опасной. Два золотыхъ таланта были его наградою. Нѣсколько времени послѣ Персы взяли его въ плѣнъ. Онъ скрылъ отъ нихъ какъ

имя свое, такЪ и званіе; но его узнали и потребовали вЪ Персеполь для лѣченія Царя Дарія, которой чувствовалЪ сильную боль отЪ вывихнутія ноги. Другу моему удалось; царь выздоровѣлЪ. ПотомЪ вылѣчилЪ онЪ еще и Атоссу, Даріеву супругу, у которой на груди былЪ ракЪ. Дарій обогатилЪ его дарами, осыпалЪ всѣми знаками благоволенія и допустилЪ кЪ своему столу. ОнЪ былЪ бы щастливѣйшимЪ изЪ смертныхЪ, естьли бы посреди этого блистательнаго и роскошнаго двора возмогЪ умѣрить склонность свою кЪ любви, или по крайней мѣрѣ не вознесЪ бы своихЪ желаній до Амиѳы, Даріевой сестры, женщины рѣдкой красоты, и вЪ самомЪ цвѣтѣ молодости, хотя она уже была вдова. Пріятности разума его, и искусство составлять косметики, доставили ему свободной кЪ ней входЪ. Благоразуміе оковывало нѣсколько времени его чувствованія. Но Амиѳа впала вЪ одну изЪ тѣхЪ болѣзней, которыя медленными шагами ведутЪ во гробЪ. Частыя Аполлонидовы посѣщенія усили-

ли страсть его. Между тѣмъ не смотря на его старанія, не смотря на всѣ пособія науки, прекрасная, любезная царевна увядала, погибала какъ роза, отдѣленная отъ своего стебля; она была неутѣшима; воображеніе смерти приводило ее въ трепетъ. Принесены безчисленныя жертвы на вершинѣ горъ, солнцу, лунѣ, землѣ, воздуху и вѣтрамъ; Митра, или Венера Уранія осыпана дарами. Нѣкогда, будучи одна съ Аполлонидомъ, жаловалась она на свою участь, на необходимость умереть посреди весны своихъ дней, посреди всѣхъ удовольствій, которыя могутъ прилѣплять къ жизни. „О мой другъ! вскричала она, проливъ горестныя чувствованія души своей; о любезной мой Аполлонидъ! употреби всѣ твои старанія, всю твою науку; спаси меня, спаси меня!" – И говоря такимъ образомъ, она орошала слезами злато и шелкъ пышнаго своего ложа.

Аполлонидъ, тронутой до глубины сердца, возмущенной и жалостью и любовью, отвѣчалъ ей только глубокимъ

вздохомъ. — „Ахъ! вижу, что я погибла! Ты уже не имѣешь надежды! Нѣтъ никакого средства! . . . — Есть одно, въ которомъ я такъ увѣренъ, какъ въ собственномъ моемъ бытіи, сказалъ врачь трепещущимъ голосомъ; но какъ предложить его!" Амиѳа, которой Аполлонидовы слова возвратили нѣсколько надежды, требовала неотмѣнно, чтобъ онъ сказалъ ей лѣкарство. Аполлонидъ потупилъ глаза и молчалъ; но какъ Царевна настояла въ своемъ требованіи, и начала говорить повелительнымъ образомъ; то Аполлонидъ, отъ того ли, что онъ дѣйствительно былъ такого мнѣнія, или страсть ввела его въ проступокъ, объявилъ Царевнѣ, что любовныя сладости однѣ могутъ возвратить ее къ жизни. Амиѳа покраснѣла; смущеніе стыдливости, безпокойство сомнѣнія и тихая свѣтлость надежды видны были совокупно на томномъ, но прекрасномъ ея лицѣ. „Знаю, продолжалъ Аполлонидъ, что предразсудки, фантомы благопристойности и

добродѣтели запрещаютъ употребленіе такого средства; но Царевна! подумай, что жизнь твоя драгоцѣнна всему Государству, любезна всѣмъ твоимъ родственникамъ, любезна тебѣ самой; покорись необходимости. Любовь услаждая чувства, согрѣваетъ душу пламенемъ кроткимъ, благодѣтельнымъ, котораго я нѣсколько разъ видѣлъ спасительныя дѣйствія. Видѣлъ дѣвицъ блѣдныхъ, изсохшихъ, едва дышущихъ; и послѣ того, какъ они вкусили удовольствія брака, не узнавалъ ихъ: наслажденіе возвратило имъ и здоровье, и свѣжесть, и всю прежнюю красоту. Есть примѣры, что даже безобразныя отъ рожденія сдѣлались красавицами. Сказываютъ, что одна Спартанская дѣвушка, немилосердно обиженная натурою при одѣленіи прелестями, вышедъ за мужъ, перемѣнилась такъ, что могла бы вступить въ соперничество съ Еленою." Словомъ сказать, Аполлонидъ подкрѣпилъ свой совѣтъ доказательствами столь убѣдительными, краснорѣчіемъ столь чувствительнымъ, изъявилъ въ своихъ вы-

раженіяхЪ и взорахЪ столько жара и соучастія: жизнь имѣетЪ столько пріятности, что сестра и дщерь Царей предала себя совѣтамЪ и желаніямЪ врача своего.

Но Амиѳа, подобно жертвѣ, которую украшаютЪ цвѣтами вЪ минуту закланія, изтлѣвала отчасу больше; дѣятельность лѣкарства, вмѣсто изтребленія болѣзни, развернула ея силы и ускорила гибельныя дѣйствія.

Когда слезы и смущеніе, ужасЪ и молчаніе окружавшихЪ ложе Царевны, открыли ей опасность, страшное отчаяніе овладѣло ея душею; она не могла пріучить себя кЪ мысли, что надобно перестать жить. Одна изЪ ея женщинЪ, чтобЪ занять и утѣшить больную, начала говорить о ея величіи, о ея блистательной степени. — „ Да, вскричала Амиѳа; севодни сестра величайшаго Царя на земли, а завтра ничто! “ Она приписала усиленіе болѣзни мнимому Специфику Аполлонидову, и вЪ помѣшательствѣ ума открылась во всемЪ матери своей. Скоро почувствовала она

свою ошибку; просила преступнику прощенія, которое и обѣщано; но Дарій былъ раздраженъ: гордость Царей непримирима!

Нещастнаго Аполлонила осудили бросить живаго въ могилу. Отрядъ тѣлохранителей, называемыхъ безсмертными, отвелъ его на мѣсто казни. „О любезной Аполлонидъ! о мой нѣжной и достойной другъ! какой ужасъ долженъ былъ поразить тебя, когда ты приступилъ къ этому гробу, въ которомъ надлежало тебѣ заключиться живому, и погребсти столько разума, столько знаній, столько талантовъ и жизнь! Какое отчаяніе, какое изступленіе должно было терзать тебя въ продолженіе мучительныхъ часовъ, которые ты жилъ въ этой пропасти!“ При сихъ словахъ рыданія и слезы пресѣкли рѣчь Біонову. Мы плакали всѣ; глубокое молчаніе царствовало въ храминѣ. Напослѣдокъ Біонъ преодолѣвъ свою горесть, началъ продолжать повѣствованіе. „Взвалили на могилу камень и поставили стражу. Дважды солнце описало дневной кругъ, когда Амиѳа

узнала о казни Аполлонидовой. Подвигнута, разтерзана сострадані емЪ, вознамѣрилась она сократить муки нещастнаго, ускоря смерть его. Она убѣдила стражей могилы; посланной опустился вЪ мрачное жилище сЪ лампадою вЪ одной рукѣ и чашею яда вЪ другой. АполлонидЪ лежалЪ на землѣ, завернувшись вЪ епанчу, и уже едва дыша. Увидя огонь, онЪ приподнялся сЪ великимЪ трудомЪ, и принявЪ чашу, спросилЪ исполнителя печальнаго препорученія: жива ли Амиѳа? — „Амиѳа жива, и этотЪ ядЪ посланЪ отЪ нее: болѣзнуя о нещастіяхЪ твоихЪ, она хотѣла сдѣлать имЪ конецЪ!" АполлонидЪ поблагодарилЪ его наклоненіемЪ головы, и устремя на него взорЪ, исполненной кротости, сказалЪ: „Ты мнѣ принесЪ добрую вѣсть; я не во всемЪ нещастливЪ. Скажи Царевнѣ, что АполлонидЪ чувствуетЪ всю цѣну ея милостей." По томЪ онЪ выпилЪ ядЪ, легЪ опять на свою епанчу, и будучи чрезвычайно слабЪ, угасЪ вЪ ту же минуту.„ БіонЪ, окончивЪ свою повѣсть, облился

слезами, зарыдалЪ, вскочилЪ и бросился обнимать ликЪ своего друга. Для прекращенія сей терзательной сцены, сдѣлалЪ я знакЪ Фанору, чтобЪ онЪ заигралЪ на лирѣ. ОнЪ началЪ прелюдіею хроматической Тимоѳеевой мѣры; потомЪ нечувствительнымЪ переходомЪ музыка сдѣлалась живѣе и веселѣе; Ѳеофанія присоединила кЪ звукамЪ ее свой голосЪ, и запѣла Біонову пѣсенку:

Время летитЪ; тысяча вѣковЪ вЪ сравненіи сЪ вѣчностью одна точка. УпотребимЪ такія скороутекающія минуты на то, чтобЪ насладиться предоставленными намЪ благами, изЪ коихЪ главныя: здоровье, красота и богатство, честнымЪ образомЪ пріобрѣтенное; и да произойдетЪ изЪ соединенія всего сего то любезное удовольствіе, которое утѣшаетЪ и украшаетЪ жизнь!

Сія блистательная гармонія разсѣяла всѣ собравшіяся облака печали. Веселость возсіяла, и вЪ слѣдующій день положено итти на охоту сЪ соколами. Возвращаясь домой, катались мы еще по гладкому озеру, подЪ тихими лунны-

ми лучами; послѣ чего уклонились благополучно въ пристанище, и каждой изъ насъ, восхищенъ прошедшимъ днемъ, полетѣлъ въ объятія сладкаго покоя и любезнаго сна.

ГЛАВА VII.

Фаноръ влюбляется. Разговоръ его съ Антенором. Травля птицъ.

Какъ скоро я остался одинъ съ Фаноромъ, то онъ началъ говорить съ такимъ жаромъ о прелестяхъ, о красотѣ, о талантахъ Ѳеофаніи, что я побоялся, не пронзилъ ли его жестокой купидонъ вторично своею стрѣлою. Страхъ мой былъ справедливъ; Фаноръ признался мнѣ, что онъ влюбленъ. „А Ѳеана, сказалъ я, которую ты боготворилъ? а твое достойное трагическаго Героя отчаяніе? а твое отвращеніе отъ жизни? а скочокъ съ горы Левкадской? куда все это дѣлось? — Туда же, куда дѣваются мечты сновидѣнія, когда человѣкъ проснется. — А элегическіе

стихи твои? — Пригодятся мнѣ на другой случай, естьли еще разъ я сойду съ ума до того, что буду сокрушаться о невѣрности женщины. — Но скажи по крайней мѣрѣ, чего ты хочешь, чего надѣешься? — Любви. Біонъ очень старъ. — Однакожъ очень любезенъ. Ты слышалъ отъ него, что Анакреонъ въ восемдесятъ лѣтъ отъ роду умѣлъ понравиться? — Біоновы слова не божеской оракулъ; но естьли это и случилось, то такіе феномены не всякой день видимы бываютъ. Въ любви потребна дерзость. Я проведу всю эту ночь въ піитическомъ изступленіи, и напишу стихи молодой моей богинѣ.„ Я хотѣлъ отвести его отъ сего намѣренія, потушить пламя въ самомъ началѣ, но слухъ его затворенъ былъ разсудку.

На другой день всѣ поднялись съ зарею. Освѣжены живительною прохладностью утра, мы отправились на охоту, каждой съ соколомъ на рукѣ. Пришедъ на одну равнину, окруженную со всѣхъ сторонъ отлогими пригорками,

внизу разставили сѣти, а сами заняли высокія мѣста. Травля была очень удачна; одна только Ѳеофанія не раздѣляла общаго удовольствія: чувствительная душа ея страдала по бѣднымъ тварямъ, которыхъ смерть насъ забавляла.

Отдохнувъ нѣсколько минутъ, Біонъ и я пошли провожать Лакида: онъ возвращался въ домъ свой. Фаноръ остался съ прекрасною Психеею, чтобъ отдать ей свои стихи. Дорогою выронилъ я свой кошелекъ; но по щастью скоро его хватился. Лакидъ, примѣтя мое безпокойствіе, сказалъ мнѣ хладнокровно: „Кошелекъ твой упалъ въ дватцати шагахъ отсюда подлѣ куста, гдѣ мы останавливались.„ Я побѣжалъ туда, и нашелъ свою пропажу. — „Для чегожъ вы не остерегли меня? спросилъ я Лакида. — Для того, что не было въ этомъ надобности; все равно: у тебя ли твой кошелекъ, или нѣтъ. — Все равно для васъ, но не для меня.„ — Тогда, въ оправданіе свое, онъ разсказалъ мнѣ, что однажды Пирронъ видя

Анаксарха учителя своего въ ямѣ, въ которую онъ нечаянно упалъ, прошелъ мимо, не подавъ ему руки. Лакидъ не упустилъ этого случая пофилософствовать, и прочелъ намъ цѣлую диссертацію, довольно непонятную. Біонъ улыбался, слушая Метафизической его языкъ, и въ веселомъ духѣ сказалъ другу своему: „Кажется, я уже поудалился отъ своего дому; пора намъ разстаться. Прощай, любезной мой Лакидъ; не лишай меня хотя изрѣдка удовольствія видѣть твою *наружность*, и мечтать пріятнымъ образомъ, что я съ тобою.„ Мы обнялись и разстались навсегда.

Идучи съ Біономъ, я говорилъ о его другѣ; мы смѣялись философическому равнодушію, съ какимъ онъ допустилъ меня потерять мой кошелекъ. — „Это чудакъ помѣшанной на безумной своей системѣ, сказалъ Біонъ; однакожь, не смотря на его странность и заблужденія, онъ пречестнѣйшій человѣкъ; душа его благородна и щедра. Одинъ изъ его пріятелей занялъ у него нѣсколько посуды; Лакидъ никогда не хотѣлъ взять

ее обратно. Въ другое время, (и въ такое, когда его состояніе было очень разстроено) Атталъ, Пергамской Царь, звалъ его къ своему двору, предлагая ему знатную сумму; Лакидъ отрекся и отъ денегъ и отъ поѣздки, и велѣлъ сказать въ отвѣтъ, что на портретъ Царей хорошо смотрѣть издали.„

ГЛАВА VIII.

Слѣдствіе Фаноровой любви.

Возвратясь къ Біону, я нашелъ Фанора въ превеселомъ нравѣ. Стихи его уже были въ рукахъ у Ѳеофаніи. Онъ мнѣ ихъ прочелъ.

Все перемѣнилось на небесахъ и на землѣ; уже не Киприда царствуетъ надъ Амурами. Златовласой Фебъ не будетъ уже отцемъ прекрасныхъ дней.

Напрасно, роза! на иглистомъ своемъ стеблѣ гордишься цвѣтами юности твоей; преклони надменную твою главу: ты уже не первая межъ цвѣтами.

Красавица, которую смертные обожаютъ, помрачаетъ все тысячью новыхъ пре-

лестей; Ѳеофанія, вмѣсто Цитереи, царствуетъ нынѣ въ Гнидѣ и Пафосѣ.

О прелестная! какъ Гева или Флора, ты сядешь за столъ Боговъ; но благоволи по крайней мѣрѣ на любовника, которой тебя обожаетъ, низвести одинъ взглядъ очей твоихъ.

„Стихи очень хороши, сказалъ я. Какъ приняла ихъ Ѳеофанія? — Какъ нельзя лучше, и подала мнѣ надежду, что я получу отвѣтъ. Сперва она позамѣшалась, покраснѣла, но напослѣдокъ застѣнчивость уступила любви.“ Я поздравилъ Фанора съ его успѣхомъ, не смѣя однакожь вѣрить, думая самъ въ себѣ, что онъ какъ нибудь ошибается. Около вечера онъ прибѣжалъ ко мнѣ въ изступленіи отъ радости, почти безъ ума; шутилъ надо мною, называлъ меня Лакидомъ Скептикомъ, и показалъ мнѣ стихи прекрасные, которые онъ лишь только получилъ отъ любезной Психеи. Въ похвалѣ стихамъ не было конечно ничего лишняго; они дѣйствительно наполнены были остротою и пріятностью. „ученица не хуже учителя, сказалъ я. — О! Біонъ ни-

когда не умѣлъ такъ писать; въ его сочиненіяхъ нѣтъ ни сотой доли этой неподкрашенной, плѣнительной тонкости; ни Коринна, ни Сафа не произвели ничего столь блистательнаго: сама Эрата водила Ѳеофанину руку. О, мой другъ! ты не можешь себѣ представить, сколько этотъ очаровательной талантъ умножаетъ мое пламя; теперь только познаю, что я никогда еще не былъ влюбленъ!“

Фаноръ не имѣя уже нималаго сомнѣнія, что Пальма ожидаетъ его на концѣ поприща, написалъ еще стихи, которыми просилъ уединеннаго свиданья, и свиданье обѣщано ему стихамижъ, обѣщано черезъ три дни: время, въ которое Біонъ долженъ былъ отлучиться въ Амфиссу.

Такая податливость удивила меня чрезвычайно: я изъявилъ все свое негодованіе на Ѳеофанію, порицалъ съ жаромъ неблагодарность ея къ своему покровителю, къ другу и любезному и великодушному; но Фаноръ въ сей самой неблагодарности видѣлъ единственно кроп-

кую чувствительность души благородной и нѣжной; время казалось ему чрезмѣрно долго, онъ умиралъ отъ нетерпѣнія. Наконецъ три дни прошли; свиданье назначено было въ молочнѣ, и какъ скоро Біонъ отправился, то Фаноръ побѣжалъ къ своей Психеѣ, блистая любовью и надеждою.

Едва онъ меня оставилъ, какъ Біонъ возвратился, ведя за собою толпу молодыхъ людей обоего пола: иные несли вѣнки, другіе факелы, флейты, кимвалы, систры и брачной свѣтильникъ. „Пойдемъ, сказалъ мнѣ Біонъ. — Куда? за чѣмъ? — Увидишь." Я смотрѣлъ выпуча глаза, не помималъ ничего и пошелъ.

Собраніе отправилось прямо къ молочнѣ и остановилось у дверей. Корифей далъ сигналъ, и всѣ хоромъ запѣли слѣдующую Эпиталаму Біонова сочиненія:

Венера, Царица Богинь; любовь, сила человѣковъ; и ты, Гименъ, источникъ жизни, васъ пою въ стихахъ моихъ; васъ трехъ: Гимена, Любовь, Венеру. Юноша, пробудись; любовь, земля, небо тебѣ улыбаются. Твоя гирланда готова. Фаноръ, наперсникъ

Венеры, блистательной супругъ Ѳеофаніи! смотри на твою любезную! она сіяетъ красотою и величіемъ. Роза, Царица цвѣтовъ; о Ѳеофанія, царица подругъ своихъ! Возстань, благополучной супругъ! ложе твое приготовлено. Да родится въ скоромъ времени въ твоемъ саду плодъ блистательной, какъ лилея, и столь же долговѣчной, какъ кипарисъ.

По окончаніи пѣнія Біонъ вошелъ въ храмину со всею блистательною свитою, и каждой поднесъ вѣнокъ смущенному Фанору; сама Ѳеофанія возложила на него гирланду. Пошли въ поле; брачной свѣтильникъ блисталъ передъ Фаноромъ; подлѣ Ѳеофаніи шла женщина пожилыхъ лѣтъ, и служила ей матерью и Паранимфою. Музыка играла, брачныя пѣсни раздавались. Достигнувъ лѣса, начали плясать между деревъ. Я смѣялся отъ чистаго сердца Фанорову замѣшательству, и благодарилъ въ душѣ своей Біона за его кроткое и умное мщеніе. Пляска перервана великолѣпнымъ столомъ. Посадили молодыхъ супруговъ рядомъ, и пропѣли еще разъ Эпитала-

му. По томъ Ѳеофанія пѣла куплетъ Біонова сочиненія, весьма пріятной и приличной обстоятельству. Послѣ стола, которой продолжался очень долго и за которымъ всѣ были веселы, исключая Героя сего торжества, плясали еще, и ночь одна прекратила наши забавы. Когда всѣ разошлись, Біонъ поздравилъ Фанора съ его бракосочетаніемъ, и сказалъ ему, что Ѳеофанія увольняетъ его отъ остальной церемоніи; послѣ сего привѣтствія онъ откланялся намъ, и мы остались одни.

Я смотрѣлъ долго на Фанора, не говоря ни слова: стыдъ и досада были написаны самыми яркими красками на лицѣ его; онъ стоялъ задумавшись, и кусалъ губы. „Ну, мой другъ, сказалъ я, согласись, что Біонъ великой мастеръ дѣлать удовольствіе гостямъ своимъ: мы провели день чрезвычайно пріятно. Да; только не я. — Шутка тебѣ не понравилась? — Признаюсь; я въ большой досадѣ: шутить такимъ образомъ не хорошо. — А по моему мнѣнію соперникъ твой отмстилъ тебѣ какъ чело-

вѣкъ умной, и которой *умѣетъ жить.* — Я не столько сердитъ на него, какъ на предательницу, которая мнѣ измѣнила. — Напрасно ты сердишься; она должна была такъ поступить. Ѳеофанія показала твои стихи Біону; а этотъ, чтобъ повеселиться на твой счетъ, написалъ за нее отвѣтъ. Посуди же теперь, что дѣлаетъ предубѣжденіе: ты поставилъ Ѳеофанію выше и Коринны и Сафы; а между ими и Біономъ такое разстояніе, какъ между небомъ и землею. Хочешь ли остаться здѣсь еще нѣсколько дней? — Чтобъ быть дуракомъ? Нѣтъ; отправимся отсюда завтра на разсвѣтѣ. — Хорошо; пойдемъ же проститься съ хозяевами. — На что? — На то, что не учтиво, не благопристойно оставить ихъ не поблагодаря.“ Фаноръ долго упрямился; наконецъ, убѣжденъ будучи моими представленіями, согласился, но не хотѣлъ никакъ видѣть Ѳеофаніи: онъ слишкомъ былъ ею раздраженъ. Мудрой Біонъ изъявилъ въ самыхъ чувствительныхъ выраженіяхъ свое сожалѣніе о нашемъ

отшествіи; просилъ у Фанора прощенія, что онъ разпространилъ свою шутку можетъ быть далѣе, нежели бы должно; увѣрялъ, что духъ мщенія отнюдь не входилъ въ его намѣреніе, и что цѣль его была единственно дать наставленіе молодому, еще не опытному человѣку; показать ему, что во всѣхъ его склонностяхъ, а особливо въ любви, какъ въ страсти самой опасной, долженъ онъ всегда руководствоваться разсудкомъ, честностью и благоразуміемъ; и наконецъ въ заключеніе просилъ насъ, чтобъ мы по крайней мѣрѣ еще одинъ разъ у него отзавтракали.

ГЛАВА IX.

Завтракъ. Философическія разсужденія. Маленькое путешествіе.

Мы встали съ возшествіемъ солнца, и какъ скоро сѣли за столъ, то вошла Ѳеофанія, смотря на насъ съ пріятною улыбкою, и неся молоко и плоды. Она извинялась передъ Фаноромъ въ невин-

номъ своемъ обманѣ, говоря, что какъ она никогда не посѣщала Парнасскихъ рощей, то и принуждена была, для сочиненія отвѣта, просить помощи у Біона. Фаноръ, умилостивленной веселымъ нравомъ и любезностью сей прекрасной куколки, бросился къ ея ногамъ, просилъ прощенія, и обѣщался въ очищеніе своего проступка сохранить вѣчно образъ ея въ своемъ сердцѣ.

Послѣ сего примиренія довѣренность и дружба возвратились украсить нашъ прощальной завтракъ. Біонъ былъ чрезвычайно веселъ и любезенъ. Я смотрѣлъ на него съ пріятнымъ удивленіемъ, и сказалъ ему, что почитаю его щастливѣйшимъ изъ смертныхъ. — Конечно я щастливъ, отвѣчалъ онъ; щастливъ вопреки правилу Солона, что *ни одинъ человѣкъ не можетъ быть названъ щастливымъ прежде смерти*; потому что смерть одинъ мигъ. Презримъ Фантомы суевѣрія, и смерть будетъ не страшна. Я щастливъ нынѣ отъ того, что не противлюсь уже ни склонностямъ своимъ, ни характеру; что живу въ уеди-

неніи; что занимаю разумъ свой единственно для того, чтобъ увеселять, просвѣщать его, а не изъ желанія пустой славы; что скупость, честолюбіе, всѣ людскія страсти не имѣютъ уже доступа къ моей душѣ, не возмущаютъ моего покоя; что мои желанія соразмѣрны возможности; что я дѣлаю добро сколько могу, а благодѣтельство есть такой ароматъ, котораго благуханныя, бальзамическія испаренія обращаются всегда на Творца его. Придетъ время, и придетъ скоро, когда надобно будетъ оставить этотъ домъ, мои рощи, мои кусточки, книги, и эту Психею, которая украшаетъ все; когда мысль о такой разлукѣ представляется моему воображенію, я не огорчаюсь. Я размышляю нѣсколько минутъ и восклицаю самъ въ себѣ: „Поспѣшимъ насладиться жизнью, пока пламенникъ ея не угасъ еще: „ Тогда Біонъ обратился къ Психеѣ: " Ты закроешь глаза мои, сказалъ онъ ей; ты примешь послѣдній вздохъ мой. Когда увидишь, что душа моя готова отлетѣть, удержи ее на пути хотя нѣ-

сколько минутъ трогательными звуками твоей лиры; играй мнѣ арію, которую больше я люблю, и можетъ быть смерть моя будетъ сладостна. Вы видите, продолжалъ онъ, относя рѣчь свою къ намъ, что благополучіе не всегда похоже на тѣ ускользающіе плоды, которыхъ Танталъ не можетъ достать; что судьба человѣка зависитъ по большой части отъ него самаго, и что не рѣдко жалуется онъ на боговъ напрасно. — Хорошо, сказалъ я; однакожь не у всякаго есть прекрасной загородной домъ, здоровье и любезная Психея; не всякой одаренъ разумомъ и пріятными талантами. — Слышалъ ли ты анекдотъ о Гигесѣ, Царѣ Лидійскомъ? Сказываютъ, что онъ полюбопытствовалъ знать: есть ли кто его благополучнѣе? Оракулъ, котораго онъ вопросилъ, наименовалъ ему Аглая. Этотъ Аглай, житель Аркадіи, самой бѣдной селянинъ, никогда не оставлялъ родительской полосы, обработывалъ ее своими руками, и жилъ доволенъ тѣмъ, что его нива ему приносила. Но я покажу тебѣ сево-

дни человѣка, которой еще удивительнѣе: онъ не имѣетъ никакой собственности, ни вершка земли, и калека отъ самаго рожденія своего, а живетъ доволенъ и благословляетъ свою участь. Пребываніе его отсюда не далеко; я васъ туда провожу." Θеофанія пожелала быть нашею спутницею, и мы всѣ пошли.

Дорога была очень пріятна. Біонъ разсказывалъ намъ разные Анекдоты. Фанеръ пѣлъ жалобную свою пѣсню на невѣрность Θеаны. Мы шутили на счетъ его послѣдняго брака; сожалѣли, что лучшее изъ обряда потеряно для него; а онъ принималъ шутку веселымъ сердцемъ, и былъ очень любезенъ. Мы не видали, какъ протекло время, когда дошли до убогой хижины благополучнаго смертнаго. Я увидѣлъ бѣдняка покрытаго лохмотьями, котораго свѣжее, румяное лице показывало здоровье и спокойствіе духа; онъ сидѣлъ, поджавъ ноги возлѣ очага; предъ нимъ тлѣлось нѣсколько углей,

на которыхъ стоялъ чугунной горшокъ; онъ принялъ насъ съ веселымъ лицемъ. Біонъ далъ намъ замѣтить, что онъ лишенъ употребленія ногъ своихъ, одержимыхъ параличемъ отъ самаго младенчества, и не можетъ ходить иначе, какъ на колѣняхъ; онъ въ закопченой своей хижинѣ былъ одинъ. Я спросилъ его, естьли въ горшкѣ мясо? — „Нѣтъ, коренья только; мои доходы не такъ велики, чтобъ ѣсть мясо. — Чѣмъ ты кормишься? — Я работаю корзинки, и кой-какія другія бездѣлки. — И ты доволенъ? — Какъ Царь, а особливо, когда есть работа. — По крайней мѣрѣ эта изба принадлежитъ тебѣ? — О! естьли бы изба была моя, то я почелъ бы себя богачемъ; одинъ доброй человѣкъ позволяетъ мнѣ жить здѣсь. — Выходишь ли иногда? — Рѣдко; безъ ногъ далеко не дойдешь; надобно тащиться по камнямъ, по грязи. — Не скучно ли тебѣ жить одному безъ товарища, безъ пріятеля? — Я никогда не знаю скуки. — Умѣешь ли читать, писать? — Желалъ бы; однакожь, какъ быть! можно обой-

тись и безъ того. — Тебѣ не страшно въ этомъ отдаленномъ мѣстѣ беззащитному, увѣчному? — Страшно? да что у меня взять? воры умѣютъ пронюхивать; они слышатъ деньги чутьемъ, и не пойдутъ въ нору бѣднаго. — Которой тебѣ годъ? — Сорокъ пятой. — Всегда ли ты былъ калека и бѣденъ? — Всегда; однакожь, благодарю боговъ, въ аппетитѣ и работѣ не имѣлъ недостатка.“ Я столько находилъ удовольствія разспрашивать сего философа Натуры, которой, по моему мнѣнію, превосходилъ мудростью и Пиѳагора и Зенона, что проговорилъ бы съ нимъ охотно цѣлой день. Послѣ множества другихъ вопросовъ, мы спросили его, не можемъ ли быть ему полезными; не надобно ли ему чего? — Работы только.“ Біонъ обѣщалъ исполнить его желаніе. Мы хотѣли дать ему нѣсколько денегъ; но онъ не принялъ. „Ты меня печалишь сказалъ Біонъ. — Хорошо, хорошо, давайте: вы честные люди, и одолжаете отъ добраго сердца, а не изъ тщеславія.“

— Видите ли, въ какихъ норахъ щастіе вьетъ себѣ гнѣздо, сказалъ Біонъ, когда мы вышли изъ хижины. Богачи, вельможи, Цари безпокоятся, мучатся посреди величія и удовольствій; а этотъ калека, въ бѣдности, въ униженіи, безъ общества, одинъ, и снѣдая грубые коренья въ потѣ лица своего, доволенъ своею судьбою! О правосудіе боговъ! познаю твою щедроту!"

Настала минута нашей разлуки; она была трогательна. Хозяева обняли насъ съ изъявленіемъ нѣжнѣйшаго дружества. Фаноръ не могъ удалиться отъ Ѳеофаніи; онъ отходилъ, возвращался, начиналъ снова прощаться; наконецъ мы отправились.

Для дополненія Біоновой исторіи, я опишу смерть его, о которой узналъ самымъ неожиданнымъ случаемъ сорокъ лѣтъ спустя.

ГЛАВА X.

Свиданіе Антенора съ Өеофаніею черезъ сорокъ лѣтъ послѣ бытности его у Біона.

Я путешествовалъ, и проѣжжая мимо храма Юноны, которой стоитъ на дорогѣ изъ Фалера въ Аѳины, вздумалъ посмотрѣть его. Расположеніе достойно примѣчанія: Сей храмъ не имѣетъ стѣнъ, и обнесенъ только колоннами, что и составляетъ открытую со всѣхъ сторонъ ограду. Фигура сего зданія привела мнѣ на память Біонову столовую палату на островѣ Дружбы, построенную почти такимъ же образомъ; и тотчасъ мѣсто, въ которомъ я находился, сдѣлалось для меня пріятнѣе; нѣкоторое сладкое чувствованіе влекло къ нему мою душу. Вдругъ вижу престарѣлую женщину, которая разсматриваетъ меня примѣчательно; сталъ и я разсматривать ее. Казалось мнѣ, что сквозь морщинъ и всѣхъ перемѣнъ суровою рукою времени произведенныхъ, познаю черты ея, познаю остатки лица прелестнаго. Я уподоблял-

ся страннику, взирающему на развалины храма, которой нѣкогда былъ великолѣпенъ; мысль его обращается на прошедшее; онъ видитъ зданіе въ прежнемъ величіи, во всемъ блескѣ, видитъ, и преисполненъ удивленія восклицаетъ: „О время! сколько прекраснаго ты погубило!„ Между тѣмъ незнакомка и я, продолжая другъ друга разсматривать, мало по малу другъ къ другу приближились. Когда мы сошлись лицемъ къ лицу, то нѣсколько минутъ стояли безмолвны. Напослѣдокъ я сказалъ ей: „Думаю, что мы знакомы; не льзя статься, чтобъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ мы не видались! — Да, черты ваши меня поражаютъ! то же лице, тотъ же голосъ, тотъ же ростъ!„... И говоря такимъ образомъ, осматривала меня съ головы до ногъ. „Сходство совершенно! вскричала она; вы сынъ Антеноровъ! — Антеноръ мое имя, но у меня нѣтъ сына; а отца моего вамъ не льзя было знать. — Вы Антеноръ! невозможно. — Однакожъ это правда. — Помните ли Біона, Өео-

фанію? — Ахъ! вы Ѳеофанія!,, Мы бросились другъ къ другу и обнялись нѣжно; по томъ, чтобъ поговорить больше на свободѣ, вышли изъ Храма. Я сдѣлалъ ей тысячу вопросовъ, она также. Свѣжесть и моложавость моя казались ей непонятнымъ чудомъ; она не знала что думать: Богъ ли я, или одинъ изъ тѣхъ Геніевъ, которыми Платонъ населилъ небо. Я увѣрялъ ее, что я такой же смертной, какъ и всѣ, предназначенной, или осужденной, можетъ быть, перейти за обыкновенной предѣлъ жизни человѣческой. — А меня какъ находите? Не правда ли, что я очень состарѣлась? — Вы и теперь кажетесь мнѣ столько же любезною, какъ были въ дватцать лѣтъ отъ роду.,, Сей отвѣтъ былъ не *отвѣтъ*; но шестидесятилѣтняя Ѳеофанія разсудила имъ удовольствоваться. По томъ я спрашивалъ ее о Біонѣ, объ эпохѣ его смерти. — ,,Онъ жилъ еще тринадцать лѣтъ послѣ вашего отъѣзда, всегда любезенъ и веселъ, всегда занятъ стадомъ своимъ, мною и

Поэзіею. Ослабѣніе разума его начало быть примѣтнымъ единственно по избытку его стиховъ; чѣмъ больше онъ старѣлся, тѣмъ плодовитѣе муза его становилась; но она произращала цвѣты безъ запаха и плоды безъ вкуса. Получше другихъ его стиховъ тѣ, которые онъ сочинилъ за нѣсколько дней передъ смертью. Можно уподобить его угасающей лампадѣ, которая передъ послѣднимъ концомъ своимъ вдругъ оживаетъ, и испускаетъ на одно мгновеніе неожидаемую ясность. Я вамъ ихъ прочту; они остались твердо въ памяти моей.

О, любезная моя душа! ты, въ которой заключается все мое бытіе! скоро ты отправишься къ Плутону, предстать передъ верховное его судилище, и дать отчетъ въ своихъ дѣяніяхъ.

Что скажетъ легкая тѣнь твоя, когда чернобровой Миносъ грознымъ голосомъ спроситъ тебя, что ты дѣлала, или хотѣла дѣлать, когда была въ своемъ футлярѣ?

Ты будешь отвѣчать: о вѣчный судія сей ограды! не трудно мнѣ повѣдать, что

я дѣлала, когда обитала въ вотчинѣ стараго Сатурна и сына его, и когда имѣла человѣческой образъ!

То важнымъ Стоикомъ, то воспитанницею Эпикура я была; дѣлала добро, дѣлала и зло, но безъ умысла, какъ случалось, смотря по холоду или теплу; смотря по тому, какія вѣтры дули тамъ вверху. Увы! человѣкъ не иное что, какъ машина! а душа его вся божественная, но съ законами тѣла тѣсно соединенная, слаба, сильна, разумна, или вовсе къ размышленію неспособна, смотря по дѣйствію пружинъ тѣлесной машины.

Сильное желаніе суетной славы сдѣлало меня Піитомъ и остроумцемъ. Тщеславіе, повѣрь мнѣ, болѣе нежели дщери памяти, было Геніемъ моимъ внушителемъ, и въ томъ восьмидесятилѣтняя моя Муза проситъ у вселенной прощенія (есть ли вселенная, какъ надѣюсь, слышала о моихъ стихахъ).

Сверхъ того, какъ Піитъ, я имѣла множество пороковъ: была сердита, лѣнива, упряма, своенравна, и не рѣдко нескромная моя Муза насмѣхалась надъ бѣднымъ родомъ человѣческимъ, метала на ближняго свои злыя стрѣлы. Еще исповѣдываюсь въ одномъ грѣхѣ: я любила страстно забавы:

ВакхЪ, Любовь, ихЪ сладкое восхищеніе ласкали чувства мои и слабость. *Я* жила только для того, чтобЪ наслаждаться. Здѣсь, можетЪ быть, это почитается виною; но тамЪ я думала, что раздражу тѣмЪ боговЪ, естьли не взгляну на розы, которыя они произращаютЪ.

Государь МиносЪ! будь милосердЪ! право человѣкЪ никуда не годится, и лучшій изЪ насЪ есть грѣшникЪ желающій добра.

ЭтотЪ любезной ПоэтЪ скончался почти на рукахЪ моихЪ, посреди своего стада. Когда онЪ почувствовалЪ приближеніе смерти, то попросилЪ меня, чтобЪ я сЪиграла одну любимую его арію, и лучь тихаго удовольствія освѣтилЪ еще помертвѣлое лице его. Лишь только я успѣла кончить, какЪ онЪ пересталЪ жить. Пронесся слухЪ, будто онЪ отравленЪ; это самое подало поводЪ Поэту Мосху сказать вЪ стихахЪ своихЪ *на смерть своего друга:*

„БіонЪ, БіонЪ! ядЪ прекратилЪ „твои дни! КакимЪ образомЪ, проходя „чрезЪ уста твои, не потерялЪ онЪ „губительнаго своего свойства и горечи!„

Я, по его волѣ, велѣла вырѣзать на его памятникѣ слѣдующую Эпитафію:

„Здѣсь лежитъ Біонъ. Онъ провелъ восемдесятъ три года на земли, а жилъ только пятнадцать.“

Окончавъ свое повѣствованіе, эта ветхая красота, эта Психея, которая нѣкогда была живымъ образомъ очаровательныхъ прелестей, поспѣшила сѣсть въ свою колесницу. Мы обнялись, поплакали, обнялись еще, и разстались... на вѣкъ!

Обращаюсь къ отшествію нашему отъ Біона. Фаноръ не говорилъ мнѣ ни объ чемъ, кромѣ Психеи. Онъ клялся любить ее до послѣдней минуты своей жизни. — „Ты также клялся любить Ѳеану, сказалъ я. — Ахъ! какая разница! сколько Ѳеофанія имѣетъ преимуществъ передъ Ѳеаною! — Теперь такъ; потому что Ѳеофанія послѣдняя, увидимъ въ теченіе времени, не найдется ли еще какая нибудь третья красавица, которая бы затмила эту блистательную Психею.“

Разговаривая такимЪ образомЪ о Фаноровой любви, о Біонѣ, о Лакидѣ, прибыли мы вЪ Дельфы.

ГЛАВА XI.

Описаніе города ДельфЪ и его славнаго храма. ОбЪ Оракулѣ. Чудеса. Повѣсти.

ГородЪ Дельфы стоитЪ на скатѣ Парнасса, и представляется взору амфитеатромЪ. Еще издали виденЪ храмЪ Аполлона Пиѳійскаго, на горѣ, покрытой бронзовыми статуями, изЪ которыхЪ большая часть обложены золотомЪ. Вся гора сіяла блескомЪ сего металла. Сказали намЪ, что Пиѳія издаетЪ свои пророчества по одному только разу вЪ мѣсяцЪ, вЪ тѣ дни, которые называются щасливыми.

Мы остановились у одного гражданина, по имени Аминтора. ХозяинЪ нашЪ былЪ человѣкЪ очень набожной и легковѣрной; онЪ молился богамЪ и поутру и ввечеру, молился и на всходѣ и на закатѣ солнца, молился и на всхо-

дѣ и на закатѣ мѣсяца. Аполлоновы оракулы казались ему . . . *Оракулами.* Онъ былъ такъ увѣренъ въ ихъ справедливости, какъ въ собственномъ своемъ бытіи; а чтобъ увѣрить и насъ, разсказалъ намъ слѣдующую побасенку: „Крезъ, Царь Лидійскій, послалъ въ Дельфы спросить у Пиѳіи, чѣмъ онъ занимается въ Сардахъ въ такой-то день и въ такой-то часъ. Оракулъ отвѣчалъ стихами: *Я знаю число песчинокъ и предѣлы моря. Разумѣю языкъ нѣмаго. Слышу гласъ безмолвствующаго. Обоняю запахъ черепахи, которую варятъ съ ягнячьимъ мясомъ въ мѣдномъ котлѣ.* Крезъ, получа сей отвѣтъ, пришелъ въ великое изумленіе, и въ восторгѣ благоволенія своего къ премудрому Аполлону, признался, что онъ, для испытанія и затрудненія Оракула, подлинно велѣлъ изрѣзать въ куски черепаху и ягненка, и варить ихъ въ мѣдномъ сосудѣ. Въ другое время сей Царь вопросилъ Оракула о сынѣ своемъ, юношѣ самыхъ прекрасныхъ свойствъ, котораго натура осыпала щедро всѣми

дарами, отказавъ ему въ одномъ токмо даръ, въ употребленіи языка. Онъ былъ нѣмъ отъ рожденія. Пиѳія изрекла: *Безразсудной Крезъ! не желай слышать голосъ сына своего! Онъ начнетъ говорить въ тотъ день, въ которой начнутся твои нещастія.* Пророчество совершилось. Въ день взятія Сардъ одинъ изъ рядовыхъ воиновъ налетѣлъ съ мечемъ на Креза. Царь, которому жизнь опостылѣла, стоялъ неподвижно и не думалъ обороняться; но молодой царевичь вострепеталъ отъ опасности, въ которой видѣлъ своего родителя, сдѣлалъ такое стремительное движеніе, что разторгъ узы, которыми природа оковала языкъ его, и произнесъ чистымъ и громкимъ голосомъ: *Воинъ! не умерщвляй Креза!* Съ тѣхъ самыхъ поръ говорилъ онъ свободно во все продолженіе своей жизни. Но никакое чудо не прославило столько Аполлона, какъ истребленіе Гальскаго воинства, напавшаго подъ предводительствомъ Бренна на Фокиду. Варвары, разбивъ непріятелей, шли прямо къ Дельфамъ. Устрашенные гра-

ждане прибѣгли къ своему богу, и богъ увѣрилъ ихъ, что имъ нечего бояться. По полученіи помощи отъ союзниковъ, Дельфское воинство вступило въ бой. Тогда-то Аполлонъ оказалъ все свое могущество, и пролилъ на варваровъ весь свой гнѣвъ. Земля подъ ними застенала; мѣсто, на которомъ стоялъ ихъ станъ, разсѣлось въ глубокія пропасти; молніи воспалили атмосферу, страшные удары грома слѣдовали одинъ за другимъ, и вылетающее изъ нѣдръ земли пламя пожирало воиновъ со всѣмъ ихъ оружіемъ. Повѣствуютъ, что въ сей день древніе ирои Греціи, носясь на облакахъ, сражались за своихъ соотечественниковъ, и помогали имъ карать Галловъ. Ночь довершила ихъ погибель. Выпалъ глубокой снѣгъ; сдѣлался жестокой холодъ; казалось, что всѣ стихіи на нихъ возстали; превеликіе камни, отдѣлясь отъ Парнасса, покатились въ ихъ станъ, и убивали человѣкъ по тридцати и по сороку разомъ. Тогда Фокидяне, пользуясь своимъ преимуществомъ, напали на

непріятелей, и легко обратили ихЪ вЪ бѣгство.“

АминторЪ имѣлЪ кЪ симЪ чудесамЪ такую вѣру, что малѣйшее сЪ нашей стороны сомнѣніе показалось бы ему страшнымЪ преступленіемЪ. На другой день прибытія нашего, онЪ повелЪ насЪ вЪ храмЪ (*), и дорогою разсказывалЪ, какимЪ образомЪ этотЪ храмЪ пришелЪ постепенно вЪ то состояніе, вЪ какомЪ онЪ тогда находился. Первое посвященное Аполлону на семЪ мѣстѣ зданіе сооружено было изЪ лавровыхЪ вѣтвей, насѣченныхЪ вЪ долинѣ Темпейской, и походило болѣе на хижину, нежели на храмЪ. ПотомЪ вмѣсто сего воздвигнутЪ мѣдной, но земля подЪ нимЪ провалилась и поглотила его. НаконецЪ Амфиктіоны построили сей самой каменной храмЪ, которой существуетЪ нынѣ. ПриходЪ кЪ нему четырью чинаровыми алеями. Число статуй несчетно. ТамЪ

(*) Древніе храмы были пространное мѣсто, обнесенное стѣнами. ВЪ оградѣ находились дворы, водоемы, комнаты жрецовЪ и святилище, или храмЪ, вЪ которой жрецы одни могли входить.

находятся всѣ ирои, всѣ боги и полубоги Греціи, работа самыхъ лучшихъ художниковъ. Въ сей обширной оградѣ нѣтъ пустаго мѣста: вездѣ стоитъ или конь, или атлетъ, или викторія. Мы поклонились изображеніямъ Кодра и Мильтіада.

Храмъ построенъ четвероугольнымъ замкомъ изъ прекраснаго камня. Въ одной изъ четырехъ сторонъ помѣщены жрецы. Аполлонова статуя возвышается посреди внутренняго двора. Фронтисписъ сдѣланъ изъ Паросскаго мрамора; на немъ видна слѣдующая надпись мудраго Хилона:

„*Познай самаго себя.*"

У входа въ ограду находятся два источника, изъ которыхъ одинъ, низвергаясь по скату горы, образуетъ водопадъ, и называется Кастальскимъ. Оба сіи источника наполняютъ большіе водоемы, въ которыхъ жрецъ и всѣ, желающіе вопросить Оракула, очищаются. Преддверіе убрано драгоцѣннѣйшими картинами и множествомъ разнообразныхъ сосудовъ; въ иныхъ хранится лустральная вода; въ другихъ мѣшаютъ воду съ

виномъ для изліяній. Благочестивый Аминторъ указалъ намъ многія надписи на колоннахъ, и между прочими слѣдующую:

„*Никто да не внидетъ сюда съ нечистыми руками.*“

Фаноръ шепнулъ мнѣ на ухо: „Это ошибка. Они хотѣли сказать: *съ неполными руками.*“

Мы пришли очень рано; въ храмѣ никого еще не было; одинъ только жрецъ караулилъ и мелъ его лавровою вѣтьвью, срѣзанною у Кастальскаго источника. Аминторъ сказалъ намъ, что всякой день одинъ изъ жрецовъ встаетъ съ восхожденіемъ солнца, и исполняетъ сію должность; украшаетъ лавровыми вѣнками двери, стѣны, жертвенники и треножники; наполняетъ Кастальскою водою золотые сосуды, и окропляетъ сею самою ветвью помостъ, стѣны и двери; потомъ беретъ лукъ, и стрѣлами сгоняетъ птицъ съ кровли и статуй. Тогда другой жрецъ подошелъ къ намъ и предложилъ свои услуги; мы поблагодарили его за учтивость;

но Аминторъ сказалъ намъ тихонько, что онъ исполняетъ только свою должность, будучи къ тому приставленъ, чтобъ водить чужестранцевъ по храму и по городу, и показывать имъ все достойное лыбопытства. Сокровища, которыя хранятся въ храмѣ, несчетны. Цари; частные люди, всѣ тѣ, которые вопрошаютъ Оракула, присылаютъ со всѣхъ сторонъ сосуды, чаши, треножники, фіалы, статуи и золото въ слиткахъ. Видя столько богатства, Фаноръ не могъ удержаться, чтобъ не сказать мнѣ на ухо: „можно бы здѣсь поживиться! боги не имѣютъ нужды ни въ золотѣ, ни въ серебрѣ; они питаются дымомъ. — Но жрецы, отвѣчалъ я, не будутъ дымомъ сыты“

Нашъ Мистагогъ указалъ намъ на фронтонѣ храма изображенія Латоны, Діаны, Аполлона, Музъ, заходящаго солнца, Вакха и Ѳіадъ. Капители столбовъ обвѣшаны были золотыми щитами, славными памятниками побѣды при Мараѳонѣ. „Этотъ золотой треножникъ, поддерживаемой желѣзнымъ дракономъ,

сказалъ намъ жрецъ, посвященъ Аполлону обще всѣми Греками послѣ битвы при Платеѣ. Бронзовой волкъ подлѣ большаго олтаря принесенъ Богу въ даръ Дельфскими жителями, и вотъ по какому случаю. Одинъ злодѣй ограбилъ храмъ, и укрылся въ самомъ глухомъ мѣстѣ горы Парнасса; тамъ онъ заснулъ, и во время сна своего растерзанъ волкомъ; послѣ того сей звѣрь входилъ повсеночно въ городъ, наполняя его своимъ вытьемъ. Такое явленіе показалось сверхъ естественнымъ: пошли за звѣремъ въ слѣдъ, и нашли погребенное сокровище.

Вотъ, продолжалъ жрецъ, статуи Битона и Клеовида, великихъ силачей, которыхъ сыновнее благочестіе останется навсегда образцемъ. Вы знаете, что въ Аргосѣ отправляется повсегодно праздникъ въ честь Юнонѣ; въ этотъ день блистательная и многочисленная процессія шествуетъ торжественно отъ города до храма Богини. Впереди идутъ сто воловъ украшенныхъ вѣнками, и назначенныхъ на жертвопри-

ношенія и трапезу для присутствующихъ; юноши, покрытые сіяющимъ оружіемъ, замыкаютъ и охраняютъ шествіе; по прибытіи же къ храму полагаютъ свое оружіе на жертвенникъ. Верховная жрица ѣдетъ позади всѣхъ на колесницѣ, заложенной двумя прекрасными волами снѣгоподобной бѣлизны.

Кидиппа, мать Витона и Клеовида, верховная жрица, видитъ шествіе, а волы для ея колесницы еще въ полѣ; она была въ отчаяніи. Сыновья, тронутые сокрушеніемъ своей матери, запрягаются сами въ колесницу и везутъ ее до храма, разстояніемъ сорокъ четыре стадіи. Когда Кидиппа появилась, то раздались повсюду радостные плески; всякъ завидовалъ ея щастію, что она имѣетъ такихъ дѣтей; этотъ день былъ ея торжествомъ и прекраснѣйшимъ днемъ ея жизни. Кидиппа, проливая слезы умиленія, просила Юнону воздать ея сынамъ величайшимъ блаженствомъ, какого смертной можетъ надѣяться на земли. По совершеніи жертвоприношеній и трапезы, Витонъ и Клеовидъ заснули въ

храмѣ, и этотъ сонъ былъ сномъ вѣчнымъ. Боги конечно хотѣли показать, что щастливѣйшій предѣлъ жизни человѣческой есть смерть. Витонъ и Клеовидъ, какъ неперсники боговъ, почтены статуями.

Аминторъ и жрецъ, водя насъ отъ статуи къ статуѣ, разсказывали множество чудесъ. Иная повела глазами, другая говорила, эта кивнула головою; та, которая представлена сидящею, вставала и долго стояла. Между прочими статуями было изображеніе одного Спартанца, у котораго глаза выпали дни за три передъ смертью. Жрецъ клялся, что всѣ сіи чудеса не подвержены ни малому сомнѣнію; тысяча свидѣтелей, говорилъ онъ, видѣли ихъ; въ чемъ и Аминторъ увѣрялъ насъ всею своею вѣрою.

Мы долго разсматривали Аполлонову статую; она была вся изъ золота, а работа превосходила еще матерію.

О началѣ Оракула вотъ что жрецъ намъ сказалъ: „Козы, скитавшись по Парнассу, подошли къ одной разсѣлинѣ, изъ которой выходили мефитическіе пары,

и тотчасъ начали прыгать и бѣситься какъ пьяныя. Примѣтили это, и людямъ захотѣлось испытать дѣйствіе сего мѣста надъ собою: съ ними случилось тоже, что и съ козами, таже невольная пляска, тѣже судороги; въ помѣшательствѣ ума своего выговорили они нѣсколько пустыхъ, несвязныхъ словъ, которыя тотчасъ и записаны. Нашлось, что сіи слова были предсказанія. Заключили изъ того, что выходящее изъ сей скважины испареніе есть прорицательной духъ боговъ, и на томъ самомъ мѣстѣ воздвигли храмъ. Отверзтіе находится внутри святилища, и на него то ставится треножникъ, на которой восходитъ Пиѳія."

Пойдемте, продолжалъ жрецъ; я свожу васъ посмотрѣть Гіампіи, той горы, съ которой сверженъ славной сочинитель басенъ Эсопъ. Крезъ отправилъ его сюда, нагрузя золотомъ, для принесенія великолѣпной жертвы Аполлону, и приказалъ раздать всѣмъ Дельфскимъ жителямъ по четыре мины на человѣка; но Эсопъ, будучи ими недо-

воленъ, принесъ жертву, а слѣдующія къ раздачѣ деньги возвратилъ въ Сарды. Народъ озлобясь, причелъ ему это въ святотатство, и осудилъ его на смерть.

Накануне того дня, въ которой надлежало Оракулу прорицать, жители Дельфскіе провели всю ночь въ радостномъ пѣніи, въ музыкѣ и шумномъ веселіи. Отданъ приказъ, чтобъ въ слѣдующій день никто ничего не ѣлъ, кромѣ сыра и опрѣсноковъ.

Поутру очень рано, мы, возложивъ на себя вѣнки, и взявъ по вѣтви, обвитой бѣлою шерстяною тесьмою, отправились къ храму въ толпѣ многочисленнаго народа. Иные шли за отвѣтомъ, другіе изъ любопытства или набожности. Всѣ тѣ, которые хотѣли вопрошать Бога, вели какую нибудь жертву, или козу, или овцу, или телицу; у меня съ Фаноромъ былъ молодой быкъ. Мы видѣли, какъ лавровое дерево передъ воротами храма затряслось; храмъ даже весь поколебался. Такъ обыкно-

венно Аполлонъ возвѣщалъ свое присутствіе.

У дверей жрецъ очистилъ насъ люстральною водою; мы вручили ему свои вопросы письменно, и представили жертву. Жрецы въ вѣнкахъ и повязкахъ, съ распущенными волосами, въ разпашныхъ ризахъ, безъ поясовъ, имѣя ноги обнаженныя, повергли ее подъ священнымъ ножемъ, разсмотрѣли съ великимъ вниманіемъ трепещущія внутренности, и обѣявили, что они благополучнаго предзнаменованія. Тогда ввели насъ въ одинъ придѣлъ, гдѣ тотчасъ разлилось благоуханіе, подобное запаху драгоцѣннѣйшихъ ароматовъ. Жрецы поздравили насъ съ симъ знакомъ Аполлонова благоволенія, и сказали, что никто не знаетъ напередъ минуты, когда такое благоуханіе должно разлиться. Между тѣмъ народъ стекался. Почти всѣ входили въ благоговѣйномъ молчаніи, потупя взоры и устремя всѣ свои мысли и чувствованія къ божеству; иные молились стоя, другіе на колѣняхъ; Аминторъ преклонился до земли

и поцѣловалъ ее; нѣкоторые поднимали вѣтвь свою къ небу; другіе цѣловали собственныя свои руки, и простирали ихъ къ статуѣ. Мы узнали также отъ Аминтора, какимъ образомъ воздается поклоненіе богамъ ада: надобно прежде всего для возбужденія ихъ вниманія постучать въ землю ногами, или рукою.

Одинъ изъ жрецовъ повелъ насъ въ святилище. Отверзтіе было такъ обставлено дарами, а свѣтъ такъ былъ отуманенъ куреніями и паромъ выходящимъ изъ земли, что не льзя было ничего разсмотрѣть; самой треножникъ былъ закрытъ лавровыми вѣтвями и кожею змѣя Пиѳона. Пиѳія приготовлялась три дни очищеніями, постомъ и жертвоприношеніями; въ четвертой поутру выкупалась она въ источникѣ Кастальскомъ, вымыла руки и ноги, выпила опредѣленное количество воды, жевала лавровые листы, нащипанные подлѣ источника, и по окончаніи сихъ обрядовъ вошла въ провожаніи двухъ жрецовъ. Мы увидѣли ма-

ленькую старушку лѣтъ шестидесяти, болѣе похожую на мумію, нежели на живую женщину; суха, желта, дурно одѣта; словомъ сказать, она была живой образъ тоски; на лбу ея была повязка, а на головѣ лавровой вѣнокъ. Она оторвала отъ него нѣсколько листовъ, и смѣшавъ ихъ съ ячменною мукою, бросила на священной огонь; потомъ напившись воды, которая открываетъ будущее, подошла къ треножнику, но отрекалась упорно на него взойти. Жрецы угрозами и насиліемъ принудили ее повинуться. Она сѣла надъ жерломъ отверзтія, и такимъ образомъ приняла въ себя прорицательное испареніе. Едва успѣла она посидѣть нѣсколько времени, какъ сдѣлались ей страшныя судороги; кровь вступила въ лице, ртомъ пошла пѣна, грудь надулась, она начала стонать и выть ужаснымъ голосомъ. Наконецъ не въ силахъ будучи долѣе выдерживать сильнаго надъ нею дѣйствія божества, хотѣла скочить съ треножника; но два жреца удержали ее насильно. Тогда она растерзала на себѣ

и покрывало и повязку, завыла пуще прежняго, и произнесла дупломЪ груди своей нѣсколько словЪ, которыя тотчасЪ записаны; послѣ чего сошла почти бездыханна.

Жертвоприносители вручили намЪ отвѣтЪ Оракула письменно. „Пойдемъ отсюда, сказалЪ мнѣ ФанорЪ; у меня сердце обливается кровью. Эта бѣдная Пиѳія попалась вЪ руки злодѣевЪ, которые не знаютЪ жалости; что имЪ нужды, что человѣчество страдаетЪ, когда они чрезЪ то обогащаются!" АминторЪ подбѣжалЪ кЪ намЪ сЪ веселымЪ лицемЪ сказать, что внутренности нашихЪ жертвЪ очень здоровы. — „ТѣмЪ лучше для жрецовЪ, отвѣчалЪ ФанорЪ; ужинЪ ихЪ будетЪ вкуснѣе."

КакЪ скоро АминторЪ ушелЪ, то мы прочли данные намЪ отвѣты. Я спрашивалЪ, долго ли буду жить, и получилЪ вЪ отвѣтЪ:

ВиноградЪ собираютЪ прежде оливокЪ.

ФанорЪ спрашивалЪ, щастливЪ ли онЪ будетЪ вЪ бракѣ. ОракулЪ отвѣчалЪ:

Сынъ мой! заложенные въ плугъ волы раздираютъ землю, чтобъ поля произращали плодъ.

Мы долго искали таинственнаго смысла сихъ загадокъ, но тщетно: Аполлонъ облекалъ ихъ всѣ непроникаемою темнотою. Такими пророчествами жрецы никогда не подвергались опасности обезславить бога своего.

Когда мы шли изъ храма, попалась намъ на встрѣчу еще парочка вопрошателей, любовникъ съ любовницею, оба въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, оба самаго привлекательнаго лица. Любовникъ велъ овцу, а любовница козу. — „За чѣмъ идете, друзья мои? — Вопрошать Оракула. — О чемъ? — Хорошо ли мы сдѣлаемъ, естьли женимся. — Вы другъ друга любите? — О, конечно! — Чегожъ вы боитесь? — Мы бѣдны. — Но естьли одинъ изъ васъ отдастъ послѣднюю свою овцу, а другая послѣднюю свою козу, то это не сдѣлаетъ васъ богатѣе. — Правда. — Повѣрьтежъ мнѣ, друзья мои, не ходите къ Оракулу; оставьте дары

свои у себя, они пригодятся вамЪ на первое заведеніе дому; и когда ваши сердца уже соединены взаимною склонностью, то не спрашивайтесь никого, кромѣ бога любви и собственнаго своего благоразумія. Женитесь, и Небо благословитЪ ваше супружество.“ НаградивЪ ихЪ добрымЪ совѣтомЪ, мы дали имЪ нѣсколько денегЪ, и они воротились отЪ храма весьма благодарны, весьма довольны, и давЪ намЪ честное слово, что на другой день женятся.

ГЛАВА XII.

Письмо отЪ Ласѳеніи.

ВЪ ДельфахЪ я получилЪ письмо отЪ любезной моей Ласѳеніи.

„Здравіе и благоденствіе!

Время не истребляетЪ изЪ памяти моей златыхЪ дней нашей любви. Прошедшее блаженство портитЪ всѣ удовольствія, и возмущаетЪ сладкую тишину настоящаго. КакЪ все уединенно, все пусто вкругЪ меня! Философія

и дружба единое мое утѣшеніе. Но удалимъ печальныя мысли, и станемъ говорить объ Аѳинахъ. Не знаю, какъ тебѣ покажется поступокъ Философа Аввавка. Не давно домъ его загорѣлся. Какъ скоро онъ увидѣлъ пожаръ, то оставя жену и двоихъ маленькихъ дѣтей, бросился спасать друга своего, которой въ то время жилъ у него. Между тѣмъ одинъ изъ его двухъ младенцевъ сгорѣлъ. Когда стали говорить ему о такомъ поступкѣ съ удивленіемъ, то онъ отвѣчалъ: „Ребенка можно имѣть другаго, но потеря друга невозвратима.“

Нечего сказать тебѣ новаго ни о правительствѣ, ни о политическихъ дѣлахъ. Народъ таковъ же, какъ былъ. Хитрые Демагоги мажутъ его по губамъ, и усыпляютъ лестью. При Солонѣ народу не досугъ было тратить времени на собраніяхъ; каждой гражданинъ былъ занятъ полезными для себя упражненіями въ своемъ домѣ; но съ тѣхъ поръ, какъ всѣ граждане получили право присутствія, всякой него-

дяй бѣжитъ въ слѣдъ за толпою, шумитъ, толкаетъ людей самыхъ почтенныхъ, которые, чтобъ не остыдиться и не навлечь на себя ярости буйной черни, принуждены изъ благоразумія уклоняться. Все свое время Аѳинянинъ проводитъ въ томъ, что шатается по площадямъ, слушаетъ разсказы вѣстовщиковъ, и спрашиваетъ, *нѣтъ ли чего новаго?* Говоря вообще, не льзя сказать, чтобъ не было въ характерѣ Аѳинскаго народа много хорошаго; на примѣръ: онъ не имѣетъ недостатка въ чувствительности, но вѣтренъ, непостояненъ, празденъ и легковѣренъ. Теперь у насъ что-то не очень тихо; кажется, какъ будто сбирается гроза; мятежъ неминуемое слѣдствіе Демократическихъ правленій. Я живу за городомъ, и слѣдую правилу Пиѳагора: *во время бури обожай эхо.*

За неимѣніемъ политическихъ новостей буду говорить тебѣ о нашихъ Философахъ.

Помнишь Циника Кратеса: у него отъ Иппархіи двѣ дочери, дѣвочки еще очень моломенькія; онъ отдалъ ихъ на

пробу двумЪ своимЪ ученикамЪ, сЪ тѣмЪ, что по прошествіи одного мѣсяца властны они или жениться на нихЪ, или отослать ихЪ назадЪ. КакЪ тебѣ кажется этотЪ Философической договорЪ?

Ты зналЪ Протагора? Правительство осудило его на изгнаніе; а послѣднее его сочиненіе, вЪ которомЪ онЪ написалЪ: *не могу увѣрительно сказать, есть ли боги*, повелѣно сжечь. „Главное, что наводитЪ мнѣ сомнѣніе о существованіи боговЪ, говоритЪ онЪ, есть то, что нѣкоторые уже вЪ томЪ сомнѣвались, и краткость человѣческой жизни."

ОнЪ полагаетЪ, что душа не разнится отЪ чувствЪ: вотЪ чистой матеріализмЪ! АхЪ, мой другЪ! какой меракЪ! какая бездна неизвѣстностей! Кто я? откуда я? Куда иду? Какая вѣчная и глубокая матерія споровЪ и размышленій!

Сословіе жрецовЪ возстало на Анаксагора, того Философа, отЪ котораго ты слыхалЪ, что онЪ предпочитаетЪ

каплю мудрости бочкамЪ золота. Обвиняютъ его вЪ злочестіи и беззаконіи, хотя онЪ признаетЪ вышнее Существо, устроившее хаосЪ. За неявкою его кЪ суду онЪ приговоренЪ кЪ смерти. Когда ему о семЪ сказали, онЪ отвѣчалЪ спокойно: „Давно уже натура изрекла такой приговорЪ и на меня и на судей моихЪ."

ВотЪ еще новость, и очень новая. Преславная Лаиса изволила отправиться на тотЪ свѣтЪ. ГоворятЪ, будто она поѣхала сЪ однимЪ молодымЪ человѣкомЪ вЪ Ѳессалію, и тамЪ погибла отЪ рукЪ Ѳессальскихъ женщинЪ, которыя, заманивЪ ее вЪ ВенеринЪ храмЪ, убили камнями. Другіе увѣряютЪ, что она пала подЪ знаменами бога Купидона отЪ неумѣреннаго наслажденія. Нравится ли тебѣ эта кончина? КакЪ бы то ни было, смерть пожала не весенній цвѣтокЪ. СказываютЪ, что она за нѣсколько времени до того, чтобЪ остаться обществу полезною, сдѣлалась своднею.

МожетЪ быть ты не знаешь мадригала, которой сочиненЪ на тотЪ случай,

когда она поставила свое зеркало въ Веперинъ храмъ:

Отдаю его Венерѣ, потому что она всегда прекрасна. Сїе вѣрное зеркало лишь умножаетъ грусть мою. Не могу видѣть себя ни такою, какъ я была, ни такою, какъ я теперь.

Нашъ полъ не умѣетъ старѣться. Кажется, однакожъ, что книги, упражненія, здоровье, тихія, невинныя склонности, сладость дружбы, моглибъ замѣнить тщетной и скоропреходящій блескъ молодости и красоты.

Философъ Клеанѳъ скончался. По мнѣнію однихъ, онъ умеръ какъ чудакъ, а по мнѣнію другихъ какъ истинной Философъ. Онъ занемогъ, и по предписанію врача своего нѣсколько времени не употреблялъ никакой пищи; когда ему стало легче, тогда врачь разрѣшилъ свое запрещеніе. „Не стоитъ труда начинать снова жить, сказалъ Клеанѳъ; когда уже я попалъ на дорогу, то и пойду прямо по ней.“ Не могли никакъ уговорить его; онъ уморилъ себя голо-

домѣ. Этотѣ оригинальной конецѣ напоминаетѣ мнѣ смерть Демокритову. Сей Философѣ будучи утомленѣ бременемѣ дряхлой старости, вознамѣрился прекратить свои страданія посредствомѣ голода. Сестра упросила его, чтобѣ онѣ по крайней мѣрѣ отложилѣ свое намѣреніе до совершенія трехѣ Цереринызѣ праздниковѣ; и Демокритѣ, вѣ угодность ей, питался медомѣ, и жилѣ еще нѣсколько дней. Я нахожу вѣ нашихѣ Философахѣ чудную смѣсь оригинальности, добродѣтелей и странностей, которыя кажутся несовмѣстными. Надобно искать рѣшенія этой задачи вѣ самолюбіи.

Вотѣ, мой милой другѣ, все, что я нашла кѣ тебѣ написать, и то едва могла выбрать изѣ тысячи одной глупости, которыя здѣсь всякой день разсказываютѣ. Праздность великая охотница до вѣстей. Да, позабыла сообщить тебѣ о чудной перемѣнѣ жизни Полемона, одного изѣ тѣхѣ молодыхѣ людей, которые славятся любезностью и распутствомѣ, и какихѣ вѣ Аѳинахѣ мно-

жество. Этотъ, какъ и всѣ ему подобные, полагалъ вышнее блаженство въ услаженіи чувствъ, въ нѣгѣ и праздности. Онъ человѣкъ очень умной, но со стороны благоразумія и вкуса весьма не похожъ былъ на Аристиппа и Эпикура, которые хотя и не отметаютъ чувственныхъ удовольствій, но предпочитаютъ имъ однакожъ удовольствія ума и сердца. И дѣйствительно, что въ благополучіи такого человѣка, которой ограничивается одними машинальными чувствованіями, которой не умѣетъ размножать и украшать своихъ наслажденій просвѣщеннымъ разумомъ и разборчивостью! Естьли онъ щастливъ, то конечно не больше, какъ и всякое пресмыкающееся животное.

Обращаюсь къ Полемону. Онъ провелъ всю ночь на пирѣ у Таисы, и вышелъ отъ нее уже поутру въ самомъ безобразномъ видѣ, въ безуміи отъ любви и вина; волосы его всѣ были всклокочены, грудь обнажена, обувь почти свалилась, вѣнокъ изорванъ, ноги подъ нимъ дрожали. Въ семъ состояніи ви-

дитЪ онЪ, что дверь Ксенократовой школы отворена, входитЪ, садится, слушаетЪ минуты двѣ, насмѣхается надЪ Философомъ и его учениками; говоритЪ ему, что онЪ промѣнялЪ бы всю его мораль, всѣ его прекрасныя правила на одну чашу Хіосскаго вина, или на поцѣлуй Таисы. КсенократЪ не смущается, и начинаетЪ говорить о воздержности и скромномЪ поведеніи. Спокойная важность Философа усмирила нѣсколько дерзость молодаго вертопраха; онЪ началЪ слушать внимательнѣе, и мало по малу сталЪ приходить вЪ чувство. НаконецЪ тронулся до глубины сердца, и устыдился своего состоянія. КсенократЪ продолжалЪ рѣчь, и ПолемонЪ то смущался, то наклонялся тихонько, смотря, чтобЪ другіе того не примѣтили, и поправлялЪ на себѣ обувь, рвалЪ свой вѣнокЪ, закрывалЪ эпанчею голыя свои руки. СЪ тѣхЪ порЪ ведетЪ онЪ жизнь престрогую, не употребляетЪ вина, и пріучаетЪ себя кЪ твердости. Не можно надивиться, какЪ скоро онЪ себя пере-

дѣлалъ. Недавно, при множествѣ людей, укусила его собака, о которой думали, что она бѣшеная; всѣ испужались, онъ только одинъ даже не поморщился. Уединеніе любитъ нынѣ столько же, сколько прежде любилъ жизнь разсѣянную; его философія практическая; онъ говоритъ, что надобно больше дѣйствовать, нежели умствовать. Теперь его жилище въ маленькомъ саду; у него уже есть ученики, и всѣ строятъ себѣ хижины вокругъ учительской. Ему не больше тридцати лѣтъ отъ роду.

Сію минуту сказываютъ мнѣ объ одной сценѣ, которая должна происходить на площади. Надобно думать, что она будетъ очень забавна. Бѣгу туда, прощай; что увижу, то тебѣ сообщу.

Видѣла, и очень довольна; подлинно презабавная сцена. Но прежде надобно тебѣ знать особу, которая на свой счетъ насъ повеселила. Эта особа называется *Анаксандридъ*, и сочиняетъ комедіи. Многія изъ его твореній были весьма хорошо приняты, потому, что

онъ завязалъ ихъ на любовныхъ интригахъ, и представилъ обольщенныхъ дѣвушекъ, оплакивающихъ свою невинность. Наша Публика всегда принимаетъ хорошо все то, что ново; но онъ выдаетъ свои сочиненія безъ поправки. Суди же, каковы онѣ должны быть для чтенія! Критики не терпитъ, и отражаетъ ее досаднымъ образомъ. Этотъ духъ надменнаго самолюбія составляетъ главную черту его характера. Впрочемъ онъ собою видѣнъ, статенъ и хорошъ, одѣвается богато, и окружаетъ себя величайшею пышностью. Внѣшность его многихъ обманываетъ. Сцена, о которой я говорю, изображаетъ очень хорошо его спѣсь, и довершаетъ портретъ. Онъ повѣстилъ Публикѣ, что будетъ читать комедію подъ портикомъ втораго Архонта. Всѣ кинулись туда толпою. Анаксандридъ пріѣхалъ на прекрасной лошади, и самъ великолѣпно убранъ, и началъ читать не сходя съ своего коня. Сначала комедія понравилась, и на лицѣ Автора живо изображалось, сколько онъ собою доволенъ. Когда чтеніе дошло по-

чти до половины, то нѣкоторые признаки охужденія помутили его радость. Онъ вскинулъ на народъ презрительной взглядъ, и народъ замолчалъ. Но какъ ропотъ снова обезпокоилъ нѣжной слухъ сего Поэта, то онъ тотчасъ изорвалъ рукопись въ лоскутья, и посреди свиста и громкаго смѣха удалился гордо самымъ тихимъ шагомъ.

Прости, мой милой другъ! сердце мое не можетъ съ тобою разстаться. сколько бы я къ тебѣ ни писала, оно никогда не удовольствуется. Мысль моя такъ наполнена тобою, что я иногда забываюсь, и думаю, что ты сидишь подлѣ меня, говорю съ тобою; но щастливая мечта изчезаетъ, и слезы умиленія, слезы нѣжной любви катятся изъ глазъ моихъ. На что ни посмотрю, безъ тебя все, кажется, стало печально. Можетъ быть, я ошибаюсь; можетъ быть, мракъ моего унынія отемняетъ въ глазахъ моихъ природу. Ахъ, любезной Антеноръ! твое присутствіе перемѣнило бы все: темнѣйшая изъ ночей освѣтилась бы блескомъ дня самаго

пріятнаго. Здоровье Аристиппово отчасу слабѣе. Какъ разрушеніе совершается помаленьку, безъ насилія и безъ скорби, то онъ, такъ сказать, играетъ съ смертью; онъ старается, сколько можетъ, пользоваться малымъ остаткомъ своей жизни. Но равнодушіе, съ какимъ сей достойной другъ смотритъ на приближеніе конца своего, не умаляетъ моего объ немъ безпокойствія: воображеніе вѣчной разлуки терзательно! Будь здоровъ и щастливъ!"

Сіе письмо возобновило мою тоску и любовь. Я впалъ въ уныніе; жизнь, какъ тяжелое бремя, удручала мою душу. Фаноръ употреблялъ всѣ свои старанія развеселить меня своею веселостью, ласками дружбы и правилами философіи, и въ семъ намѣреніи убѣждалъ меня отправиться скорѣе въ Спарту.

Мы простились съ набожнымъ Аминторомъ, которой, думаю, очень былъ радъ, что избавился отъ такихъ

гостей. Онъ вѣрно очистилъ свой домъ тотчасъ послѣ нашего отбытія, потому что почиталъ насъ беззаконниками.

ГЛАВА XIII.

Путешествіе въ Спарту. Бытность проѣздомъ въ Давлисѣ и Коринѳѣ. Діанинъ праздникъ. Встрѣча на кораблѣ съ Діагоромъ. Прибытіе въ Элидавръ, и вступленіе въ Лаконію.

И такъ мы отправились въ сей пресловутой городъ, котораго нравы, законы и обычаи совершенно противны нравамъ, законамъ и обычаямъ *всей прочей Греціи*, а особливо Аѳинскимъ.

На пути къ Давлису находится дорога, называемая развилистою, дорога обагренная кровію Лаія. Тутъ-то Эдиппъ встрѣтился съ отцемъ своимъ и по нещастію убилъ его. Старецъ и служитель зарыты на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они пали. Нѣсколько прекрасныхъ плитъ дикаго камня состав-

ляютъ все украшеніе гробницы. Воспоминаніе сего произшествія поразило насъ ужасомъ; мы не могли безъ содроганія приближиться къ памятнику.

Давлисъ весьма малолюденъ; но жители почитаются великорослѣйшими и крѣпчайшими изъ всѣхъ Фокидянъ. Сей городъ былъ сценою страшнаго мщенія. Женщины убили Пиреева сына, и предложили на пиршествѣ члены его въ пищу нещастному отцу. Пиръ достойной Эвменидъ!

Мы продолжали путь, по своему обыкновенію, то пѣшкомъ, то верьхомъ, и прибыли въ Коринѳъ здоровы и веселы.

Коринѳской перешеекъ соединяетъ Пелопонесъ съ прочею Греціею. Городъ лежитъ на горѣ по срединѣ перешейка, въ шестидесяти стадіяхъ отъ одного и отъ другаго моря. Множество общественныхъ зданій и очень хорошихъ домовъ украшаютъ его. Театръ, въ которомъ народъ собирается по дѣламъ правленія, великолѣпной монументъ. Поприще сооружено изъ бѣлаго мрамора. Оттуда до храма Нептунова

простирается гульбище, усаженное съ одной стороны прямымъ рядомъ сосенъ, а съ другой украшенное статуями Атлетовъ, которые побѣдили на Истмическихъ играхъ. Показали намъ купальни, гдѣ прекрасная Елена успокоивала нѣжные свои члены; онѣ названы по ея имени, и наполняются обильнымъ источникомъ, которой течетъ съ вершины одного утеса, и повергается въ море; вода тепла и солона.

Мы съ удовольствіемъ видѣли другой источникъ, украшенной бронзовымъ изображеніемъ Нептуна. Лежащій у ногъ его Дельфинъ изливаетъ воду въ большую купель. Кругомъ стоятъ статуи Аполлона, Венеры, двухъ Меркуріевъ и трехъ Юпитеровъ.

По срединѣ площади возвышается на пьедесталѣ Богиня художествъ и мудрости; Музы, вѣрныя ея подруги, изображены на подножіи барельефнымъ изваяніемъ.

Источникъ Пирены привлекъ наши взоры; мы пожалѣли о участи нещастной, отъ которой онъ получилъ свое

названіе. Сынъ ея, гоняясь за звѣрями, погибъ отъ Діаниныхъ стрѣлъ; Пирена пролила столько слезъ, что она превратилась въ источникъ. Подлѣ, какъ нарочно для услажденія горести ея, поставленъ любезнѣйшій изъ боговъ, Аполлонъ, въ полномъ сіяніи молодости, во всей его красотѣ. Сей источникъ обложенъ бѣлымъ мраморомъ, и окруженъ стѣною имѣющею локоть высоты, на которой представлено рѣзьбою сраженіе Улисса съ любовниками Пенелопы. По берегу множество маленькихъ гротовъ.

Послѣ обѣда, когда зефиры нѣсколько прохладили воздухъ, мы пошли на пригорокъ, на которомъ стоитъ цитадель. При входѣ прежде всего представляется зрѣнію Веверинъ храмъ. Ея статуя, покрытая блестящимъ оружіемъ, стоитъ посреди статуй Купидона и Солнца. Коринѳяне покланялись сему свѣтилу еще прежде, нежели Венерѣ. Съ высоты холма Богиня, кажется, простираетъ владычественной взоръ на землю и моря. Мы, будучи не столько

честолюбивы , и не желая никакого владычества , смотрѣли однакожъ съ удовольствіемъ на два залива, куда рѣзвыя волны, играя между собою , текутъ разрушиться. Наши глаза обнимали горы Парнассъ и Геликонъ, и съ пріятностью отдыхали на Аѳинской цитадели и богатыхъ поляхъ Сиціонскихъ.

Множество общественныхъ купальней и обильныхъ родниковъ дѣлаютъ Коринѳъ очарованнымъ жилищемъ. Фаноръ болѣе всего восхищался красотою женщинъ. Коринѳянинъ, родясь въ роскоши и нѣгѣ, любитъ художества и забавы. Женщина , которая посвящаетъ себя на удовольствіе Публики , въ превеликомъ у него почтеніи ; онъ покланяется ей почти какъ самой Венерѣ. Послѣ отступленія Ксерксова Республика приписала свое спасеніе ходатайству сихъ женщинъ , и повелѣла изобразить ихъ на картинѣ , точно какъ Аѳиняне написали портреты своихъ вождей послѣ битвы при Мараѳонѣ. Сіи два народа чрезвычайно предубѣждены къ своему отечеству. Аѳиняне утверждаютъ , что боги спо-

рили между собою, кому достанется Аттика; а Коринѳяне полагают такую же распрю о своей землѣ между Солнцем и Нептуном.

Пригласили нас на Діанин праздник, на пристань Кенхрійскую. Тогда было начало весны; земля улыбалась от любви и удовольствія. День сего праздника казался торжеством натуры. Она выставляла всѣ свои сокровища; раждающаяся зелень, столь пріятная зрѣнію, разстилалась по полям; деревья одѣвались листвіем и цвѣтами; волны моря с тихим и покойным журчаніем текли сокрушиться на берегу; несчетная толпа радостнаго народа наполняла всѣ пути. Она соединилась в храмѣ, откуда процессія отправилась с великою пышностію. Каждой был одѣт по своему капризу и набожности: иной представлял воина; другой с колом в рукѣ и маленьким мечем на боку одѣт был охотником; сей, во всѣх украшеніях прекраснаго пола, в позолоченных башмаках подражал походкѣ и ухваткам женщины; тот

выступалъ въ видѣ гладіатора, въ короткихъ сапогахъ, неся щитъ, копье и мечь; рядомъ съ нимъ шелъ Градоначальникъ въ багряной ризѣ, а передъ нимъ несли пуки; другой нарядясь Философомъ, выступалъ въ епанчѣ, съ палкою въ рукѣ, съ густою бородою, обутъ въ сандалія; иные наряжены были птицеловами, рыбаками; первые несли камышъ обмазанной клеемъ, другіе шли съ удами. Но слѣдующее явленіе было всего забавнѣе: принесли ручнаго медвѣдя; онъ сидѣлъ на носилкахъ, за нимъ слѣдовала обезьяна въ шитой шапкѣ, въ одеждѣ Фригійской, шафраннаго цвѣта; она держала золотую чашу и представляла Ганимеда. Фаноръ былъ такого мнѣнія, что не худо бы обезопасить ее отъ Юпитеровыхъ любовныхъ покушеній стражею. Видѣнъ былъ еще крылатой оселъ въ провожаніи дряхлаго старика. Богиня праздника шествовала во всей своей славѣ посреди сего радостнаго народа; передъ нею шелъ сонмъ женщинъ въ бѣлыхъ одеждахъ, въ вѣнкахъ; онѣ не-

сли разныя вещи и усыпали дорогу цвѣтами. У многихъ за плечами были зеркала, чтобъ Діана могла видѣть всѣхъ тѣхъ, которыя шли позади. Нѣкоторыя махали гребнями, представляя, какъ будто онѣ разчесываютъ Богинѣ волосы; другія изливали предъ ея стопами по каплѣ драгоцѣнныхъ благовоній. Несчетная толпа разъсѣяннаго вокругъ статуи народа несла факелы, восковые свѣтильники, лампады и всякаго рода художественные огни. Воздухъ наполнялся пѣніемъ и звуками флейтъ. Блистательное юношество въ бѣлой одеждѣ пѣло попеременно духовные стихи, въ которыхъ изъяснялась причина сего праздника. Стража удаляла народъ и очищала путь кумирамъ. За изображеніями боговъ слѣдовали допущенные къ священнымъ таинствамъ въ ризахъ изъ бѣлаго снѣгоподобнаго полотна. У женщинъ волосы были напитаны благоуханіями, и обвязаны флеромъ; бритыя головы мущинъ свѣтились какъ воскъ. Сей священный сонмъ, неся мѣдныя, серебряныя и даже золотыя систры, наполнялъ воздухъ

громкимъ звукомъ. Потомъ шли главные служители Богини также въ бѣлыхъ полотняныхъ ризахъ, которыя простирались до самыхъ пятъ.

Верховной жрецъ имѣлъ золотой свѣтильникъ, сдѣланной продолговатымъ ковшемъ; другой несъ маленькіе жертвенники; у третьяго былъ въ рукѣ Меркуріевъ жезлъ съ златолиственною пальмою; четвертой шелъ, возвыся лѣвую руку, символъ правосудія, а въ другой держа золотой сосудъ, имѣвшій подобіе женской груди, и наполненной молокомъ, которое онъ изливалъ; пятой поддерживалъ золотаго тельца, наполненнаго вѣтвями изъ того же металла.

За тѣмъ непосредственно слѣдовали кумиры. Одинъ съ собачьею головою изображалъ Анубиса; другой, посланникъ боговъ, имѣлъ въ одной рукѣ жезлъ, а въ другой зеленую пальму. За нимъ видна была корова, поднятая на заднія ноги, изображеніе богини, плодородной матери всѣхъ вещей. Одинъ жрецъ несъ ее на плечахъ, гордясь своимъ бременемъ; другой несъ корзину,

вЪ которой заключены были сокровенности закона; у третьяго вЪ рукѣ была маленькая золотая урна, круглая со дна, на которой вырѣзаны были Египетскіе Іероглифы. Сія урна представляла божество, и означала изящество закона, коего таинства должны быть непроницаемы.

По долговременномЪ шествіи при радостныхЪ восклицаніяхЪ и молитвахЪ всего народа, процессія достигла моря, и поставила кумиры на берегу. Верховной жрецЪ посвятилЪ богинѣ корабль, построенной изЪ лимоннаго дерева, и во всѣхЪ частяхЪ очень хорошо отработанной. Прежде очистили его горящимЪ пламенникомЪ, яицомЪ и сѣрою. Сей корабль изпещренЪ былЪ весь Египетскими Іероглифами. На бѣломЪ его парусѣ изображены были большими буквами молитвы мореплавателей; а на кормѣ блисталЪ золотой рѣзной гусь. Жрецы и народЪ носили наперерывЪ корзины сЪ ароматами и другими вЪ жертвоприношеніяхЪ употребительными вещами, и бросали все оное вЪ корабль.

лили въ море составъ, сдѣланной изъ молока и другихъ жидкостей. По нагруженіи корабля дарами, сняли якорь, и тотчасъ благопріятной вѣтерокъ удалилъ его отъ берега. Какъ скоро онъ ушелъ изъ виду, то жрецы подняли кумиры, и вся процессія возвратилась въ храмъ тѣмъ же порядкомъ и съ такимъ же оказаніемъ радости.

По возвращеніи къ храму, верховной жрецъ, тѣ, которые несли кумиры, и допущенные къ таинствамъ вошли въ святилище и поставили боговъ на ихъ мѣста. Одинъ изъ Пастофоровъ, стоя на превысокой каѳедрѣ, произнесъ молитвы о всѣхъ присутствующихъ, о благополучномъ мореплаваніи, и благоденствіи отечества, и кончилъ отпускомъ народа. Народъ отвѣчалъ восклицаніями: *да послужитъ сей праздникъ къ благу общему!* и всѣ бросивъ передъ кумиромъ богини нѣсколько оливковыхъ вѣтвей, желѣзняку и цвѣточныхъ вѣнковъ, и приложившись къ ея ногамъ, разошлись по домамъ очень веселы.

Фанорѣ во время сего продолжительнаго шествія присталѣ кѣ двумѣ Коринѳянкамѣ. Одна изѣ нихѣ была молода и прекрасна; другая (мать ея) имѣла тотѣ возрастѣ, вѣ которомѣ Гекуба досталась на часть Улиссу. Фанорѣ, прельстясь молодою Тимандрою, расточалѣ ей всѣ ласкательства и угожденія, какія волокитство можетѣ придумать. Она отвѣчала ему глазами и улыбкою. Онѣ предложилѣ матери проводить ихѣ до города; мать согласилась, и Фанорѣ былѣ вѣ восхищеніи. Но по окончаніи церемоніи, одинѣ молодой жрецѣ подошелѣ кѣ Тимандрѣ, и тотчасѣ сладкія движенія радости изобразились на ея лицѣ. Сіе нѣсколько охолодило раждающуюся Фанорову любовь; но всего ему досаднѣе было то, что дочь совсѣмѣ обѣ немѣ позабыла, и оставила его заниматься старухою. Давѣ слово сотовариществовать имѣ до Коринѳа, онѣ не зналѣ, какѣ отѣ нихѣ отдѣлаться; наконецѣ выдумалѣ сказать, что обѣщался Діанѣ, по Пиѳагорову установленію, очиститься

семь разЪ вЪ морѣ, и что онЪ идетЪ исполнить свой обѣтЪ, послѣ чего постарается ихЪ догнать. Но ФанорЪ, вмѣсто купанья, пошелЪ искать меня, и мы тотчасЪ сѣли на корабль, которой отправлялся вЪ ЭпидаврЪ.

На семЪ кораблѣ нашли мы Діагора, прозваннаго безбожникомЪ. Ученые и остроумные разговоры его сдѣлали сей переѣздЪ весьма для насЪ пріятнымЪ. ОнЪ разсказалЪ намЪ случай, которой ввергЪ его вЪ безбожіе. „ВенорЪ укралЪ у меня поэму. Я позвалЪ его вЪ судЪ: онЪ дерзнулЪ произнести ту страшную клятву, отЪ которой самые злодѣи содрогаются. Мы сошли вЪ подземные храмы Цереры и Прозерпины. Послѣ обыкновенныхЪ жертвЪ, вѣроломецЪ вЪ Прозерпининой мантіи, сЪ горящимЪ пламенникомЪ вЪ рукѣ, клялся, что сочиненіе принадлежитЪ ему, призвалЪ боговЪ во свидѣтельство своей справедливости, и вЪ слѣдующій день обнародовалЪ украденную поэму за свою. До тѣхЪ порЪ я былЪ святоша, даже суевѣрЪ; но когда увидѣлЪ, что громЪ

Юпитеровъ не караетъ этого бездѣльника, и попускаетъ ему пользоваться спокойно плодами его воровства, то перестаЛъ вѣровать въ боговъ.„

Съ начала нашего пути погода была тихая и благополучная, но скоро возстала буря; вѣтры зашумѣли, волны поднимались какъ горы, и каждой мигъ угрожали поглотить наше тлѣнное судно. Матрозы, начальники, пасажиры, всѣ взывали къ Нептуну, Ѳетидѣ, Нерею. Діагоръ, Фаноръ и я, лежа одинъ подлѣ другаго, ожидали судьбы своей, не безпокоя безсмертныхъ. Между тѣмъ матрозы начали поговаривать, что они сами навлекли на себя погибель принятіемъ на корабль безбожника. Не трудно было догадаться по ихъ виду, что они намѣревались бросить Діагора въ море, а можетъ быть и насъ вмѣстѣ съ нимъ. Діагоръ, не такой будучи человѣкъ, чтобъ чего нибудь испужаться, сказалъ имъ спокойно: „смотрите, сколько кораблей, кромѣ нашего, буря мечетъ по волнамъ; не уже ли я нахожусь въ каждомъ изъ нихъ? Не мучьте себя, друзья мои, пу-

стымъ воображеніемъ: Боги не мстительны; много есть бездѣльниковъ, которыхъ они попускаютъ жить.„ Сія Діагорова догадка и невозмутимой духъ его спасли насъ отъ смерти.

По прибытіи въ Эпидавръ онъ еще доказалъ намъ свое невѣріе, и очень забавнымъ образомъ. Мы были въ Нептуновомъ храмѣ, коего стѣны всѣ уставлены картинами, принесенными въ даръ отъ тѣхъ, которые покровительствомъ сего бога спаслись на морѣ. „Кто можетъ не обожать владыки морей, видя столько доказательствъ его могущества, сказалъ одинъ изъ жрецовъ! — Я не вижу здѣсь, отвѣчалъ Діагоръ, картинъ отъ тѣхъ, которые погибли, не смотря на ихъ молитвы и обѣты.„ Въ другое время мы хотѣли приготовить обѣдъ, но не было у насъ дровъ! Діагоръ, увидя ветхой деревянной кумиръ, которой представлялъ Геркулеса, расколoлъ его и сказалъ:„ „Севодни ты долженъ сварить намъ котелъ; это будетъ послѣднимъ твоимъ подвигомъ.“ „Мы во весь ужинъ

шутили и смѣялись на счетъ Геркулесовой божественности.

Діагоръ, подъ веселой часъ, открылся намъ, что Аѳинской Ареопагъ положилъ голову его въ цѣну, и обѣщалъ талантъ тому, кто его убьетъ, и два, кто приведетъ живаго. Послѣ сей довѣренности товарищество съ нимъ было уже намъ непріятно; мы опасались, чтобъ не пострадать за него, и какъ скоро благопристойность позволила, то разпрощались съ нимъ.

Городъ Эпидавръ посвященъ Эскулапу, и какъ сказываютъ жители, вотъ по какой причинѣ: дочь Флегія, одного изъ величайшихъ воиновъ того времени, была любима Аполлономъ, и сдѣлалась беременною. Въ намѣреніи скрыть проступокъ свой отъ отца, она удалилась къ Эпидавру, и тамъ, разрѣшась отъ бремени, положила новорожденнаго младенца на горѣ. Коза питала его своими сосцами, а собака того стада была его стражемъ. Однажды пастухъ, искавъ козу и собаку, нашелъ ихъ подлѣ младенца. Онъ хотѣлъ

его унести; но увидя около его сіяніе, знаменіе божества, не дерзнулъ къ нему прикоснуться. Молва тотчасъ разнесла, что родился чудотворной младенецъ, исцѣляющій недуги и воскрешающій мертвыхъ. Надъ воротами храма находится слѣдующая надпись: *входъ сюда позволенъ только чистымъ душамъ.* Кумиръ Эскулаповъ сооруженъ изъ золота и слоновой кости; онъ представленъ на тронѣ, у ногъ его собака; одною рукою держитъ палку, а другая лежитъ на змѣиной головѣ.

Лѣсъ, къ которому храмъ примыкаетъ, обнесенъ оградою. Тамъ не допускаютъ ни единаго человѣка умереть, ни единой женщины разрѣшиться отъ бремени. Всѣ приносимыя богу жертвы должны быть истреблены внутри ограды. Вкругъ храма построены домы для пришлыхъ богомольцовъ; одна большая храмина уставлена ложами, на которыхъ вопрошающіе бога, выложа на столъ плоды, опрѣсноки и другіе дары, препровождаютъ ночь. Фаноръ, любопытствуя узнать обряды, притворился

больнымъ. Одинъ изъ жрецовъ велѣлъ ему наблюдать глубокое молчаніе, противиться сколько можно сну, и внимать мечтамъ, которыя богъ ему пошлетъ; послѣ чего онъ погасилъ свѣтильникъ и унесъ дары.

На другой день Фаноръ сказалъ мнѣ, что онъ не видѣлъ ни одного сна, но слышалъ голосъ мнимаго Эскулапа. Сей богъ совѣтовалъ ему отправиться на три мѣсяца въ островъ Косъ, отечество славнаго Иппократа, и увѣрялъ, что воздухъ того мѣста исцѣлитъ болѣзнь его; но Фаноръ обѣщался выздоровѣть и безъ сего путешествія. Одна женщина, уроженка изъ Лесбоса, увѣряла меня, что она видѣла во снѣ бога самаго, которой однимъ прикосновеніемъ къ ея груди вылѣчилъ ее навсегда отъ боли въ желудкѣ.

Змѣи посвящены Эскулапу. Жрецы кормятъ одного во внутренности храма. Онъ повинуется ихъ голосу, обвивается около ихъ тѣла, и принимаетъ пищу изъ ихъ рукъ. Намъ сказано, что сей змѣй выходитъ весьма рѣдко; но

по щастью, въ бытность нашу въ Эпидаврѣ, онъ изволилъ показать себя на улицахъ. Онъ ползъ величественно; и какъ народъ почитаетъ за хорошій знакъ встрѣтиться съ нимъ, то радость блистала на всѣхъ лицахъ. Молились ему, преклонялись передъ нимъ, и многіе принимали его за бога самаго. Говорятъ, что не осталось ни одной сумазбродной системы, которая бы не была въ головѣ какого нибудь Философа; также справедливо можно сказать, что нѣтъ глупости, которой бы разумъ человѣческой не заплатилъ дани.

Эпидаврцы торжествуютъ всегодно великолѣпные праздники въ честь Эскулапу. Въ лѣсу находится великое множество столбовъ, съ именами тѣхъ особъ, которыхъ сей богъ исцѣлилъ, и съ описаніемъ ихъ болѣзней и врачеванія. Близь города есть роща, посвященная Діанѣ, гдѣ статуя представляетъ сію богиню въ костюмѣ звѣроловительницы.

Изъ Эпидавра мы продолжали путь свой въ Спарту сухимъ путемъ; аппетитъ и веселость были вѣрными нашими-

ми товарищами. Фанорѣ былѣ чрезвычайно забавенѣ. Пока любовь не возмущала духа его, онѣ ни на минуту не задумывался; но когда проклятой Купидонѣ пронзалѣ его своею стрѣлою, то нравѣ перемѣнялся удивительнымѣ образомѣ; тогда онѣ питался только жалобами и вздохами. По щастію любовныя его лихорадки были перемѣжающіяся; одинѣ взглядѣ воспалялѣ огонь, и одинѣ день отсутствія потушалѣ его. Прелестная Ѳеофанія была уже на ряду сѣ божественною Ѳеаною; то есть, обѣ равно изглажены изѣ сердца, обѣ равно преданы забвенію. Онѣ разсказывалѣ мнѣ, что вѣ четырнадцать лѣтѣ отѣ роду влюбился вѣ статую Венеры, украшалѣ ее цвѣтами, вздыхалѣ у ногѣ ея, посвящалѣ ей стихи, обнималѣ ее, словомѣ сказать: сдѣлался вторымѣ Пигмаліономѣ. Сіе сумасшествіе продолжалось до тѣхѣ порѣ, пока онѣ однажды вѣ жару страсти ухватилѣ свою любезную сѣ такимѣ восторгомѣ, что статуя упала и чуть его не задавила, чѣмѣ и кончилась любовь его.

Мы прибыли очень поздо въ Гелосъ, коего жители, порабощенные Спартанами, получили названіе Гелотовъ или Илотовъ. Здѣсь мы только переночевали. Сей городъ представляетъ вездѣ картину рабства.

Достигнувъ Эвротскихъ горъ, увидѣли мы человѣка, которой безъ оружія, съ помощію однихъ рукъ своихъ, сражался съ престрашнымъ волкомъ. Мы закричали изо всей силы, и бросились ему на помощь. Волкъ испужавшись оставилъ добычу и побѣжалъ. Я думалъ, что найду противника его полумертвымъ отъ страха, блѣднымъ, утомленнымъ; но вмѣсто того онъ былъ въ такомъ ожесточеніи, что хотѣлъ еще гнаться за своимъ непріятелемъ, и погнался бы, естьли бы волкъ не скрылся изъ виду. Храброй нашъ ратоборецъ былъ весь покрытъ кровью. Когда мы ему о томъ сказали, то онъ отвѣчалъ холоднокровно: „Это ничего: двѣ язвы." Насилу уговорили мы его перевязать ихъ. Потомъ онъ спросилъ насъ, куда мы идемъ. „Мы Греки,

отвѣчалъ я; а идемъ въ Спарту изъ одного только желанія узнать этотъ славной городъ, которой весьма справедливо называютъ окомъ Греціи. — Пойдемте вмѣстѣ; я Спартанецъ; имя мое Демонаксъ. Вы остановитесь у меня. Бывало мы не принимали иностранцевъ, нынѣ все уже не то." Мы согласились на его Лаконическое предложеніе въ такихъ же сухихъ и короткихъ словахъ.

Лаконія покрыта горами и холмами; дороги идутъ съ крутизны на крутизну. Посреди сей исковерканной земли случалось намъ однакожь находить долины прекрасныя, коихъ миловидность награждаетъ путешественника за всѣ понесенные имъ труды. Подходя ближе къ Спартѣ, мы видѣли мѣста плодородныя, усыпанныя маленькими отлогими пригорками. Демонаксъ сказалъ намъ, что всѣ сіи пригорки произведены человѣческими руками, и что въ ихъ нѣдрахъ хранится прахъ главныхъ начальниковъ народа. Мы перешли черезъ Эвротъ тѣмъ же самымъ бродомъ, которымъ перешелъ Эпаминондъ, предво-

дительствуя шестидесятью тысячами воиновъ. Демонаксъ пылалъ еще гнѣвомъ, показывая намъ опустошенія, которыми Θиванской Герой ознаменовалъ путь свой до самыхъ воротъ Спарты.

Эвротъ протекаетъ черезъ миртовые и лавровые лѣсочки. По берегу простирается долина, усѣянная виноградными лозами, чинаровыми алеями, оливковыми деревьями, садами и увеселительными домами. Множество лебедей блистательной бѣлизны плавали величественно по рѣкѣ, и казалось, гордились своею красотою. Взбираясь на одну гору, мы увидѣли еще новое доказательство, что не рѣдко благополучіе обитаетъ въ мѣстахъ дикихъ и посреди натуры самой грубой. Эпикуръ справедливо говорилъ: *естьли хочешь быть щастливъ, живи въ неизвѣстности.*

ГЛАВА XIV.

Перепутье у старушки. Ея нравы и образъ жизни. Повѣсть объ Алкандрѣ.

Солнце достигло уже до предѣла крайней своей высоты, земля подъ нашими ногами горяча была какъ огонь. Мы тащились изнурены жаждою и зноемъ; Демонаксъ одинъ шелъ неутомимыми шагами. На дорогѣ нашли мы старушку, которая сидя подъ деревомъ, пасла козъ. Она пригласила насъ отдохнуть въ ея хижинѣ и напиться молока. Ласковая и добродушная рѣчь ея заставила насъ тотчасъ согласиться. Она указала намъ свое жилище, и мы пошли за нею.

Маленькой ея домикъ, построенной на уклонѣ одного пригорка, состоялъ изъ двухъ комнатъ. Впереди двѣ старыя смоковницы отѣняли окна и давали плодъ. Для козъ и курицъ было особливое мѣсто. Фиги, овощи, козы и нѣсколько пчелъ составляли все богатство, все владычество сей новой Вавкиды. Она побѣжала тотчасъ за пищею, и принесла намъ сыръ, молоко и

медъ. Подъ одною изъ смоковницъ стоялъ каменной столъ, за которой мы и сѣли. „На этомъ самомъ столѣ, сказала старушка, угощала я Царя Агезилая. — Какъ! вскричалъ Демонаксъ, тому уже семдесятъ шесть лѣтъ, какъ Агезилай умеръ. — Я не умѣю щитать, помню только, что уже давно, очень давно, какъ онъ былъ здѣсь. Я какъ будто теперь его вижу: онъ былъ росту маленькаго, хромоногъ, и съ виду не похожъ на Царя; но изъ рѣчей его тотчасъ можно было увидѣть, что онъ великой человѣкъ. — Въ которомъ году это было? спросилъ Демонаксъ. — Не помню; посмотрите сами: годъ и число вырѣзаны на этомъ столѣ. „Демонаксъ прочелъ и увидѣлъ, что тому прошло уже восемдесятъ шесть лѣтъ. Я спросилъ Ѳеодору (такъ наша хозяйка называлась), сколько ей тогда было лѣтъ? — Это случилось годъ послѣ моего замужства, а я вышла за мужъ двадцати. — Слѣдовательно тебѣ сто семь лѣтъ? вскричалъ я. — Не знаю, только много уже времени я живу на свѣ-

тѣ.“ Мы подивились такой долговѣчности; По ея виду никто бы не сказалъ ей больше осьмидесяти лѣтъ. Она пользовалась еще употребленіямъ всѣхъ своихъ чувствъ, имѣла твердую походку и почти ничего не сгорбилась. Она возбудила мое любопытство; я сдѣлалъ ей множество вопросовъ.„ Не одна ли ты живешь? — Нѣтъ; со мною козы мои и собака. Внучка моя за мужемъ; домъ ея въ двухъ стадіяхъ отсюда; она приходитъ ко мнѣ брать мой сыръ и медъ въ городъ. — Давно ли ты здѣсь? — Лѣтъ около восьмидесяти, и во все это время была я въ Спартѣ одинъ только разъ. — Чѣмъ ты кормишься? — Молокомъ отъ козъ моихъ, и медомъ отъ моихъ пчелъ; а что остается, тѣмъ угощаю правнучатъ своихъ. — И ты довольна; ты ничего не желаешь? — Желаю пожить еще также, какъ теперь живу. Впрочемъ знаю, что когда нибудь надобно умереть, и ожидаю воли великаго Юпитера съ сердцемъ покорнымъ. Говорятъ, что на земли много золъ и печалей; отъ чего это? Юпитеръ могъ бы сдѣлать всѣхъ насъ благо-

получными. Что до меня касается, то я участью своею довольна; чего мнѣ хотѣть! Я никогда не была больна, никогда не имѣла печалей; одинъ только разъ поплакала, когда мой храброй мужъ убитъ; но и эта утрата была не очень для меня огорчительна, потому что онъ положилъ жизнь свою за отечество."
„Демонаксъ спросилъ, на какомъ сраженіи мужъ ея убитъ. — При осадѣ одного большаго города, право не помню какого; знаю только, что главной надъ войскомъ назывался *Лизандръ*. — Это было конечно при осадѣ Аѳинъ! Лизандръ былъ вождь искусной, но по честолюбію и правиламъ его человѣкъ опасной: онъ говаривалъ, что дѣтей забавляютъ игрушками, а людей словами; что правда лучше лжи, но что надобно употреблять и правду и ложь, смотря по случаю. — Не слыхала ли ты о войнѣ Титановъ, спросилъ я старуху; о потопѣ при Девкаліонѣ и Пиррѣ; объ осадѣ Трои; объ Агамемнонѣ; объ Ахиллѣ; о Гекторѣ? — Нѣтъ. А какіе это были люди? пастухи что ли,

музыканты, или жрецы? — Какого ты мнѣнія о душѣ твоей? безсмертна ли она, или погибнетъ вмѣстѣ съ тѣломъ? — Я никогда объ этомъ не думала. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ умерла любимая моя коза; я долго ей говорила, но она не подала никакого знака, что меня слышитъ; а прежде бывало всякое слово мое понимаетъ. Доказательство, что когда умрешь, то и тѣло, и душа, и все умретъ. — Однакожь не льзя тебѣ не знать, что по кончинѣ нашей мы пойдемъ въ тартаръ, или въ Елисейскія поля, смотря по заслугамъ. — Это я часто слыхала, когда еще была молода. Впрочемъ я покланяюсь богамъ, не дѣлаю зла никому, напротивъ того раздѣляю бѣдную свою пищу со всякимъ, кому случается проходить, или проѣзжать мимо меня; чего мнѣ бояться? — Хотѣла ли бы ты начать снова такую же точно жизнь, какую вела? — Хотѣла бы конечно. — Первое вижу существо благоразумное, которое соглашается на такое предложеніе, сказалъ я своимъ товарищамъ. Мы лю-

бимъ жизнь потому единственно, что живемъ всегда въ надеждѣ на что нибудь лучшее; но столько скорбей, столько золъ насъ удручаютъ, что всякой бы отказался родиться въ другой разъ, съ тѣмъ, чтобъ пройти опять через тѣ же искушенія.

Гуляя вкругъ дому, увидѣлъ я развалины великолѣпнаго зданія, камни, мраморы изъѣденные временемъ, отломки колоннъ, капителей, карнизовъ. Я возвратился къ Ѳеодорѣ, и спросилъ ее о сихъ остаткахъ роскоши и богатства. „На этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ бѣдная моя хижина, отвѣчала она, жилъ въ старину богачь въ огромныхъ палатахъ. Разсказываютъ объ немъ чудную исторію, но память моя мнѣ уже не служитъ. Кто живетъ долго, тотъ напослѣдокъ все забываетъ.„ Тогда Демонаксъ сказалъ, что исторія сего богача есть подлинное произшествіе, извѣстное всякому Спартанцу.

„Когда нашъ великой законодатель, продолжалъ онъ, вознамѣрился постановить новое правленіе, и учредить въ

имуществахъ равенство ; то богачи воспротивились ему всею своею силою и составили страшной заговоръ. Алкандръ, человѣкъ пребогатой и пречестолюбивой былъ главою недовольныхъ ; онъ взбунтовалъ часть народа, самъ гнался за Ликургомъ съ палкою и вышибъ ему глазъ. Нещастіе этого великаго мужа возбудило преданныхъ ему, и даже виновные, почувствовавъ свой проступокъ, обратились на Алкандра, и конечно бы его растерзали, естьли бы самъ Ликургъ (изъ котораго кровь еще текла) не спасъ его своими прозьбами.

Но гордой Алкандръ не могъ выдержать пребыванія въ такомъ городѣ, изъ котораго роскошь и забавы изгнаны ; гдѣ самой послѣдній гражданинъ стоялъ на одной съ нимъ ногѣ ; гдѣ бремя благодарности тяготило его душу. Онъ съ женою и трех - лѣтнимъ своимъ сыномъ удалился въ этотъ домъ, послѣднее убѣжище богатства и пышности. Жена его, женщина прекрасная и чувствительная, старалась всячески развеселить своего супруга и украсить

ихъ уединеніе; она употребила для сего все, что разсудокъ и нѣжнѣйшая дружба могутъ внушить утѣшительнаго.

Но ни ласки ея, ни улыбка и младенческія прелести невиннаго залога ихъ любви, ни прекрасное зрѣлище поля, ни спокойствіе, которое они вкушали въ удаленіи отъ суетъ, въ объятіяхъ любезной тишины, ничто не могло усладить, утѣшить души высокомѣрной и преогорченной. Нещастной не умѣлъ жить внѣ города, съ природою, съ милою подругою, и довольствоваться тѣмъ блаженствомъ, какое чувствительной человѣкъ можетъ найти въ своемъ семействѣ! Скука его снѣдала; ненависть къ отечеству пламенѣла въ его сердцѣ отчасу сильнѣе. Услышавъ, что Ликургъ раздѣлилъ Лаконію на тридцать тысячь участковъ, и отдалъ ближніе къ городу девять тясячь настоящимъ Спартанцамъ, онъ пришелъ въ совершенное изступленіе. Въ одну ночь встаетъ съ постели, и всѣ его движенія показываютъ сильное волненіе. Жена испужавшись спрашиваетъ его трепе-

щущимъ голосомъ и въ самыхъ чувствительныхъ выраженіяхъ, куда онъ идетъ. „Не покидай меня, мой другъ! Естьли что нибудь тебя терзаетъ, излей горести свои въ мою душу; я раздѣлю ихъ съ тобою, буду стараться тебя утѣшить.„ Алкандръ отвѣчаетъ сухо: „не тревожься; я спокоенъ! мнѣ что-то не спится, хочу только выттти на свѣжій воздухъ.„ Онъ пошелъ въ комнату, гдѣ маленькой сынъ его спалъ подлѣ своей кормилицы, унесъ его соннаго, написалъ къ женѣ записку, которую приказалъ одному невольнику отдать ей, когда она проснется, и вышелъ. . . Взгляните на лѣво, продолжалъ Демонаксъ; видите эту высокую, крутую каменную гору; Алкандръ взлѣзъ на самой верхъ ея, и бросившись оттуда съ младенцемъ своимъ, разшибъ и его и себя.

На разсвѣтѣ жена его видя, что онъ еще не возвратился, встаетъ, и въ ту минуту невольникъ вручаетъ ей записку. Сердце бьется, руки дрожатъ; она развертываетъ и читаетъ: „Я уже

не существую; жизнь была мнѣ несносна; я оставилъ ее. Да погибнетъ равно и неблагодарное мое отечество! Ненависть моя къ этому отечеству не позволяетъ мнѣ оставить ему моего сына, сына рожденннаго пользоваться всѣми дарами щастія, всѣми почестями, и которой нынѣ сталъ равенъ послѣднему гражданину. Прости! не плачь! Я былъ жалокъ, но теперь не чувствую уже никакой муки.“ Вообразите состояніе супруги нѣжной, чувствительной, пламенной по прочтеніи такого ужаснаго письма! Внѣ себя бѣжитъ она искать остатковъ дрогоцѣнныхъ ей существъ, бѣжитъ можетъ быть въ надеждѣ успѣть еще спасти ихъ жизнь. У подошвы скалы (какая картина!) видитъ своего супруга, съ раздробленною головою, еще дышущаго, но уже лежащаго безъ памяти; младенецъ подлѣ него не имѣлъ уже никакого образа. Нещастная смотритъ неподвижнымъ окомъ, сердце ея сжимается, кровь стынетъ; она не можетъ произнести ни слова. Наконецъ

одинЪ вздохЪ вылетѣлЪ изЪ ея души, и этотЪ вздохЪ былЪ послѣдній: она упала на тѣло своего младенца бездыханна.

КакЪ скоро вЪ Спартѣ узнали о смерти Алкандра, то СенатЪ повелѣлЪ истребить до основанія этотЪ домЪ, памятникЪ гордости и изступленія.“

По окончаніи сей повѣсти мы простились сЪ нашею добренькою старушкою, обняли ее, и пожелали ей, чтобЪ она еще долго наслаждалась безпорочною и щасливою своею жизнію.

Дорогою разговаривали мы о характерѣ и положеніи сей женщины, которая будучи добродѣтельна по внушенію добраго сердца, и сама не зная, что такое добродѣтель, вѣруя вЪ боговЪ единственно потому, что другіе вЪ нихЪ вѣрятЪ, безЪ заботы о будущемЪ, безЪ сожалѣнія о прошедшемЪ; не имѣя другихЪ удовольствій, кромѣ удовлетворенія малому числу данныхЪ простою натурою нуждЪ; ни другихЪ знаній, кромѣ воспитанія своихЪ козЪ; ни другаго честолюбія, кромѣ ихЪ благоденствія, вЪ неизвѣстности у всей вселен-

ной, и въ глубокомъ невѣдѣніи о вселенной — совсѣмъ тѣмъ была, можетъ быть, благополучнѣйшее существо на земли. Она попала машинально на правила и Философію нашихъ мудрецовъ. — „Ты плѣняешься блаженною жизнію этой старухи? спросилъ я Фанора. — Плѣняюсь. — Но скажи: хотѣлъ ли бы ты быть точно въ ея положеніи, то есть, жить въ уединеніи, въ неизвѣстности, въ невѣжествѣ, въ бѣдности, однимъ словомъ: купить ея спокойное благоденствіе цѣною всѣхъ тѣхъ преимуществъ и удовольствій, которыхъ она не знаетъ?'— Не могу тебѣ сказать рѣшительно; однакожъ думаю, что я на такія условія не согласился бы. — А для чего? — Право самъ не знаю. — Такъ я тебѣ скажу, мой другъ: отъ самолюбія. Тебѣ кажется стыдно, безчестно быть простымъ и бѣднымъ человѣкомъ, а особливо не разсуждать, не умничать. Однакожъ первая наука человѣка, самая важная, самая нужная, есть наука быть благополучнымъ. Для нашего минутнаго въ свѣ-

тѣ пребыванія что пользы быть краснорѣчивымъ Ораторомъ, искуснымъ Стихотворцемъ, великимъ вождемъ? Въ сравненіи съ благополучіемъ всѣ дарованія ничто. — Я согласенъ съ тобою; но вопреки голосу разсудка, ни одинъ, можетъ быть, умной человѣкъ не пожелалъ бы блаженства этой старухи."

Демонаксъ перервалъ нашъ разговоръ, указавъ намъ Спарту. Мы поклонились ей издалека. Сей городъ стоитъ посреди долины. Какъ мы любовались прекраснымъ его положеніемъ, то Демонаксъ сказалъ: „Ни одинъ Пелопонесской городъ не имѣетъ такихъ пріятныхъ окрестностей. Мы успѣемъ еще сегодни многое обозрѣть; я буду вашимъ Мистагогомъ.„ Онъ повелъ насъ чрезъ лабиринтъ рощицъ и садовъ: эмблемы, девизы, статуи, все изображало Миѳологическія приключенія изъ исторій Кастора и Поллукса, Гіацинта, Леды, а особливо Елены, которой имя написано было почти на всѣхъ чинарахъ: *имѣй ко мнѣ почтеніе; я дерево Елены.* Въ сіи-то прелестныя

мѣста Спартанскія дѣвы ходятъ пѣть славную пѣснь, которую Сафо сочинила въ пятнадцать лѣтъ отъ роду: *Дѣвство! Куда бѣжишь, меня оставя?* Пришедъ къ городу, мы удивились, что не нашли ни стѣнъ, ни другихъ какихъ преградъ. Я спросилъ Демонакса: какое укрѣпленіе защищаетъ Спарту? „Наши руки, отвѣчалъ онъ.„

Между тѣмъ вечерняя заря угасала. Какъ мы очень устали, то и поспѣшили на ночлегъ къ проводнику своему.

ГЛАВА XV.

Описаніе Спарты. Одежда. Нравы. Гимназія. Общественная трапеза. Кража.

На другой день Демонаксъ повелъ насъ по городу.

Спарта имѣетъ круглую фигуру, и раздѣлена холмами. Окружность ея сорокъ восемь стадій (*). Жителей

(*) Какая малость! какая разница отъ Аѳинъ!

въ то время считалось годныхъ къ службѣ не болѣе осьми тысячь. Сей городъ, равно какъ и Самосъ, Аргосъ и Микена, находится подъ покровительствомъ Юноны; Критъ подъ покровительствомъ Юпитера и Діаны; Кипръ и Пафосъ посвящены Венерѣ; Наксосъ Вакху; Лемносъ Вулкану, а Дельфы и Родосъ Аполлону.

Мы не нашли въ Спартѣ ни одного порядочнаго дома, всѣ были чрезвычайно малы и низки. Демонаксъ показывалъ намъ общенародную площадь. Тамъ сбирается Сенатъ Старѣйшинъ въ числѣ двадцати осьми человѣкъ, и другой изъ пяти Эфоровъ. Мы пошли къ Персійскому портику: лучше сего зданія нѣтъ во всемъ городѣ. Оно названо по имени непріятелей, на корысти которыхъ воздвигнуто. Мы тамъ видѣли множество бѣлыхъ мраморныхъ статуй, возвышенныхъ на колоннахъ. „Это портреты непріятельскихъ вождей, сказалъ намъ Демонаксъ. Вотъ Мардоній, которой разбитъ при Мараѳонѣ и Платеѣ. Здѣсь видите храбрую Арте-

мизу, которая сражалась за Ксеркса при Саламинѣ.,, Потомъ смотрѣли мы многіе храмы, посвященные Землѣ, Юпитеру, Минервѣ, Нептуну, Юнонѣ и Аполлону. Одна превеликая статуя представляла народъ Спартанской. Нѣсколько подалѣе находился храмъ Паркъ, подлѣ котораго видна была Орестова гробница.

Оставя площадь, мы пошли улицею *границъ*, такъ названною потому, что Икарій, отецъ Пенелопы, вознамѣрясь выдать дочь свою за мужъ, обѣщалъ ее тому, кто обѣжитъ своихъ соперниковъ; и ристаніе было въ сей улицѣ. Улиссъ остался побѣдителемъ.

На высотѣ маленькаго пригорка увидѣли мы древній храмъ, посвященный Венерѣ. Фигура его пречудная: это два храма одинъ на другомъ. Въ нижнемъ обожаютъ Морфу или Венеру, богиню красоты, а въ верхнемъ молятся Венерѣ, завѣшенной покрываломъ и скованной въ знакъ вѣрности, которою жены обязаны своимъ мужьямъ.

Демонаксъ повелъ насъ въ Дромъ, гдѣ молодые люди упражняются въ бѣганіи. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Дрома стоитъ старая Геркулесова статуя, которой юноши, при вступленіи въ классъ мужей, приносятъ жертвы.

Внѣ Дрома, близь статуи, онъ указалъ намъ ветхой домъ, которой нѣкогда принадлежалъ Менелаю, нещастному супругу прекрасной Елены. Въ Спартѣ нѣтъ такой цитадели, какъ на примѣръ Кадмея въ Ѳивахъ, или Ларисса въ Аргосѣ; а вмѣсто цитадели служилъ одинъ превысокой домъ.

Всѣ молодые люди, которые попадались намъ на встрѣчу, имѣли длинныя бороды, длинные, распущенные волосы, раздѣленные на двѣ или три косички, и прегустые усы, висящіе до груди. Вмѣсто длинныхъ Аѳинскихъ епанчей носили они сверхъ хитона очень короткіе казаки, красные въ военное время, и всегда изорванные и замаранные. Одинъ Философъ называлъ сію одежду епанчею гордости. Обуваются они въ сандаліи (при Ликургѣ ходили босикомъ), голову покрываютъ шапкою

конической фигуры; ходятЪ не говоря ни слова, потупя глаза, и спряшавЪ руки. Иные носятЪ клюку. Попадались намЪ дѣти босые. „Какая розница, сказалЪ я Фанору, между грубою простотою СпартанЪ и тонкимЪ вкусомЪ, щегольствомЪ и роскошью Аѳинскаго юношества, а особливо твоего любезнаго друга Батта Ѳеона! — Да; однакожЪ я довольно хорошо поколотилЪ этого бездѣльника, и сЪ не отесанными Спартанскими болванами не хотѣлось бы мнѣ испытать своихЪ силЪ.„ ВЪ ту самую минуту три молодыя дѣвки высокаго роста, плотныя, статныя, прекрасныя, румяныя, здоровыя, прошли мимо насЪ твердою и проворною походкою: головной уборЪ ихЪ состоялЪ вЪ превеликихЪ шляпахЪ изЪ Эвротскаго тростника, а ноги изЪ подЪ коротокой одежды видны были выше икрЪ, которыя у всѣхЪ почти СпартанокЪ отмѣнно складны. „Какія прекрасныя дѣвки! сказалЪ я Демонаксу. — Вѣрите ли, что онѣ обЪ этомЪ и не думаютЪ. — Да я за нихЪ думаю! вскричалЪ ФанорЪ.„ — НашЪ хозяинЪ

примолвилЪ: „Аѳинянки вЪ превеликомЪ соперничествѣ сЪ Лакедемонянками, и почитаютЪ себя прекраснѣе, потому что умѣютЪ прикрывать недостатки природы, и украшать ее прелестями наряда.„ — Я сказалЪ ему, что одежда Аѳинянокъ благопристойнѣе.„ Наши дѣвушки, отвѣчалЪ онЪ, завѣшены непорочностью мыслей: цѣломудріе служитЪ имЪ вмѣсто одежды. Жены наши одѣваются гораздо благопристойнѣе; но такой нарядЪ связалЪ бы молодыхЪ особЪ, которымЪ надобно упражняться вЪ пляскѣ, вЪ борьбѣ, вЪ бѣганіи, вЪ метаніи свинцоваго кружка или копья. ИхЪ пріучаютЪ кЪ подвигамЪ, вЪ намѣреніи укрѣпить, выправить тѣло и дать складЪ всѣмЪ частямЪ, чтобЪ привести ихЪ вЪ состояніе родить отечеству дѣтей здоровыхЪ и сильныхЪ. ВамЪ странно, можетЪ быть, покажется, что на нѣкоторыхЪ праздникахЪ наши молодыя дѣвушки пляшутЪ нагія. — Можно ли видѣть ихЪ упражненія? спросилЪ ФанорЪ. — Можно, естьли вы женаты." „Я хотѣлЪ сказать,

что нѣтъ; но Фаноръ, предупредя меня, закричалъ: „Женаты, женаты. — И такъ завтра я васъ поведу въ ихъ Гимназію.„

Демонаксъ сдержалъ свое слово, и по утру очень рано повелъ насъ въ Платанистъ, поле на берегу Эврота, отѣненное прекрасными чинарами и окруженное Эврипомъ, гдѣ Спартанское юношество упражняется въ подвигахъ. На семъ-то полѣ рваны цвѣты для свадебнаго вѣнка прекрасной Елены. Приходъ туда двумя алеями: передъ одною стоитъ изображенiе Геркулеса или Силы, которой подвластно все; а передъ другою статуя Ликурга или Закона, которой оковываетъ людей.

Насъ посадили на каменные уступы. По данному знаку сорокъ молодыхъ рослыхъ дѣвокъ вошли въ поприще: всѣ были чрезвычайно статны, чрезвычайно прекрасны. Хитонъ ихъ простирался только до колѣна, и разпашенъ былъ по обоимъ бокамъ. Ноги и руки были голыя; лавровой вѣнокъ служилъ повя-

кою волосамЪ. Онѣ приступили кЪ серединѣ поприща, и потомЪ раздѣлились на двѣ толпы. По второму знаку оба войска приближились гордо одно кЪ другому, остановились, каждая атлетка бросилась на свою противницу; схватились, обнялись, переплелись всѣми членами, тѣснили, осиливали одна другую попеременно; то подвигались впередЪ, то отступали, колебались, поправлялись. Легкой и короткой ихЪ хитонЪ взвѣвался при каждомЪ движеніи, и обнажалЪ прелести достойныя взора боговЪ. ФанорЪ сидѣлЪ недвижимЪ отЪ восхищенія, устремя глаза на двухЪ сильнѣйшихЪ и прекраснѣйшихЪ атлетокЪ. „Какія прелести, говорилЪ онЪ мнѣ тихонько, какой складЪ всѣхЪ частей, какой рисунокЪ тѣла! взгляни на мущинЪ; они холодны какЪ камень; это не люди. — А ты, кажется, не холоденЪ. — Я весь горю: не стаетЪ терпѣнія смотрѣть долѣе. — Старайся однакожь скрывать свои чувства; подражай мнѣ.„ Минуту послѣ, онЪ, дернувЪ меня за руку, вскричалЪ: „Посмотри, какая картина! О,

мой другъ! сама Паѳоская богиня не можетъ быть прекраснѣе!„ Я взглянулъ, и увидѣлъ двухъ молодыхъ атлетокъ, на которыхъ мы до того времени смотрѣли, простертыхъ на земли; онѣ лежали одна на другой. Которая была на верху, казала намъ прелести стократно восхитительнѣе тѣхъ, какими славится богиня красоты. „Ахъ, какъ бы я желалъ быть съ ними третьимъ! говорилъ Фаноръ.“ Я попросилъ его, чтобъ онъ молчалъ; начинали насъ примѣчать. Мы тотчасъ потупили глаза, и приняли важной видъ. Побѣдительницею въ тотъ день осталась прекрасная Аспазія, та самая, которая плѣнила Фанора; она была бы достойна побѣдить и въ спорѣ о красотѣ. Я примѣтилъ въ продолженіе сихъ подвиговъ, что дѣвки нападали на юношей насмѣшками и эпиграммами, и хвалили тѣхъ, которые имъ нравились. Однихъ сіе дѣлало смѣлѣе, а въ другихъ возбуждало ревность.

Послѣ борьбы тѣ же дѣвки приготовились къ бѣганію. Двадцать изъ нихъ

стали въ линію по натянутой веревкѣ. Какъ скоро музыка дала сигналъ, веревка упала, и наши героини пустились въ бѣгъ. Онѣ летятъ быстрѣе вѣтра. Фаноръ, внѣ себя, слѣдуетъ глазами за проворною Аспазіею, и сердце его пламенно желаетъ ей успѣха. Сіе желаніе совершилось: уже Аспазія опередила своихъ соперницъ: легка какъ Аталанта, едва оставляетъ на пескѣ знаки ногъ своихъ, течетъ, кидается и первая достигаетъ меты. Радостной крикъ и громкіе плески прославили ея побѣду. Одинъ изъ Эфоровъ идетъ и возлагаетъ на нее вѣнокъ изъ дикой маслины. Аспазія уклоняетъ чело свое съ благородною скромностью, и свѣжія ея ланиты покрываются яркимъ карминомъ — цвѣтъ прекраснѣйшій всѣхъ цвѣтовъ, когда бываетъ признакомъ дѣвической стыдливости.

Сіи Гимназическія потѣхи вскружили Фанора: онъ не могъ заснуть; во всю ночь мечтались ему живописныя Аспазіины формы. Онъ пи-

знался мнѣ, что любитъ ее страстно. Тогда я напомнилъ ему о прекрасной Ѳеанѣ Аѳинской, о прелестной Ѳеофаніи Милетской. „Какое сравненіе! вскричалъ онъ! Ѳеана и Ѳеофанія конечно хороши, но Аспазія божество.“ Нѣсколько дней спустя Демонаксъ выпросилъ у начальства позволеніе обѣдать съ нами, и потомъ привести насъ за общественную трапезу. Цари, Эфоры, граждане, всѣ ѣдятъ вмѣстѣ. Всякой общникъ обязанъ внести въ артель ежемѣсячно одинъ четверикъ муки, восьмнадцать мѣръ вина, пять фунтовъ сыру, два фунта съ половиною смоквъ и нѣсколько желѣзной монеты на покупку мяса: сія порція есть часть ихъ дохода. Столы разставлены въ пространныхъ залахъ, и каждой столъ на пятнадцать человѣкъ. У дверей трапезной палаты стоялъ одинъ Спартанецъ старѣе прочихъ. Должность его была напоминать всѣмъ входящимъ, что никакія рѣчи не должны быть выносимы за дверь.

Одна артель не мѣшается съ другою; не льзя ни въ которую быть приняту безъ общаго согласія всѣхъ участвующихъ, и отказъ одного достаточенъ на исключеніе предлагаемаго человѣка. Вошелъ хромоногой юноша; я удивился; но Демонаксъ сказалъ мнѣ, что онъ во всей республикѣ одинъ таковъ. Сей молодой человѣкъ раненъ на сраженіи. Мать его въ утѣшеніе сказала ему: „Сынъ мой! каждой шагъ твой будетъ напоминать тебѣ о твоей храбрости.„ Спартане, противно обыкновенію другихъ народовъ, сидятъ за трапезою на деревянныхъ лавкахъ. Пища ихъ состоитъ изъ черной похлебки (*) и вареной свинины, изрѣзанной на равные участки. Фаноръ сказалъ мнѣ на ухо: „какой дурной обѣдъ! — Однакожь при-

(*) Черную похлебку варили изъ свинины, и приправляли солью и уксусомъ. Плутархъ говоритъ, что у Спартанъ была еще похлебка изъ угрей, которая называлась бѣлою.

правленной апетитомъ, сказалъ я. Посмотри, какъ прилѣжно они ѣдятъ." Мы спросили Демонакса: "Всегда ли Спартане употребляютъ такую пищу? — Всегда; изрѣдка только даютъ имъ дичины и рыбы." Въ замѣну вкусной пищи столъ былъ оживленъ шуткою и веселостью. Когда я сказалъ Демонаксу, что сіе весьма хорошо, то онъ указалъ мнѣ посреди палаты статую, посвященную богу смѣха. "Ликургъ поставилъ ее въ наставленіе собесѣдникамъ, что они должны быть всегда веселы."

Я спросилъ еще, могутъ ли иногда Спартане обѣдать дома? — Могутъ въ двухъ только случаяхъ, естьли возвратятся съ звѣриной ловли поздо, или когда приносятъ богамъ жертвы въ домахъ своихъ; и тогда обязаны они послать къ общему столу часть дичины, или начатки отъ жертвъ. Царь Агисъ, возвратясь изъ арміи побѣдителемъ, и желая отужинать дома съ женою, послалъ въ артель за своимъ участкомъ. Полемархи ему въ томъ

отказали. Агисъ въ досадѣ не отправилъ въ слѣдующій день обыкновеннаго на случай щастливаго окончанія войны жертвоприношенія, и Полемархи осудили его на пеню.„ Въ самую ту минуту ввели двухъ Илотовъ, и подали имъ большія чаши вина. Выпивъ нѣкоторое количество, не хотѣли они пить болѣе; но старшины принудили ихъ къ тому силою. Намѣреніе ихъ было напоить сихъ рабовъ допьяна. Какъ скоро они начали шататься и врать непристойнымъ образомъ, то повели ихъ вокругъ залы, заставили пѣть скверныя пѣсни, и плясать, дѣлая неблагопристойныя тѣлодвиженія. Сіе зрѣлище, вмѣсто удовольствія, сдѣлало намъ истинную скорбь. Мы сострадали нещастнымъ, въ которыхъ человѣчество было такимъ образомъ поругано; и я не вытерпѣлъ, чтобъ не сказать мнѣнія своего о томъ Демонаксу. „Мы даемъ иногда это представленіе, отвѣчалъ онъ, чтобъ показать нашимъ молодымъ людямъ гнусность и печальныя слѣдствія пьянства. — Прекрасной

способъ учить нравственности! вскричалъ Фаноръ. Лучше пейте сами: это сдѣлаетъ васъ чувствительнѣе и жалостливѣе.„

Молодые воспитанники присутствовали при трапезѣ, стоя какъ зрители. „Они ходятъ сюда за уроками веселости и мудрости, сказалъ Деменаксъ.„ Въ то самое время Фаноръ примѣтилъ, что одинъ изъ нихъ кралъ весьма искусно плоды, и пряталъ ихъ за пазуху. „Посмотри, сказалъ онъ мнѣ, какъ этотъ плутишка пользуется уроками мудрости. — Молчи, ты его обезчестишь и погубишь.„ Тогда хватился онъ двухъ прекрасныхъ куропатокъ, которыхъ, будучи не охотникъ до черной похлебки и вареной свинины, купилъ было для нашего ужина, и не нашелъ уже ихъ въ своихъ карманахъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ украли у него въ гимназіи изъ подъ епанчи молодаго зайчика, котораго онъ самъ убилъ на охотѣ, Въ первомъ движеніи досады отъ пропажи куропатокъ сталъ онъ говорить съ жалобою Деменаксу о

чудной необходимости беречь свои карманы въ собраніи людей важныхъ и почтенныхъ. Демонаксъ захохоталъ, говоря, что онъ обнялъ бы отъ чистаго сердца того вора, которой укралъ куропатокъ. — Бьюсь объ закладъ, что и зайчикъ твой ему же достался. — Такъ вы его знаете, спросилъ Фаноръ? — Очень знаю. Видѣлъ ли ты этого великорослаго молодаго человѣка, которой стоялъ между тобою и мною? Онъ мой другъ; малой проворной, искусной; любовница его изволила скушать вашего зайца; вѣроятно, что и куропаткамъ будетъ та же участь. — А вамъ это кажется очень забавно? Жалѣю сердечно, что вы имѣете такого друга. — Напрасно жалѣете, потому что я дружбу его ставлю за честь; онъ храброй и достойной Спартанецъ, которой у всѣхъ въ почтеніи. Вы, можетъ быть, не знаете, что воровство позволено Ликурговымъ закономъ, и что по этому закону наши молодые люди какъ въ городѣ, такъ и въ полѣ,

будучи на охотѣ, могутъ брать искусным образомъ все, что имъ понравится. — Такъ мы здѣсь въ лѣсу между разбойниками? Клянусь Геркулесомъ, что я свое возьму, и буду также красть. — Совѣтую однакожь красть умненько; а естьли васъ поймаютъ, то будетъ вамъ худо: здѣсь непроворство наказывается очень жестоко. — Это бы меня не испужало; но то бѣда, что у васъ нечего и украсть; развѣ только деревянныя чаши, сандаліи, нѣсколько желѣзныхъ шелеговъ. — Не осуждайте нашего Законодателя: онъ, давая позволеніе воровать, имѣлъ въ виду сдѣлать молодыхъ людей проворными. — Да, разбойниками очень проворными. — Нѣтъ; искусными во всѣхъ военныхъ хитростяхъ, неусыпными. — Другъ мой! сказалъ мнѣ Фаноръ, когда мы остались одни, эта славная Спарта негодной городишка: ѣдятъ какъ свиньи, живутъ въ лачушкахъ, окрадываютъ честныхъ людей безбожно; да нечего имъ больше и дѣлать: нѣтъ ни художествъ, ни наукъ, нѣтъ никакого

умнаго упражненія; скука и празднось только царствуютъ здѣсь. Нарѣчіе столько же жестко и дико, какъ и нравы. Великорослые ихъ болваны шатаются всякой день по площади, съ пустою головою, или лучше сказать, съ головою набитою только военными замыслами и духомъ властолюбія. Кромѣ прекрасныхъ молодыхъ дѣвокъ нѣтъ ничего достойнаго вниманія. Но я не люблю быть въ дуракахъ, и естьли только найду случай, то не упущу отблагодарить Демонаксова пріятеля, которой теперь кушаетъ мою дичину.

ГЛАВА XVI.

Приключеніе въ Діанином храмѣ. Подвиги молодыхъ людей. Обряды при разрѣшеніи женщинъ отъ бремени. Славные скочки. Анекдоты.

Одинъ нещастной случай, отъ котораго мы едва не погибли, усугубилъ Фанорову досаду. Въ Діаниномъ храмѣ происходило великое торжество; весь

городъ тамъ былъ, въ томъ числѣ и мы. Вдругъ храмъ запылалъ, огонь усиливается, три женщины бѣгаютъ съ пламенниками и поджигаютъ пожаръ. Народъ испужавшись, стремится толпою къ дверямъ; кричатъ, тѣснятся, давятъ другъ друга. Вопль младенцевъ и женъ умножаетъ еще сумятицу и ужасъ. Меня оттѣснили отъ Фанора, утащили, и я очутился за дверями истертъ, изможженъ, изорванъ. Между тѣмъ Эфоры возстановили порядокъ. Эвмениды, которыя въ ярости своей разпространяли еще пламя, взяты подъ стражу. Я нашелъ Фанора. Онъ пострадалъ еще болѣе меня, и проклиналъ и праздникъ, и всю Спартанскую Республику. Пожаръ потушенъ, и зажигательницы приведены на площадь. То была мать съ двумя дочерьми; сіи послѣднія, не смотря на безпорядокъ ихъ одежды и волосовъ, казались прелестными.

Мать, по имени Демокрита, съ глазами полными ярости и смѣлости, увѣщевала двухъ своихъ дочерей сно-

сить муки и презирать казнь. Когда одинъ Эфоръ сталъ упрекать ее въ злодѣяніи, то она вскричала: „Нѣтъ, я не злодѣйка! Я отмщаю за Алкипа, моего супруга, и отца моихъ дочерей! Вы, безъ всякой причины, осудили его на изгнаніе; вы запретили намъ слѣдовать за нимъ; мы осуждены на стыдъ, на бѣдность. Я отмщаю вамъ за вашу несправедливость и варварство; жалѣю только о томъ, что не могла истребить васъ всѣхъ подъ сводами этого храма. Знайте тираны, что Демокрита никогда не будетъ имѣть подлости просить у васъ жизни. — По сихъ словахъ извлекаетъ она кинжалъ, дочери ея дѣлаютъ тоже, и всѣ три поражаютъ себя въ глазахъ народа, недвижимаго отъ удивленія. Облившись кровью, упадаютъ онѣ въ объятія одна другой. Демокрита умирая призываетъ Немезиду и Атею, предаетъ отечество свое Плутону, фуріямъ, всѣмъ богамъ мстителямъ. Сія ужасная сцена повергла городъ въ страхъ и уныніе; но и

самые герои отдали справедливость твердости сихъ трехъ женщинъ.'

Демонаксъ возвѣстилъ намъ, что у молодыхъ людей будетъ сраженіе въ Платанистѣ. „Вчерась, раздѣлясь на двѣ толпы, принесли они въ жертву богу Марсу маленькую собачку, какъ звѣрка храбрѣйшаго изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ. Потомъ пустили двухъ ручныхъ кабановъ одного противъ другаго, и каждая сторона брала участіе въ своемъ. Ночью бросали они жеребей, по которому мосту которой сторонѣ войти въ Платанистъ. Теперь полдень, самое время, когда должно начаться ихъ сраженію; пойдемъ туда.„ Мы пришли точно въ ту минуту, когда данъ сигналъ. Тотчасъ обѣ стороны бросились одна на другую; начали драться кулаками, ногами; иногда человѣкъ противъ человѣка, иногда куча противъ кучи; они даже кусались: каждая сторона напрягала всѣ свои силы прогнать другую, и погрузить ее въ Эврипъ. Въ сей схваткѣ одинъ мо-

лодой человѣкъ, прекрасной собою, и которaго лице показывало самыя лучшія качества души, упавъ отъ руки своего побѣдителя, переломилъ ляжку. Сей случай не произвелъ надъ зрителями никакого дѣйствія. Раненой унесенъ, и потѣха не перерывалась. Фаноръ, негодуя на такую звѣрскую нечувствительность, сказалъ мнѣ: „Пойдемъ: Спартане хуже Ѳракійцевъ; у самыхъ дикихъ варваровъ больше человѣколюбія; а при томъ и зрѣлище ни чуть не пріятно. Я лучше люблю смотрѣть на прекрасныя Аспазіины формы. Ахъ, мой другъ! эта Аспазія не выходитъ у меня изъ ума; и днемъ и ночью образъ ея всегда передъ моими глазами. Севодни поутру она прошла мимо меня, въ короткой юбкѣ, въ плетеной своей шляпкѣ. Боги! какъ она была прекрасна! Я пошелъ за нею, хотѣлъ съ нею говорить; но думаю, что она отгадала мое намѣреніе, потому что убѣжала отъ меня проворнѣе молодой лани. Клянусь Поллуксомъ, что я охотно бы на ней женился. — Ее не отдадутъ за тебя; ты

не имѣешь чести быть Спартанцемъ; а сверхъ того не льзя тебѣ жениться на всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ будешь еще влюбляться. — Правда.„

Въ слѣдующій день пошли мы смотрѣть дѣтской домъ. Дѣти помѣщены въ спальныхъ комнатахъ; постели ихъ здѣланы изъ камыша, и покрыты зимою нѣкоторымъ родомъ пуха отъ растѣнія, волчецъ называемаго. Съ семилѣтняго возраста берутъ ихъ отъ родителей, и отдаютъ въ сей домъ. „Въ пять лѣтъ отъ роду, сказалъ намъ Демонаксъ, они начинаютъ учиться Пиррикѣ, то есть, военной пляскѣ. — Въ Аѳинахъ, отвѣчалъ я, семилѣтніе дѣти начинаютъ читать Гомера."

Демонаксова жена приближалась къ сроку родовъ своихъ: она была настоящая Спартанка, то есть, чрезвычайно горда и властолюбива. Однажды мужъ просилъ ее за Илота, котораго она хотѣла наказать; но прозьбы его отвергнуты съ высокомѣріемъ. Удивясь такой повелительности, я сказалъ ей, что въ Спартѣ только мужья въ повиновеніи

у женъ. — За то въ Спартѣ только, отвѣчала она, жены родятъ отечеству мужей."

Наконецъ въ одну ночь Демонаксъ прибѣжалъ къ намъ внѣ себя отъ радости, и сказалъ, что жена его мучится родами. Онъ пригласилъ насъ посмотрѣть обрядовъ, которые въ такихъ случаяхъ употребляются. Положили родильницу на щитъ, и дали ей въ руку копье. Какъ скоро она разрѣшилась отъ бремени, то родственники положили младенца на щитъ, вскричавъ: *или на немъ, или съ нимъ* (*). Какъ скоро разсвѣло, то отецъ весь сіяя радостію, отнесъ его въ Лисхисъ (**), куда во-

---

(*) Когда Спартане ходили на войну, то матери, вручая дѣтямъ своимъ щитъ, говорили: *или съ нимъ, или на немъ*, то есть, возвратись. Убитые на сраженіи относимы были домой на ихъ щитахъ.

(**) Во всѣхъ большихъ Греческихъ городахъ были Лисхисы, въ которыхъ собирались всѣ праздные люди, какъ у насъ въ ко-

семь изЪ старшихЪ вЪ родѣ пришли освидѣтельствовать его тѣлосложеніе. Кормилица налила вина вЪ деревянную лахань, погрузила вЪ него новорожденнаго младенца, вымыла и оставила его нѣсколько времени вЪ сей ваннѣ; потомЪ поднесла его старшимЪ. Сіе опасное погруженіе утомило младенца; ему сдѣлались судороги. Судьи обЪявили, что онЪ никогда не будетЪ сильнымЪ человѣкомЪ, и слѣдственно останется Республикѣ безполезнымЪ бременемЪ. ФанорЪ представилЪ имЪ, что освидѣтельствованіе такого рода подвержено великому сомнѣнію, и что сверхЪ того сей недостатокЪ тѣлесныхЪ силЪ можетЪ быть сЪ избыткомЪ замѣненЪ дарованіями разума и нравственными качествами. Но важные Спартанцы строгимЪ и презрительнымЪ взглядомЪ заставили его молчать; и всѣ одногласно изрекли новорожденному смерть. При

фейныхЪ домахЪ. ВЪ Спартѣ было два Лисхиса, но совсѣмЪ для другаго употребленія.

семъ безчеловѣчномъ приговорѣ взглянулъ я на отца. Онъ, не показавъ ни малѣйшаго движенія, приказалъ спокойно одному невольнику отнести сына его на гору Тайгету. Мы пошли за ними вмѣстѣ съ судьями, и младенецъ сверженъ въ пропасть. „Какіе люди! говорилъ мнѣ Фаноръ, какое варварство! естьли бы не было здѣсь прекрасныхъ дѣвокъ, то надлежало бы истребить этотъ проклятой городъ до основанія."

Мы не смѣли говорить Демонаксу о его утратѣ и безчеловѣчномъ законѣ, которой отнялъ у него сына. Напослѣдокъ я отважился изъявить ему слегка мое сожалѣніе. „Это учрежденіе весьма благоразумно, сказалъ онъ холоднокровно. Дѣти родятся не для насъ, но для отечества. Республика не должна принимать гражданъ хворыхъ и слабосильныхъ: они отяготили бы ее безъ всякой пользы. У насъ каждые десять дней представляютъ дѣтей нагихъ на смотръ Эфорамъ; тѣхъ, которые окажутся слишкомъ тучными, наказываютъ тѣлесно, или осуждаютъ на пеню. Друга моего,

которой теперь имѣетъ станъ довольно тонкой, нѣсколько разъ морили голодомъ и сѣкли, чтобъ остановить его разположеніе къ дородству. Впрочемъ я не виноватъ, что жена моя принесла такой тлѣнной плодъ: я обвѣшалъ ея комнату портретами Аполлона, Кастора, Геркулеса, Гіацинта, Нарциса и Адониса."

Фаноръ, чтобъ видѣть свою любезную, таскалъ меня часто въ дѣвичью Гимназію. Въ какомъ бы подвигѣ Аспазія ни упражнялась, онъ пожиралъ ее глазами; любилъ видѣть, когда она метала дискъ; любилъ видѣть, когда скакала; любилъ видѣть, когда боролась или бѣгала. Справедливость требуетъ сказать, что она во всѣхъ сихъ упражненіяхъ блистала передъ всѣми прочими, какъ ясной мѣсяцъ передъ звѣздами. Она вызывала на прѣніе даже мущинъ, и часто похищала у нихъ пальму. Случилось однакожь, что одинъ Лакедемонской юноша одержалъ надъ нею поверхность, перескочивъ болѣе разстоянія, нежели она. Побѣдитель, гордясь торжествомъ

своимъ, началъ надъ униженною Амазонкою смѣяться, и къ шуткѣ присовокупилъ презрѣніе. Одинъ молодой Ѳессалецъ вступился за честь обиженной красавицы, и вызвался перескочить вдвое далѣе Спартанца, то есть, сорокъ шесть футовъ. Сей принялъ вызовъ съ кичливою усмѣшкою; а Ѳессалецъ, разгорячась отъ того еще болѣе, предложилъ перепрыгнуть черезъ рѣку Эвротъ. Представили ему опасность такого предпріятія: рѣка тогда была очень полна и быстра; но ничто не могло поколебать его. Зрители сбѣжались толпою къ берегу; широта теченія на семъ мѣстѣ была сорокъ семь футовъ. Ѳессалецъ слагаетъ съ себя одежду, кидается и упадаетъ на противолежащій берегъ. Сей скочокъ остался навсегда славнымъ. Такого чуда не бывало ни прежде, ни послѣ.

ГЛАВА XVII.

Обозрѣніе Лаконіи. Встрѣча. Статуя стыдливости.

Демонаксъ предложилъ намъ объѣхать Лаконію и обозрѣть виды, земледѣліе и картинныя мѣстоположенія сей земли. „Я достану повозку, сказалъ онъ.“ Мы отвѣчали, что такой расходъ не нуженъ, и что мы не боимся усталости. — Какой расходъ? я не издержу ни одного обола; подите со мною, вы увидите. „Онъ привелъ насъ къ одному дому на концѣ улицы, пошелъ прямо въ конюшню, вывелъ изъ нее двухъ лошадей и заложилъ ихъ въ повозку. Въ удивленіи спросилъ я его, не братъ ли ему хозяинъ того дома. — Нѣтъ, мы не родня; но здѣсь все общее: каждой Спартанецъ можетъ располагать имѣніемъ другаго Спартанца. — Этотъ порядокъ и короткія юбки на дѣвкахъ, сказалъ Фаноръ, только и есть у васъ хорошаго.“

Для путевыхъ издержекъ Демонаксъ запасся очень тяжелымъ мѣшкомъ съ

желѣзною монетою. Кладутъ сію монету въ огонь, пока она раскалится; потомъ обмакиваютъ ее въ уксусъ, чтобъ желѣзо сдѣлавшись ломкимъ, не могло быть ни на что иное употребляемо.

Подъ самымъ городомъ находится гробница, называемая *Скисматія*: памятникъ по нещастныхъ, которые погибли во время одного землетрясенія. „Ужасное произшествіе! сказалъ Демонаксъ: земля во многихъ мѣстахъ разступилась; цѣлыя селенія поглощены (*); Тайгетъ и другія горы покачнулись въ самомъ ихъ основаніи (съ нѣкоторыхъ вершины обвалились); въ городѣ пять домовъ только уцѣлѣли, всѣ прочіе попадали. За нѣсколько времени передъ ударомъ молодые люди, занимаясь тѣлесными подвигами въ портикѣ, увидѣли зайца: тѣ изъ нихъ, которые были

(*) По мнѣнію Діодора Сицилійскаго погибло отъ сего землетрясенія болѣе двадцати тысячь человѣкъ.

ближе къ ребяческому возрасту, кинулись тотчасъ ловить его. Едва они выбѣжали, какъ портикъ обрушился и задавилъ всѣхъ прочихъ. Щастье, что Царь Архидамъ сохранилъ присутствіе ума и бодрость духа. Видя, что граждане бѣгутъ безъ памяти, и уносятъ драгоцѣннѣйшія свои пожитки, онъ велѣлъ трубить тревогу, какъ будто непріятель приступилъ къ городу. Это спасло Спарту: Илоты стекались уже со всѣхъ сторонъ, въ намѣреніи довершить истребленіе Спартанъ, и перебить всѣхъ тѣхъ, которыхъ землетрясеніе пощадило; но увидя ихъ въ боевомъ строю, удалились въ сосѣдственные города." —

Потомъ Демонаксъ показалъ намъ пропасть *Лакїяду*, въ которую свергали преступниковъ за великія злодѣянія. „Въ эту самую пропасть, сказалъ онъ, былъ брошенъ славной Аристоменъ, непримиримой врагъ Спарты, слава и щитъ Мессены, своего отечества. Храбрые наши воины напали на него въ разплохъ, и въ превосходномъ числѣ. Онъ

дрался какъ левъ; но будучи пораженъ камнемъ, упалъ безъ памяти, и взятъ въ плѣнъ. Его свергли въ Лакіяду живаго съ пятьюдесятью Мессенцами.... Вы видите, какая страшная глубина! — Подлинно страшная. — Кто бы подумалъ, что слетя въ такую бездну, можно остаться живу? этому чуду опредѣлено было свершиться съ Аристоменомъ. Изъ всѣхъ Мессенцовъ онъ одинъ не только не ушибся, но и не получилъ ни одной тяжелой раны; прочіе всѣ погибли. Приписываютъ его спасеніе полному воинскому убору, въ которомъ его свергли. Въ этомъ мрачномъ гробѣ онъ два дни ожидалъ смерти съ героическою твердостію. Въ третій день слышитъ шорохъ, смотритъ во всѣ стороны, и при слабомъ лучѣ свѣта разглядываетъ лисицу, которая искала мертвыхъ тѣлъ. Онъ ожидаетъ ее, удерживаясь отъ малѣйшаго движенія, и какъ скоро она подошла близко, то онъ схватилъ ее одною рукою за хвостъ, а другою подносилъ ей къ рылу свою одежду всякой

разЪ, когда она обращалась, чтобЪ укусить его. ТакимЪ образомЪ Аристоменъ шелЪ за звѣремЪ, не выпуская его; а гдѣ отверзтіе было очень тѣсно, герой ползЪ. Напослѣдокъ лиса довела его до такого мѣста, которое было хотя нѣсколько посвѣтлѣе, но гдѣ она только одна могла пролѣзть. Тогда АристоменЪ далъ ей свободу; она вскарабкалась и убѣжала этою норою. АристоменЪ, по ея примѣру, собравЪ всѣ свои силы, началЪ работать, расширилЪ отверзтіе, и вышелЪ наконецЪ изЪ пропасти. Мессеніяне, которые оплакивали его кончину, увидѣли его сЪ неизъяснимою радостью."

Мы прибыли вЪ Гиѳій. Гавань и арсеналЪ Республики находятся вЪ одной милѣ сЪ четвертью отЪ сего города, при устьѣ Эврота. За завтракомЪ ѣли мы прекрасной тамошній сырЪ, которой былЪ гораздо повкуснѣе сыра добренькой старушки Ѳеодоры, хотя сей послѣдній сдѣлалЪ намЪ больше удовольствія. ИзЪ Гиѳія переправились мы черезЪ ЭвротЪ, поворотили кЪ горѣ Тай-

гетѣ. Вся сія земля покрыта виноградомъ и холмами. Близь вершины горы находится лѣсъ *Эноръ*, въ которой стекается Спартанское юношество для звѣроловства; тамъ великое множество красныхъ звѣрей, дикихъ козъ, медвѣдей, кабановъ. Мы взошли до вершины, называемой *Телетонъ*, гдѣ повсегодно приносится въ жертву солнцу лошадь. На возвратномъ пути съ горы застигла насъ гроза; пошелъ сливной дождь: мы укрылись подъ скалою. Демонаксъ одинъ, сказавъ, что Спартанцу стыдно прятаться, продолжалъ свой путь, принимая на себя рѣки воды.

Когда дождь пересталъ, то мы пошли догонять Демонакса, и встрѣтились съ человѣкомъ, котораго видъ и одежда показались намъ чрезвычайными. Онъ былъ безъ епанчи, босой, обезображенъ густою, черною бородою и десятилѣтнимъ огаромъ, худъ столько, что жалко было на него смотрѣть; глаза имѣлъ впалые и мрачной взглядъ. Разсматривавъ насъ нѣсколько времени, онъ подошелъ и спросилъ, не изъ Спар-

ты ли мы идемъ, и получа нашъ отвѣтъ, сдѣлалъ множество вопросовъ о городскихъ дѣлахъ. Мы сказали ему, что, будучи иностранцы, ничего о томъ не знаемъ; но что товарищь нашъ Демонаксъ, гражданинъ Спартанской, можетъ лучше удовлетворить его любопытству. Какъ скоро онъ сіе услышалъ, то не сдѣлавъ намъ никакого привѣтствія, удалился. Мы почли его сумасшедшимъ, и сказали объ немъ Демонаксу. — „Этотъ человѣкъ меня знаетъ. Десять лѣтъ уже, томится онъ въ пещерѣ; у него есть жена и дѣти. — Конечно это мизантропъ, человѣконенавидецъ? — Напротивъ того онъ очень любилъ общество и забавы; но обезчестилъ себя трусостью, и осужденъ влачить дни свои въ стыдѣ. Кто повѣритъ, что Спартанецъ могъ быть трусомъ! Онъ убѣжалъ съ одного сраженія, брося свой щитъ; жена его отреклась видѣться съ съ нимъ; республика запретила его дѣтямъ всякое съ нимъ сношеніе. У насъ бѣглецы не употребляются ни въ какія должности: почитается за безчестіе

жениться на ихъ дочеряхъ, или вступать съ ними въ какой бы то ни было союзъ; позволено всякому, кто съ ними встрѣтится, бить ихъ; они должны носить одежду замаранную и всю въ заплатахъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, и брить одну только половину бороды, а другую отращивать. Какъ онъ ни подлъ, однакожъ не могъ перенести такого поруганія, и спрятался отъ взора людей въ вертепахъ здѣшнихъ горъ... И этотъ малодушный не смѣетъ умереть!" Мы согласились, что смерть дѣйствительно предпочтительнѣе такой жизни.

Въ тринадцати стадіяхъ отъ города увидѣли мы статую *Стыдливости.* „Она весьма древняя, сказалъ намъ Демонаксъ, и поставлена Икаромъ, отцемъ Пенелопы: вотъ по какому случаю:

Послѣ того, какъ дочь его вышла за Улисса, онъ просилъ зятя своего поселиться въ Спартѣ; но какъ Улиссъ на сіе не соглашался, то старикъ обра-

тился къ Пенелопѣ, и умолялъ ее, чтобъ она не покидала его въ старости. Пенелопа сколько ни чувствовала скорбь отца, однакожъ отвѣчала, что не можетъ оставить супруга. Въ минуту ихъ отъѣзда Икаръ усугубилъ прозьбы, и слѣдуя за колесницею, проливалъ токи слезъ. Улиссъ, видя его страданіе, сказалъ Пенелопѣ, что онъ отдаетъ ей на выборъ жить съ мужемъ, или съ отцемъ; ѣхать въ Итаку, или остаться въ Спартѣ. Пенелопа покраснѣла, и вмѣсто отвѣта закрыла лице свое покрываломъ. Икаръ понялъ этотъ безмолвной отвѣтъ, и прекратилъ свои прозьбы; но, тронутъ будучи горестью и смущеніемъ милой своей дочери, поставилъ статую Стыдливости на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ эта сцена происходила.“ —

Мы подошли тогда къ Минервину храму. Демонаксъ сказалъ: „Вотъ храмъ, сдѣланной весь изъ мѣди, и въ томъ только состоитъ его достоинство; но онъ славенъ смертью одного Спартанскаго Царя, измѣнника Павзанія. —

Разскажите намъ исторію этого знаменитаго преступника. — Хорошо; однакожъ прежде надобно позавтракать."

Мы сѣли подъ ивами на берегу прекраснаго ручейка. Демонаксъ вытащилъ изъ мѣшка нѣсколько черстваго хлѣба и кусокъ вареной свинины, и утоливъ голодъ легкою и здоровою трапезою, началъ говорить такимъ образомъ:

ГЛАВА XVIII.

Измѣна и смерть Павзаніева. Діанинъ праздникъ. Бичеваніе дѣтей. Забавной случай съ Антеноромъ.

„Павзаній, этотъ великой Политикъ и превосходной Полководецъ, которой увѣковѣчилъ имя свое и увѣнчалъ себя неувядаемыми лаврами побѣды при Платеѣ, герой Павзаній дерзнулъ стремиться къ самовластію: онъ заплатилъ отечеству своею головою. Боги конечно попустили его погибнуть, въ отмщеніе за невинную

кровь, пролитую имЪ на берегахЪ Геллеспонта, гдѣ онЪ начальствовалЪ морскимЪ нашимЪ ополченіемЪ. ВЬ то время, когда онЬ умышлялЪ сдѣлаться измѣнникомЬ, понравилась ему одна молодая дѣвушка, родомЬ изЪ Византіи, по имени Клеониса. ОнЪ приказалЪ привести ее кЪ себѣ ночью. Повелѣніе исполнено; между тѣмЪ Павзаній заснулЪ, и Клеониса, подходя тихонько кЪ его постелѣ, уронила зажженной свѣтильникЪ. Павзаній проснулся, и будучи подверженЬ испугу, какЪ-то бываетЪ обыкновенно сЪ людьми, которыхЪ совѣсть не чиста, вскочилЪ, схватилЪ свой мечь, и повергЪ нещастную Клеонису кЪ ногамЪ своимЪ мертву. ТерзаемЬ раскаяніемЪ, онЬ хотѣлЪ очиститься, но всѣ храмы и всѣ боги его отринули; кровь Клеонисы вопіяла на небо, и вотЪ какимЪ образомЬ онЬ примирился напослѣдокЬ сЪ правосудіемЪ безсмертныхЬ.

Тайную переписку свою сЪ ЦаремЪ ПерсидскимЪ отправлялЪ онЪ посредствомЪ лазутчиковЪ, которые

всѣ пропадали. Послѣдній отправленной отъ него былъ молодой Ѳессалецъ. Этотъ примѣтя, что ни одинъ изъ его предшественниковъ не возвращался, и возъимѣвъ нѣкоторое изъ того подозрѣніе, отважился разорвать вязь и переломить печать ввѣреннаго ему письма: онъ увидѣлъ изъ него все расположеніе заговора и неизбѣжную свою погибель. Пораженъ ужасомъ, спѣшитъ въ Спарту, и вручаетъ письмо Эфорамъ.∴ Здѣсь должно отдать справедливость благоразумной осторожности нашихъ Правителей; они не хотѣли взять Царя своего подъ стражу, пока не услышатъ его изустнаго признанія.

На предгоріи Тенара есть храмъ, посвященной Нептуну, и почитаемой у Грековъ за убѣжище ненарушимое. Послали Ѳессальца засѣсть въ этомъ храмѣ, и дали повелѣніе вырыть подлѣ жертвенника скрытую пещеру, изъ которой можно было слышать все, что говорили вверху: трое изъ Эфоровъ спрятались въ ней. Какъ скоро Павзаній узналъ гдѣ его посланной находит-

ся, то испужавшись, бросился тотчасъ туда. Онъ входитъ въ превеликомъ смятеніи; юноша въ то время обнималъ жертвенникъ съ видомъ человѣка отчаяннаго. Павзаній спрашиваетъ его, какое онъ сдѣлалъ преступленіе? Ѳессалецъ признается, что прочелъ письмо. Тогда Царь, обьятый ужасомъ, началъ умолять его о сохраненіи тайны, и обѣщался осыпать его сокровищами, естьли онъ поможетъ ему выпутаться изъ бѣды.

Эфоры, услыша все, и рѣшась взять преступника подъ стражу, отправились въ Спарту. Павзаній, положась на обѣщанія Ѳессальца, возвращался спокойно къ своему мѣсту, и близь этого Минервина храма повстрѣчался съ Эфорами. Одинъ изъ нихъ, желая спасти его, далъ ему знакъ, что онъ въ опасности; Павзаній тотчасъ кинулся въ храмъ. Эфоры приказали снять кровлю и закласть двери. Говорятъ, что мать его, женщина престарѣлая и дряхлая, помогала работникамъ, и сама носила имъ камни.

Павзаній прожилъ нѣсколько дней въ жестокихъ мукахъ; послѣ чего при послѣднемъ уже издыханіи извлеченъ за ограду, и тамъ окончилъ жалкую свою жизнь. Такимъ образомъ этотъ Царь, великій по его воинской доблести и по многимъ другимъ дарованіямъ, помрачилъ свою славу и всѣ свои лавры честолюбіемъ и поносною смертью.,,

Мы возвратились въ Спарту, чтобъ видѣть въ слѣдующій день праздникъ въ честь Діанѣ Орѳіи. Храмъ ея находится на улицѣ Лимнеѣ. Статуя богини показалась намъ весьма бѣдною. ,,Правда, что она деревянная и очень мала, сказалъ Демонаксъ; но достойна примѣчанія потому, что она та самая, которую Орестъ и сестра его Ифигенія вывезли изъ Тавриды. Орестъ подарилъ ее намъ. Въ слѣдствіе изреченія одного Оракула жертвенникъ ея долгое время орошался человѣческою кровью; но Ликургъ отмѣнилъ этотъ безчеловѣчной обычай, и учредилъ вмѣсто того бичеваніе дѣтей.“ – Фаноръ искалъ во храмѣ прекрасной Аспазіи, и къ

щастью случилось ему стоять насупротивъ ее.

Жрецы приступили къ олтарю. Одинъ изъ нихъ возгласилъ: „Совершимъ изліянія и вознесемъ молитвы наши.“ Другой спросилъ: „Какіе здѣсь люди?“ Мы отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ: „Люди честные.“ — И такъ, да царствуетъ молчаніе!“ — Тогда жрецы прочли въ Лаконическомъ штилѣ обыкновенную молитву; они просили боговъ наставить ихъ, какъ совокупить славу съ добродѣтелью: въ томъ состоитъ все то, чего они отъ благости небесной ожидаютъ, и въ двухъ словахъ все нравоученіе Греческихъ Философовъ. По окончаніи молитвы привели обреченныхъ въ жертву двухъ воловъ и двухъ оленей; возложили имъ на лбы по опрѣсноку изъ ячменной муки съ солью, и лили на головы вино. На олтарѣ жгли фиговое и миртовое дерево; съ чела жертвъ вырвали по клочку шерсти и бросали въ огонь. Когда животныя пали подъ священнымъ ножемъ, то сожгли ихъ лядвеи. Жертвы раздѣлены

между богами, жрецами и тѣми, которые поднесли ихъ: доставшееся на часть богамъ истреблено пламенемъ.

Потомъ позвали дѣтей. Для нихъ давали сей праздникъ, ихъ же и мучили. Числомъ ихъ было двадцать: всѣ нагiе, всѣ лѣтъ по семи отъ роду; за каждымъ шелъ невольникъ съ пукомъ розгъ. Юная сiя толпа стала посреди храма. Одна изъ жрицъ, держа въ рукахъ Дiанину статую, подошла къ нимъ и подняла кумиръ, сколько могла выше. По сему знаку невольники разятъ дѣтей изъ всей своей силы; удары сыплются на нихъ, какъ градъ. Невинныя жертвы не смѣютъ даже и поморщиться; родители знаками, угрозами, словами, укрѣпляютъ ихъ въ терпѣнiи. Кровь течетъ ручьями. Зрители и зрительницы, мущины и женщины, стоя съ непоколебимою важностью, наслаждаются симъ звѣрствомъ, какъ зрѣлищемъ прiятнымъ. Фаноръ хотя болѣе смотрѣлъ на прекрасные глаза Аспазiины, однакожъ разчувствовался до слезъ, и сказалъ мнѣ тихонько: „О мой другъ! какое варварство!

И они смѣютъ называть это праздникомъ!" Что касается до меня, то я сжалъ всю свою чувствительность въ сердцѣ, и просилъ пріятеля моего, чтобъ онъ былъ осторожнѣе.

Между тѣмъ палачи начали ослабѣвать; тогда жрица закричала, что не становится силъ ея держать статую. При семъ укоризненномъ воплѣ невольники усугубили свое усердіе, и удары посыпались пуще прежняго. Нѣжные младенцы, плавая въ крови, старались казаться совершенно нечувствительными, и улыбались всякой разъ, когда розга выдирала изъ нихъ лоскутъ кожи. „Ахъ! этотъ мальчикъ умираетъ! вскричалъ громко Фаноръ." Въ самомъ дѣлѣ силы его истощились: онъ упалъ почти безъ дыханія; тотчасъ его унесли. Но Фанорово восклицаніе не понравилось Спартанцамъ: они взглянули на насъ, какъ звѣри; мы потупили глаза, и замолчали.

Когда мы пошли изъ храма, я спросилъ Демонакса, какое сіи нещастные дѣти сдѣлали преступленіе? — Ника-

кого; но мы хотимЪ пріучить ихЪ кЪ терпѣнію. — Для чего не переломите имЪ которой нибудь ноги, чтобЪ пріучить ходить на одной? — Знаю, что мы поступаемЪ нѣсколько жестоко; но за то всѣ молодые наши люди герои: никакая опасность не можетЪ ихЪ устрашить. — Я бы очень удивился, услыша, что ваши молодые люди боятся смерти: такая жизнь, какую они ведутЪ, не стоитЪ того, чтобЪ обЪ ней жалѣть!"

ВечеромЪ того дня прохаживался я вЪ ПлатанистѢ одинЪ. ЧеловѣкЪ, лѣтЪ шестидесяти отЪ роду, высматривавЪ меня долго, подошелЪ ко мнѣ сЪ ласковымЪ видомЪ и сказалЪ, что имѣетЪ до меня прозьбу, важную какЪ для него, такЪ и для всей Республики. — „Располагайте мною; я почту себя очень щастливымЪ, естьли услуга, о которой вы говорите, состоитЪ вЪ моей возможности. — Вы молоды, большаго росту, статны, крѣпки; я начинаю старѣться, видимо дряхлѣю. (Я нетерпѣливо ожидалЪ конца сего предисловія.) Мнѣ сдѣлана обида; вы можете спасти меня

отъ безчестья. Вчерась, когда я вошелъ въ наше собраніе, всѣ молодые люди встали; одинъ только не хотѣлъ воздать этой чести моимъ лѣтамъ. Я спросилъ его о причинѣ такого презрѣнія; онъ отвѣчалъ, что я не родилъ дѣтей, которые могли бы отплатить ему въ его старости такимъ же почтеніемъ. Вы не можете представить себѣ моей горести: четыре года тому назадъ я женился на дѣвушкѣ молодой и прекрасной. — Поздравляю васъ отъ всего моего сердца; вы должны быть очень щасливы. — Съ одной стороны я конечно щасливъ; но часто сосудъ горести стоитъ подлѣ сосуда удовольствія. Желалъ бы душевно подарить моему отечеству гражданина; но богамъ не угодно было оказать мнѣ этой милости; теперь къ вамъ прибѣгаю: я увѣренъ, что вы обогатите Республику маленькимъ Геркулесомъ (*). „Сіе предложе-

(*) Строгіе законы другихъ народовъ о сохраненіи супружеской вѣрности казались Ликургу совершенно безразсудными. Прелюбодѣяніе почиталось въ Спартѣ престу-

ніе столько меня удивило и смутило; что я стоялъ неподвиженъ, какъ статуя. Видя молчаніе, онъ продолжалъ:„ Можетъ быть дошло до вашего свѣдѣнія, что главное наказаніе Спартанцу, котораго законъ лишилъ чести, состоитъ въ томъ, что онъ не властенъ поступаться своею женою, и не можетъ имѣть совокупленія съ чужою; онъ осужденъ обитать въ домѣ своемъ съ дѣвственницами; но я ни въ чемъ передъ отечествомъ не проступился, и слѣдовательно могу располагать моею супругою какъ хочу. — Я никогда въ томъ не сомнѣвался (отвѣчалъ я, собравшись наконецъ съ разумомъ.) Будьте увѣрены, что нѣтъ жертвы, которой бы я

пленіемъ въ такомъ только случаѣ, когда жена поступила противно волѣ мужа своего. Часто случалось, что мужья уступали свое ложе виднымъ и благообразнымъ юношамъ, чтобъ добыть отъ нихъ дѣтей крѣпкихъ и хорошо сложенныхъ. Спартанецъ требовалъ отъ жены своей болѣе всего дѣтей.

для васЪ и для города Спарты не сдѣлалЪ. — Можете ли вы подарить меня этою ночью? — Очень охотно; я уже горю нетерпѣливостью доказать вамЪ мое усердіе самымЪ дѣломЪ. — Пойдемтежь вмѣстѣ; вы отужинаете сЪ нами.“ ВЪ ту минуту увидѣлЪ я Фанора, и тотчасЪ побѣжалЪ сказать ему, чтобЪ онЪ того вечера не ждалЪ меня домой, потому что Республика имѣетЪ нужду вЪ моихЪ талантахЪ, и что я для города Спарты намѣренЪ провести всю ночь вЪ трудахЪ. — Я тебя не понимаю; растолкуй мнѣ эту загадку. — Почивай, мой другЪ, не думая ни обЪ чемЪ, и наслаждайся покоемЪ, котораго я конечно имѣть не буду. Прощай! мнѣ недосугЪ.

Оставя Фанора, я возвратился кЪ Антифону: такЪ назывался честной мужЪ, котораго надлежало одолжить. ОнЪ тотчасЪ повелЪ меня кЪ женѣ своей, и сказалЪ ей: „ВотЪ очень недурной молодой человѣкЪ, которой соглашается быть на эту ночь твоимЪ супругомЪ; надѣюсь, что онЪ будетЪ

щасшливѣе меня, и доставишъ шебѣ званіе машери. Посмошрише, довольны ли вы будеше другъ другомъ.„ Тогда онъ сдернулъ съ нее покрывало; я увидѣлъ лице прекрасное и привлекашельное; большіе черные глаза, которые она тошчасъ потупила; длинныя рѣсницы и брови, выведенныя правильною дугою. Образъ ея привелъ меня въ восхищеніе, и обольщенныя надеждою чувства мои запылали. Я хошѣлъ сказашь ей какое нибудь привѣтствіе, но слова замерли на устахъ моихъ. Замѣшательство мое было ей конечно лестнѣе всякой похвалы. Взглянувъ на меня украдкою, красавица отвѣчала мужу, что она, какъ истинная гражданка, для него и для отечества готова на все. Я скрылъ, сколько сей отвѣтъ меня обрадовалъ; мнѣ хотѣлось дать такой видъ, что я дѣлаю одолженіе. Мы пошли ужинать, и тогда-то я узналъ всю цѣну моего щастія. Станъ имѣла она величественной, походку благородную и сановитую. Во время трапезы говорила мало, и весьма изрѣдка взгля-

дывала на меня очень скромно; когдажь ея глаза встрѣчались съ моими, то прелестной румянецъ покрывалъ ея лице. Что касается до меня, я удерживался, чтобъ не часто на нее смотрѣть. Антифонъ, внѣ себя отъ радости, былъ свѣтелъ, какъ ясное солнышко; казалось, что онъ любуется своею находкою. Онъ ѣлъ съ великою жадностью, и упрашивалъ меня слѣдовать его примѣру. „Доброй атлетъ, прежде нежели вступитъ въ поприще, говорилъ онъ, долженъ подкрѣпить свои силы.“ Я отвѣчалъ на всѣ его шутки скромною улыбкою и самымъ дѣятельнымъ аппетитомъ, хотя столъ любезнаго моего хозяина не очень былъ великолѣпенъ. Онъ потчивалъ меня, какъ прiятеля, черною похлебкою и вареною свининою.

Передъ концемъ ужина Өаргелія, (такъ называлась жена добраго Антифона) вышла; мужъ ея сказалъ мнѣ, что она пошла меня дожидаться. „Какъ она вамъ кажется? — Прекрасная женщина. Но мнѣ всего болѣе нравится ея

скромность. — Думаю, что севоднишняя жертва будетъ ей не тягостна: она очень предана своему отечеству; а отъ васъ можетъ надѣяться ребенка крѣпкаго сложенія.“ Я увѣрялъ Антифона, что весьма желаю оправдать его надежду и похвалы. Тогда онъ отвелъ меня въ комнату прекрасной Ѳаргеліи: она лежала уже на постелѣ, и ожидала, какъ жертва, минуты закланія. Мужъ поцѣловалъ ее, и пожелалъ намъ доброй ночи. Въ одинъ мигъ очутился я на брачномъ одрѣ, гдѣ любовь и Гименъ упитали меня всѣми своими сладостями. Я бы желалъ, послѣдуя Юпитеру, остановить теченіе солнца, и продолжить сію щастливую ночь; но безжалостная заря, не заботясь о моихъ удовольствіяхъ, отворила въ свое время врата дню.

Едва слабое блистаніе свѣта начало прогонять ночную темноту, какъ почтительной Антифонъ пришелъ напомнить намъ, что пора уже разстаться. Такой отпускъ показался мнѣ весьма неучтивымъ. Я долго мѣшкалъ вста-

вать съ постели; но временная моя супруга вырвалась изъ моихъ объятій; пріятности и утѣхи утекли вмѣстѣ съ нею. Антифонъ осыпалъ меня благодареніями. Я вызвался притти къ нему въ другой разъ, естьли онъ думаетъ, что одного опыта не довольно. „Покорно благодарю! Я увѣренъ, что такому человѣку, какъ вы, не нужно приниматься за одно дѣло два раза." Мы разстались восхищены другъ другомъ. Съ тѣхъ поръ сей усердной гражданинъ всегда оказывалъ мнѣ чрезвычайныя ласки, но къ себѣ однакожь не звалъ; а жена его, когда со мною встрѣчалась, потупляла глаза и не удостоивала меня даже взглядомъ.

Фаноръ ни мало не думалъ, что со мною случилось такое щастіе. Напротивъ того онъ очень трезожился о моемъ отсутствіи, и нѣжная дружба его не прежде, какъ по возвращеніи моемъ, успокоилась. Не льзя представить себѣ его удивленія, когда я расказалъ ему о важной услугѣ, оказанной мною городу Спартѣ, между тѣмъ какъ онъ, безполезной болванъ, преда-

вался праздности и сну. Чтобъ разгорячить его еще больше, я не пропустилъ ни одной подробности, и описалъ ему пламенною кистью прелести моей Венеры. При каждомъ словѣ, которое довершало картину, онъ восклицалъ: „Возможно ли! какъ ты щастливъ! Видишь однакожь, что и въ этой землѣ есть хорошее. Гораздо лучше поступаться женою, выставлять на показъ прелести молодыхъ дѣвушекъ, нежели мучить ребятъ розгами, кидать ихъ въ пропасть, или красть изъ кармановъ. Естьли Республика разсудитъ за благо употребить мои дарованія; то я прощу ей охотно покражу моей дичины, и сверхъ того обязываюсь обогатить ее самымъ здоровымъ и сильнымъ гражданиномъ.„ Фаноръ не сталъ дожидаться до завтра, и въ тотъ же самой день, закутавшись въ большую епанчу, отправился искать себѣ упражненія. Онъ шатался до самаго вечера по площади, по Персидскому портику, по Платанисту, по всѣмъ общественнымъ мѣстамъ, вытягивался какъ жу-

равль, чтобъ казаться выше, подходилъ къ старикамъ, говорилъ имъ о своемъ почтеніи къ Спартѣ, и продолжалъ сію комедію двѣ недѣли сряду; но не нашелъ ни одного учтиваго Спартанца, которой бы догадался предложить ему свою жену: онъ былъ въ презлой досадѣ.

Демонаксъ позвалъ насъ на одну очень забавную церемонію. „Она покажется вамъ странною, сказалъ онъ; все то, что несогласно съ нашими обычаями, съ чѣмъ привычка не ознакомила нашихъ глазъ, всегда удивляетъ.“ Въ то самое время входили мы въ Юнонинъ храмъ. Передъ жертвенникомъ мы увидѣли великорослаго мущину, лѣтъ сорока отъ роду; онъ стоялъ нагой посреди пяти или шести женщинъ, которыя его стерегли. Вдругъ сей человѣкъ началъ бѣгать около жертвенника; женщины за нимъ погнались съ розгами, и сѣкли его изо всей силы. Фаноръ и я помирали со смѣху. Обѣжавъ нѣсколько круговъ, страдалецъ остановился, и сѣченье кончилось. Я спросилъ Демонак-

са о сей чудной сценѣ. „Это у насъ наказаніе за безженство, отвѣчалъ онъ. Мы почитаемъ супружеское состояніе должностью всякаго гражданина; и для того которые остаются холостыми, тѣхъ замужнія женщины сѣкутъ розгами. У насъ даже поздной бракъ вмѣняется въ преступленіе.“

Два дни спустя былъ общенародной праздникъ. Спартане раздѣлились для пляски на три толпы: въ первой были старики, въ другой взрослые люди, въ третьей дѣти. Каждой ихъ трехъ хоровъ пѣлъ попеременно. Старики начали такимъ образомъ:

Мы нѣкогда были молоды, мужественны и смѣлы.

Люди средняго возраста:

Мы таковы теперь. Пусть кто хочетъ насъ испытаетъ.

Дѣти:

А мы таковыми будемъ со временемъ, да еще и превзойдемъ васъ.

ГЛАВА XIX.

Письмо отъ Ласѳеніи. Болѣзнь Аристиппова. Кантата.

Я былъ еще въ Спартѣ, когда получилъ непріятное извѣстіе о смерти Аристипповой.

„Двѣ недѣли уже (писала ко мнѣ Ласѳенія), какъ сей почтенной другъ, сей любезной Философъ пересталъ мыслить и жить. Посылаю тебѣ подробное описаніе послѣднихъ его дней, которое я просмотрѣла и выправила, какъ скоро горесть моя позволила мнѣ тѣмъ заняться. Перешествіе такого человѣка отъ жизни къ небытію достойно любопытства и вниманія людей. — — — Когда Аристиппъ почувствовалъ близость смерти, то попросилъ своего врача, чтобы онъ безъ всякихъ околичностей сказалъ ему искренне свое мнѣніе. Врачь видя, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ твердымъ, отвѣчалъ, что судьба его рѣшится въ весьма короткое время. —„ Черезъ нѣсколько дней вы или умрете, или будете здоровы. —

Понимаю. И такъ я сойдусь опять съ учителемъ моимъ Сократомъ; увижу эту Лаису, которой красота и разумъ воспламенила столько сердецъ, вскружила столько головъ!" Надежда возродиться новымъ бытіемъ заключаетъ въ себѣ нѣчто великое, нѣчто достойное существа разумнаго! Она ласкаетъ самолюбіе, подкрѣпляетъ во всѣхъ горестяхъ, и облегчаетъ путь къ смерти. Врачь совѣтовалъ Аристиппу удалять печальныя мысли. „Не опасайся, отвѣчалъ больной; смерть меня не испужаетъ, я знаю цѣну жизни. Пиндаръ называлъ жизнь сонною мечтою. Любезной другъ! продолжалъ онъ, оборотясь ко мнѣ, я училъ тебя жить; теперь хочу показать тебѣ, какъ должно умирать. Не знаю, за чѣмъ мы въ этотъ подлунной міръ приходимъ; но между тѣмъ, какъ Харонъ приготовляетъ для меня свою лодку, я намѣренъ прыгнуть въ нее легкимъ скочкомъ, и сдѣлать конецъ моего путешествія подобнымъ вечеру прекраснаго дня." —

Онъ разпорядилъ дѣла свои съ удивительною твердостью духа; послѣ чего велѣлъ себя перенести въ загородной свой домъ, и поставилъ свою постелю противъ самаго окна, чтобъ успѣть, говорилъ онъ, еще нѣсколько насладиться зрѣлищемъ поля и пріятностью зелени. Комнату его убрали вѣтвями деревъ и сосудами съ цвѣтами. Не взирая на смѣшное обыкновеніе, онъ не хотѣлъ, чтобъ печальная темнота омрачала его жилище: днемъ самое блистательное солнце разсыпало передъ нимъ свои лучи; ночью множество свѣтильниковъ замѣняли дневное сіяніе. Видя, что я весьма огорчаюсь, онъ сказалъ мнѣ: „Объ чемъ ты сокрушаешься? кто знаетъ: смерть благо, или нещастіе? Время, которое разлучаетъ умирающаго отъ остающихся въ живыхъ, такъ коротко, что не стоитъ с о ж а л ѣ н і я. Первая только смерть, равно какъ первая ночь, должна была произвести удивленіе и печаль. На приливъ и отливъ людей надобно смотрѣть такъ же спокойно, какъ на

приливъ и отливъ моря, или на перемѣну листвія. Что нужды, что одно существо убудетъ? другое заступитъ его мѣсто. Земля такой театръ, въ которомъ дѣйствователи *бѣглыя тѣни*, а декораціи *подвижныя картины*. Я всѣмъ наслаждался, все видѣлъ, все вычерпалъ; не было бы уже ничего для меня новаго. При томъ извѣстно ли, какая была бы моя судьба, естьли бы жизнь моя еще продлилась? Хочу окончить свое теченіе какъ достойной начальникъ Киренаической Секты. Я посылалъ за пѣвицами: прикажите ихъ позвать. — Тогда начался маленькой концертъ. Одна музыкантша, вторя себѣ на лирѣ, пѣла любовь прекраснаго Нарциса.,, Нарцисъ не любилъ ни одной Нимфы. Эхо, молодая Эхо, вздыхала по немъ безполезно. Ея прелести, нѣжные взгляды, кроткія прозьбы, пламенная любовь, ничто не могло побѣдить его равнодушія. Въ отчаяніи отъ такой жестокости, чтобъ скрыть свой стыдъ, она убѣжала въ лѣса; но любовь погналась за своею добычею и привязалась къ ней

еще сильнѣе. Грусть снѣдаетъ нещастную; тѣло ея сохнетъ; прекрасныя, нѣжныя округлости пропадаютъ; остаются одни кости, но и тѣ превращаются въ камень. Эхо уже только звукъ: она обитаетъ на скалахъ, на горахъ, всѣ слышатъ ея голосъ, никто ее не видитъ. Такъ Нарцисова красота дѣлала любезнѣйшихъ Нимфъ нещастными. Въ одинъ день, когда солнце, съ крайней своей высоты, изливало огонь ручьями, онъ возвращался съ звѣриной ловли, утомленъ трудомъ и зноемъ. Видитъ источникъ, которой многоличественные тополы покрывали благодѣтельною своею тѣнью; густая, мягкая трава предлагаетъ ему покойное ложе. Привлеченъ миловидностью и прохладностью сего убѣжища, Нарцисъ ложится на берегу; прозрачная вода манитъ его утолить жажду; онъ наклоняется, и вдругъ текучій кристаллъ представляетъ ему черты его. Онъ видитъ на гладкой и чистой поверхности лице прекрасное; не познаетъ себя, и любуется самимъ собою; сердце его пы-

лаетъ, и чего не могли сдѣлать всѣ Нимфы вмѣстѣ, то производитъ пустая мечта. Приникнувъ къ ручью, онъ ее разсматриваетъ, и все его восхищаетъ: пріятная томность глазъ, волосы подобные волосамъ Аполлоновымъ, прелестное лице, на которомъ нѣжной румянецъ розы мѣшается съ бѣлизною лилеи; Нарцисъ горитъ; онъ, предметъ своихъ желаній. Хочетъ облобызать обманчивое начертаніе, хочетъ сжать его въ своихъ объятіяхъ, и обнимаетъ утекающую воду. Безумной! ты влюбленъ въ собственную свою тѣнь! Ничто, ничто не можетъ отвлечь его отъ сихъ мѣстъ, ни приманчивость сна, ни потребность въ пищѣ. Разметавшись на травѣ, онъ насыщаетъ только жадные свои взоры. Потомъ приподнимается, и простирая руки къ окружающимъ его деревамъ, говоритъ:,, милые лѣса! былъ ли кто нещастнѣе меня, больше меня разтерзанъ любовью? вы, которые живете столько вѣковъ, вы то знаете;,, сказалъ — и умолкъ. Нещастной гибнетъ, изнуряется, румянецъ его пропадаетъ,

красота вянетЪ. ОнЪ сохнетЪ, подобно какЪ жидкіе перлы утра изсыхаютЪ отЪ первыхЪ солнечныхЪ лучей. ОнЪ терзаетЪ на себѣ одежду, разитЪ грудь свою — и грудь его становится подобна яблоку, котораго бѣлизна подкрашена зрѣлостью. Нимфа *Эхо*, печальная мукЪ его свидѣтельница, забываетЪ жестокости его и неблагодарность; забываетЪ — и вмѣстѣ сЪ нимЪ печалится. Каждой разЪ, когда НарцисЪ воздыхаетЪ и говоритЪ *увы*! она отвѣчаетЪ *увы*! КогдажЪ при послѣднемЪ издыханіи говоритЪ онЪ своему изображенію слабымЪ голосомЪ: *прости*, *прости*! Эхо голосомЪ еще слабѣйшимЪ повторяетЪ: *прости*, *прости*! Наяды, сестры ея, оплакивали его кончину, и положили волосы свои на его тѣло. Онѣ приготовляли костерЪ, гробЪ и погребательные факелы; но трупЪ изчезЪ. На мѣстѣ, гдѣ онЪ лежалЪ, нашли желтой цвѣтокЪ, коего средоточіе окружено бѣлыми перушками. Сей цвѣтокЪ названЪ НарцисомЪ.„

Послѣ сей кантаты вошелъ врачь, и предписалъ Аристиппу уваръ изъ травъ. „Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ больной, не надобно ничего горькаго, ничего непріятнаго! я буду пить вмѣстѣ съ вами Лесбоское вино." — Онъ посадилъ насъ ужинать подлѣ своей постели, и спросилъ смѣючись: „Какъ вы думаете, естьли бы я принесъ богу Эпидаврскому въ жертву пѣтуха, или черную овцу, то даровалъ ли бы онъ мнѣ исцѣленіе? — Богамъ все возможно. — Вѣрю; но я никогда не буду имѣть дерзости требовать, чтобъ они для меня перемѣнили порядокъ вселенной. Попрошу только бога Меркурія, проводника душъ, чтобъ онъ отвелъ моей хорошенькую квартиру."

Мы спросили его, не хочетъ ли онъ быть погребенъ въ Киренѣ, его отечествѣ? — Дорога на тотъ свѣтъ не ближе отъ одного мѣста, какъ и отъ другаго. Года три тому назадъ, нашелъ я на горѣ Парнѣ (не далеко отъ олтаря, на которомъ приносятъ жертвы то Юпитеру дождливому, то Юпи-

тєру доброму) пещеру окруженную скалами и обросшую плющемъ: хочу, чтобъ тамъ положили мои кости. Я около этой пещеры часто препровождалъ цѣлые часы въ размышленіяхъ о гордости и ничтожности человѣческой, объ окончательной и непонятной причинѣ эфемернаго нашего бытія, и о непостижимомъ Творцѣ всѣхъ тѣхъ миліоновъ міровъ, которые плаваютъ по безпредѣльному пространству. Живописецъ-меланхоликъ не могъ бы лучшей выбрать натуры: дубы, сокрушенные древностью, вязы во всей своей крѣпости, сосны и дикія оливковыя дерева — все, на что ни взглянешь, одно на другое не похоже. Какъ скоро я это мѣсто увидѣлъ, то и назначилъ его въ послѣднее себѣ жилище. По крайней мѣрѣ, естьли тѣнь моя станетъ, какъ увѣряютъ, скитаться вокругъ моей могилы, то не будетъ ей душно; и докучливые, которыхъ въ здѣшнемъ мірѣ я боялся пуще мора и голода, не придутъ туда возмутить моего покоя."

ГЛАВА XX.

Бесѣды Аристилловы съ Эвдоксïемъ и Анаксимандромъ. О Египетскомъ богослуженïи. О нравахъ Египтянъ.

Подъ конецъ нашего ужина вошли Эвдоксій и Анаксимандръ — два философа, Аристипповы друзья. Первой былъ Астрономъ, врачь и законодатель; а другой — ученикъ изъ Лицея. Они пришли сидѣть съ больнымъ, и посвятить ему свои попеченія. Оба достойны были общества его и дружбы. При обширныхъ знаніяхъ имѣли они самое тонкое разсужденіе и необыкновенной философической разумъ. Аристиппъ уговаривалъ меня, чтобъ я шла спать; но мнѣ разсудилось лучше остаться съ ними, нежели тосковать одной въ тщетномъ ожиданіи сна: разговоръ между тремя учеными и любезными Философами обѣщалъ много пріятнаго и поучительнаго. Рѣчь зашла о законѣ: ихъ забавныя и острыя шутки пали на Оракуловъ, на чудеса, на легковѣріе и глупость народа. Говорили смѣючись о пламенныхъ

струяхЪ Флегетона, о Θеогоніи жрецовЪ, о раздѣленіи человѣка по смерти его на четыре части. Эвдоксій, который болѣе года жилЪ вЪ Египтѣ, разсказывалЪ намЪ, что онЪ былЪ вЪ Мемфисѣ вЪ то самое время, когда скончался волЪ *Аписъ*. Я спросила его о семЪ божествѣ, и какимЪ чуднымЪ случаемЪ Египтяне впали вЪ такое безуміе, что обоготворили скотину? — ВотЪ какЪ, отвѣчалЪ онЪ: ОзиридЪ, ихЪ Царь, супругЪ Изиды, сестры своей, убитЪ братомЪ его ТифономЪ. Изида, нашедЪ трупЪ, велѣла предать его погребенію. Подлѣ гробницы явился быкЪ, и суевѣріе заключило, что то самЪ ОзиридЪ; а народЪ изЪ благодарности и привязанности кЪ бывшему своему царю причелЪ его кЪ лику боговЪ. СрокЪ жизни вола Аписа опредѣляется жрецами. ТотЪ, которому покланялись, когда я пріѣхалЪ вЪ МемфисЪ, осужденЪ на смерть во время моего тамЪ пребыванія. Отвели его на берегЪ Нила, воздали ему божескія почести и утопили; потомЪ вытащили его изЪ воды, набальсамили

и погребли великолѣпно. Жрецы одѣлись въ черное платье, и весь городъ впалъ въ уныніе.

Печаль и сѣтованіе продолжались до тѣхъ поръ, пока нашли другаго Бога-быка. Онъ долженъ имѣть бѣлое четвероугольное пятно на лбу, подобіе орла на спинѣ, и бѣлые лунные рога на правомъ боку. Жрецы увѣряютъ, что такой быкъ бываетъ всегда породы небесной. Они говорятъ, что луна изливаетъ плодотворной свѣтъ, которой какъ скоро коснется коровы, то она тотчасъ дѣлается стельною и раждаетъ Аписа. Въ такомъ случаѣ священнослужители разсматриваютъ плодъ, и естьли на теленкѣ найдутся всѣ потребные знаки, то признаютъ его Аписомъ, и возвѣщаютъ о томъ народу. Въ мое время искали новаго Аписа три мѣсяца. Какъ скоро его нашли, городъ принялъ совсѣмъ другой видъ; радость и ликованіе развѣяли облака печали. Новое божество должно было вступить въ Мемфисъ чрезъ сорокъ дней. До того времени оно пребываетъ

въ Ниловомъ городѣ. Право прислуживать ему принадлежитъ только женщинамъ, въ щегольскихъ и соблазнительныхъ одеждахъ. Увѣряли меня, что прислужницы должны прежде обриться, и подступить къ нему въ неблагопристойномъ видѣ.

Приготовили для быка лодку, въ которой находился нишъ, великолѣпно позолоченной, и по прошествіи сорока дней отправили его въ Мемфисъ. Какъ скоро онъ туда прибылъ, то жрецы, въ полотняныхъ ризахъ, съ обритыми головами, въ шляпахъ изъ цвѣтовъ, вышли ему на встрѣчу. Иные несли кадильницу, другіе цитру. За жрецами шла толпа юношей въ полотняныхъ же одеждахъ: они плясали и пѣли священныя пѣсни. Множество флейщиковъ и всякаго званія людей несли корзины съ пищею для бога. По сошествіи Аписа на берегъ, жрецы окружили его и осыпали цвѣтами и всякими ароматами. Дѣтямъ только позволено было подойти къ нему; они приняли въ себя его дыханіе, и тотчасъ получили даръ про-

рочества. Быкъ стоялъ между тѣмъ какъ болванъ, ни мало не чувствуя воздаваемыхъ ему почестей. Когда народъ довольно насмотрѣлся, довольно помолился, то жрецы препроводили Аписа торжественнымъ ходомъ въ Озридовъ храмъ, гдѣ отвели ему два великолѣпныя стойла. Тамъ-то онъ пребываетъ въ укрытіи отъ взора непросвѣщенныхъ. Показываютъ его весьма рѣдко. Во все время бытности моей въ Египтѣ выводили его одинъ только разъ. Улицы, по которымъ онъ гулялъ, усыпаны были цвѣтами. Вкругъ его шло множество чиновниковъ и толпа дѣтей: первые очищали дорогу отъ черни, а послѣдніе пѣли похвальныя ему пѣсни.

Недѣля послѣ его прибытія прошла вся въ пированіяхъ и веселостяхъ. Египтяне поздравляли другъ друга въ храмахъ, на улицахъ, въ домахъ. Я самъ бѣгалъ съ поздравленіями по всѣмъ моимъ знакомымъ, и вмѣстѣ съ прочими ходилъ спрашивать бога о своей судьбѣ. Я поднесъ ему ячменную лепешку; онъ

проглотилЪ ее весьма благосклонно, и одинЪ жрецЪ обЪявилЪ мнѣ, что это весьма хорошее для меня предзнаменованіе. ПотомЪ велѣли мнѣ приложить губы кЪ его уху, и заткнуть оба свои пальцами. ПостоявЪ нѣсколько времени вЪ этомЪ положеніи, я пошелЪ изЪ храма, и продолжалЪ еще держаться за уши свои. Сказано было мнѣ, чтобЪ я не прежде ототкнулЪ ихЪ, какЪ за дверями, и внималЪ бы тогда рѣчамЪ перваго человѣка, котораго услышу. На дворѣ двое прошли мимо меня; одинЪ говорилЪ другому, „Жена моя презлая женщина; я бы дорого заплатилЪ, чтобЪ она была вЪ трехЪ челюстяхЪ Цербера." СмыслЪ этого Оракула всегда казался мнѣ очень темнымЪ. Не знаю, буду ли я пожранЪ тремя челюстьми Цербера, или женюсь на злой женѣ, что еще хуже. Каждой годЪ Мемфискіе жрецы торжествуютЪ недѣлю рожденія Аписа. ПриносятЪ ему вЪ жертву даже быковЪ. СказываютЪ, что крокодилы оставляютЪ на то время свою лютость, и не дѣлаютЪ никому вреда. — Это

очень вѣроятно, сказалъ Аристиппъ. Однакожь прощайте; надобно мнѣ отдохнуть. Завтра, естьли Лахезиса примется еще за веретено моей жизни, приходите повидаться съ тѣнью вашего друга, которой дни черезъ два отправится для перемѣны воздуха на свою отчизну."

ГЛАВА XXI.

Любовной Аристипповъ анекдотъ. Депутація къ нему отъ Академіи и Лицея.

Въ слѣдующій день показалось мнѣ, что больному стало гораздо легче. Любуясь тихою свѣтлостію неба, онъ пожелалъ, чтобъ его перенесли въ садъ подъ мирты и сирены. „Не хочу лишить себя и этого послѣдняго луча свѣта, сказалъ онъ." Я пошла за нимъ. Онъ говорилъ со мною о молодыхъ своихъ лѣтахъ, разсказывалъ нѣкоторыя свои приключенія. „Естьли бы ты началъ жить снова, спросила я его, то еще ли бы сталъ полагать вышнее благо въ житейскихъ сладостяхъ? — О,

конечно! — А въ чемъ бы ты полагалъ житейскія сладости? — въ совокупности удовольствій разума и чувствъ, и въ пріятныхъ движеніяхъ сердца. Чувственныя удовольствія однѣ скоро умомляютъ, а вышнее благо Платона и другихъ философовъ, которые заблудились въ лабиринтѣ отвлеченностей, истинная химера. Нѣтъ вышняго блага, равно какъ нѣтъ совершенной красоты. Чтобъ наслаждаться непрерывнымъ удовольствіемъ, надлежало бы непрерывно *чувствовать пріятное*, непрерывно *желать*, и быть въ состояніи непрерывно *удовлетворять своимъ желаніямъ*. Но послѣ хорошаго обѣда вареніе въ желудкѣ соединено съ тягостью; за любовными забавами слѣдуетъ усталость, а у женщинъ беременность. Естьли хочешь, чтобъ покой былъ пріятенъ; то прежде надобно утомиться. И такъ не льзя наслаждаться постояннымъ благоденствіемъ, не льзя имѣть непрерывнаго продолженія пріятныхъ ощущеній. Благополучнѣе всѣхъ тотъ, кто соединяетъ кратковременныя наслажденія чувствъ

съ продолжительными удовольствіями разума. Упражненіе въ наукахъ есть вѣрнѣйшее средство отъ скуки, этого зла, сопряженнаго съ человѣкомъ. Наукамъ обязанъ я лучшими часами моей жизни; нѣтъ горести, которой бы онѣ не усладили. Онѣ украшаютъ разумъ истиннами, возвышаютъ душу, научаютъ знать людей; онѣ дѣлаютъ насъ человѣколюбивѣе, снисходительнѣе, просвѣщеннѣе въ знаніи долга нашего, и пріятнѣе въ обществѣ.“

Въ вечеру пришли опять Эвдоксій и Анаксимандръ: мы возвратились въ комнаты, и стали ужинать. Анаксимандръ сказалъ шутя Аристиппу, что онъ совѣтуетъ ему для примиренія съ Юноною сдѣлать ей изліяніе. „Я бы лучше хотѣлъ примириться съ аппетитомъ, отвѣчалъ больной. Но чтобъ сдѣлать ужинъ вашъ повеселѣе, разскажу вамъ одно маленькое любовное приключеніе, которое случилось со мною въ блистательные дни моей молодости. О прекрасной сонъ!

Мнѣ было около тридцати лѣтъ, когда жажда познаній и любопытство

привлекли меня въ Коринѳъ. Склонность моя къ забавамъ и женщинамъ путешествовала вмѣстѣ со мною. Я влюбился въ Ливиссу, женщину молодую и прекрасную. Славная Лаиса, съ которою тогда я былъ въ связи, услышавъ о моей невѣрности, отправилась тотчасъ изъ Аѳинъ. Она явилась въ Коринѳъ въ мускомъ платьѣ, познакомилась съ Ливиссою, старалась ей понравиться, опутала ее сѣтями изъ цвѣтовъ, и приготовила душу ея къ непостоянству. Вы знаете, сколько эта прекрасная Сициліанка была любезна и прелестна; не было подобной ей женщины. По нещастію случилась мнѣ надобность отъѣхать на недѣлю въ Мегару; она употребила это время въ пользу. Добившись отъ Ливиссы признанія въ ея обязательствѣ со мною, сказала ей, „Что нужды, что ты любила его нѣсколько времени; непостоянство есть потребность души, законъ природы: годъ не стоитъ въ одной порѣ; весна распускаетъ цвѣты; лѣто золотитъ колосья; богатая осень поднимаетъ голову, покрытую плодами и Вакховыми дарами.

Приходитъ зима и перемѣняетъ сцену; деревья лишаются своей одежды; сады, которые такъ пріятно зеленѣлись, на которые такъ мило было посмотрѣть, оледѣняютъ воображеніе, и погружаютъ душу въ уныніе.“ Надобно думать, что она говорила очень краснорѣчиво, потому что успѣхъ ея былъ совершенной. Лишь только я пріѣхалъ, Ливисса позвала меня къ себѣ. Когда я вошелъ, то примѣтилъ въ ней какое-то смущеніе, нѣчто принужденное. Вопросъ мой о томъ еще болѣе замѣшалъ ее. Она покраснѣла, потупила глаза, и наконецъ сказала мнѣ; „Любезной Аристиппъ! ты Философъ, и слѣдовательно склоненъ къ снисхожденію. . . — Снисхожденіе такъ часто бываетъ нужно мнѣ самому, что оно сдѣлалось любимою моею добродѣтелью. И такъ говори съ полною довѣренностью другу, которой заранѣе тебя извиняетъ. — Я тебя любила. . . — по крайней мѣрѣ такъ казалось. Но къ чему ведетъ это предисловіе? развѣ любовь твоя приближается къ концу? — Да; не хочу тебя обманывать. — Благодарю

за чистосердечіе; однакожь, сказать правду, я не ожидалЪ столь скорой перемѣны. Конечно мѣсто мое заступилЪ кто нибудь любезнѣе, щастливѣе меня? — НѣтЪ не *любезнѣе*, но можетЪ быть *щастливѣе*, естьли пріобрѣтеніе моего сердца можетЪ почесться щастіемЪ. — За искренность твою прощаю тебѣ твое непостоянство; но сдѣлай одолженіе, скажи, кто этотЪ щастливой соперникЪ? — Твой пріятель; имя его АмиклесЪ. — АмиклесЪ? да, я зналЪ одного Аѳинянина, которой такЪ назывался. ОнЪ былЪ маленькаго роста, кривЪ, носЪ имѣлЪ расплющенной, губы толстыя, волосы курчавые; однимЪ словомЪ, совершенно походилЪ на Сатира. УжЪ не на этого ли красавчика вы изволили меня промѣнять? Естьли такЪ, то поздравляю васЪ отЪ всего моего сердца." ВЪ ту минуту изЪ другой комнаты отворяется дверь; входитЪ молодой человѣкЪ, и говоритЪ мнѣ: „Посмотри, АристиппЪ, посмотри, вѣрно ли ты описываешь людей, и похожЪ ли я на Сатира." Представьте

себѣ мое удивленіе: незнакомецъ былъ прекрасенъ какъ Нарциссъ. Пользуясь моимъ молчаніемъ, онъ продолжалъ: „И такъ любезной, *премилой* Аристиппъ не хочетъ узнать пріятеля, съ которымъ, кажется, онъ былъ довольно въ тѣсномъ знакомствѣ, и которой раздѣлялъ съ нимъ всѣ его удовольствія.“ Посмотрѣвъ попристальнѣе, увидѣлъ я, что мнимой мой соперникъ сама Лаиса. „Ливисса отдаетъ мнѣ свою руку, сказала она, и только ожидаетъ вашего на то согласія. — Естьли нѣтъ никакихъ другихъ препятствій, то небо да благословитъ вашъ бракъ, отвѣчалъ я съ улыбкою, относясь къ моей невѣрной. Однакожь думаю, что есть одна законная причина, которая можетъ помѣшать взаимному вашему благополучію. — Какая причина? спросила Ливисса съ удивленіемъ. Не вижу никакой; я увѣрена въ сердцѣ любовника моего, какъ въ моемъ собственномъ. — Это очень хорошо; но для супружества сердца не довольно. Впрочемъ любовникъ вашъ здѣсь; онъ самъ это растолкуетъ.“ Тогда Лаиса, принеся нѣсколько при-

творныхЪ извиненій, призналась ей вЪ безполезности любви своей, и напослѣдокЪ обЪявила о своемЪ полѣ. Ливисса побагровѣла отЪ смущенія и досады; бросила на насЪ грозной, страшной взглядЪ, и ушла какЪ бѣшеная." —

Тогда доложили Аристиппу, что Академія и Лицей прислали кЪ нему депутатовЪ освѣдомиться о его здоровьѣ. ОнЪ велѣлЪ ихЪ впустить; и, послѣ обыкновенныхЪ учтивостей и по изЪявленіи своей благодарности, сказалЪ: „ВЪ великой книгѣ судебЪ отЪѣздЪ мой опредѣленЪ; севодни, или завтра, я отправляюсь: скажите моимЪ собратіямЪ, что есть-ли на томЪ свѣтѣ буду имѣть кЪ ПаркамЪ доступЪ, то попрошу, чтобЪ онѣ долѣе пряли нить ихЪ жизни, и не скупились бы присучивать кЪ ней золота и шелку." —

Когда депутаты ушли, то онЪ предложилЪ намЪ выпить за здоровье Плутона и Прозерпины. — Смѣялись, пѣли — и АристиппЪ на смертномЪ одрѣ, казалось, приготовлялся кЪ брачному торжеству.

Анаксимандръ сказалъ намъ о смерти Анитуса, врага, гонителя Сократова. Послѣ осужденія сего великаго мужа злодѣй убѣжалъ въ Ираклію, гдѣ и нашелъ праведное себѣ наказаніе: его убили камнями. „Думаешь ли ты, спросилъ Аристиппъ, что родъ человѣческой отчасу болѣе развращается, что пороки и злость людей возрастаютъ изъ вѣка въ вѣкъ? — По моему мнѣнію, отвѣчалъ Анаксимандръ, сердце, то есть, характеръ людей, равно какъ и Физическое сложеніе никогда не перемѣняется: мы имѣемъ все тѣ же органы; зрѣніе и слухъ у насъ не лучше и не хуже зрѣнія и слуха, какія были у предковъ нашихъ. Обстоятельства (какъ на примѣръ Царь правосудной и просвѣщенной, хорошіе законы, мудрое правительство) могутъ улучшить одно поколѣніе, развернуть нѣкоторыя добродѣтели, воздержать пороки; но люди, подобно водѣ, пускаются опять въ прежнее теченіе, какъ скоро плотина разрушится. — Жаль мнѣ, сказалъ Аристиппъ, что ты такъ думаешь. Слѣ-

довательно трудъ мой пропалъ: я сочинилъ-было четыре стиха на это принятое мнѣніе, что свѣтъ чѣмъ болѣе старѣетъ, тѣмъ горчайшіе приноситъ плоды, то есть, отчасу злѣйшихъ производитъ людей.

Одна мысль часто меня занимала: несообразность и странность натуры, которая дала людямъ инстинкты и характеры столько различные; а въ разсужденіи всѣхъ прочихъ животныхъ всегда придержалась единообразнаго начертанія. Каждой родъ животныхъ имѣетъ свой нравственной *типъ*, столь же непремѣнной, какъ инстинктъ прозябаемыхъ. Тигръ всегда жестокъ, всегда кровожаждущъ; левъ отваженъ, гордъ и лютъ; характеръ голубки кротость и робость. Человѣческій только родъ имѣетъ инстинктъ и нравы всѣхъ животныхъ. Иной подобенъ свирѣпостью тигру, другой кротокъ какъ голубка; Ахиллъ дышетъ храбростью льва, а Ѳерситъ имѣетъ всю трусость утекающаго зайца. Натура могла произвести всѣхъ людей безъ изъятія или добрыми,

или злыми. Естьли бы всѣ были добры, то всѣ были бы щастливы; естьли бы всѣ были злы, то по крайней мѣрѣ добрые не страдали бы отъ нихъ. . . . Подайте мнѣ чашу: хочу пить въ честь великому Зевсу; благодарю его, что онъ далъ мнѣ пожить лѣтъ около шестидесяти. На что онъ пустилъ меня въ свѣтъ, не знаю; но думаю, что послѣ моей кончины онъ сдѣлаетъ мнѣ эту довѣренность. Момъ правду сказалъ, что боги были пьяны, когда создали человѣка, и послѣ не могли безъ смѣха взглянуть на свое произведеніе.„ — Аристиппъ выпивъ вина умолкъ. Мы думая, что онъ заснулъ, стали говорить тихонько; но вдругъ онъ вскричалъ: „Прошу выслушать послѣднюю мою волю:

Хочу, чтобъ при выносѣ меня, вмѣсто отечественныхъ гимновъ (потому что мертвой не имѣетъ уже отечества) пѣли любовныя и всякія веселыя пѣсни — хочу, чтобъ не выставляли тѣла моего передъ домомъ съ сосудомъ

лустральной воды, которою прохожіе, слѣдуя смѣшному обычаю, окропляются, смотря мертвому подъ носъ, чего я не люблю — хочу, чтобъ вы отставили семидневной срокъ, и на другой же день послѣ моей смерти зарыли меня въ могилу — хочу, чтобъ положили меня на костеръ лицемъ къ востоку, а не къ къ западу, для того, что я всегда любилъ смотрѣть на возхожденіе солнца — Ласѳенію прошу одѣться въ бѣлое, а не черное платье, потому что *умереть* (говоритъ Пиѳагоръ) *есть: освободиться изъ заточенія* — Психагоги да не призываютъ моей души, или тѣни; это было бы безполезно; путь изъ того свѣта столько длиненъ, что она конечно не захочетъ въ него пуститься — хочу, чтобъ на урнѣ моей, вмѣсто надгробной надписи вырѣзали книгу, циркуль и цвѣты, съ такими словами: *Здѣсь лежитъ ожидающій васъ.*" — — Тогда одна невольница, старуха, чихнула на лѣвой его сторонѣ (знакъ весьма дурной.) „Вотъ смертной мой приговоръ,

вскричалъ онъ. Возложите на эту Сивиллу шляпу изъ цвѣтовъ (*).“ — Мы отужинали; ночи прошло уже много; больной началъ дремать; Эвдоксій и Анаксимандръ ушли тихонько.

ГЛАВА XXII.

Разговоръ Аристилла съ Ласвеніею. Повѣствованія Эвдоксіевы. О Псиллахъ. Путешествіе на богомолье въ Бубастъ. О священной кошкѣ. О крокодилахъ. Смерть Аристиллова.

Больной прислалъ за мною, какъ скоро проснулся. Я спросила его, каковъ онъ въ своемъ здоровьѣ? — „Таковъ, какъ не льзя лучше *для умирающаго*, отвѣчалъ онъ, протянувъ ко мнѣ руку. Я почти увѣренъ, что проживу еще и севодни. Много такихъ отправятся прежде меня, которые теперь совершенно здоровы.“ — Потомъ

(*) Возлагали шляпу изъ цвѣтовъ на тѣхъ, которые приносили хорошія вѣсти.

благодарилЪ меня сЪ величайшею чувствительностію за мои обЪ немЪ попеченія. „Твое присутствіе, сказалЪ онЪ, прочищаетЪ мракЪ последнихЪ дней моихЪ. Вчерась вечеромЪ я заснулЪ подлѣ тебя такЪ сладко, такЪ покойно, какЪ утомленной путешественникЪ засыпаетЪ на веселомЪ бережку, подЪ шумомЪ миловиднаго ручейка. Любезная моя Ласѳенія! я всегда тебя любилЪ; твое дружество разсыпало на жизнь мою самые прелестные цвѣты. Какое благополучіе имѣть другомЪ женщину умную, чувствительную и любезную, женщину, которая при самой приманчивой красотѣ одарена всѣми пріятностями ума и сердца! Помни обо мнѣ, но не печалься; помни только для того, чтобЪ наслаждаться мыслью о прошедшихЪ нашихЪ удовольствіяхЪ. Воображай, что тѣнь моя тебя слушаетЪ, тебѣ отвѣчаетЪ. Занимайся только тѣмЪ, что можетЪ украсить, сдѣлать жизнь твою благополучною. Ты имѣешь все, что для этого надобно: различныя и умѣренныя склонности; веселое, но

воздержное воображенie; чувствительное сердце; ту строгую честность, которая удаляетъ отъ совѣсти всякое тягостное чувствованie; то просвѣщенie, которое услаждаетъ разумъ и служитъ фонаремъ въ стезяхъ къ блаженству; и наконецъ ту Философiю, которая окрѣпляетъ противъ стрѣлъ нещастiя, и научаетъ выращать нѣсколько цвѣтовъ посреди тернiя жизни." Говоря такимъ образомъ, онъ держалъ мою руку, и два раза принимался цѣловать ее. Видя мои слезы, онъ тотчасъ перемѣнилъ рѣчь, и спросилъ меня, что думаютъ Аѳиняне о его смерти? — „Всѣ до одного человѣка о тебѣ жалѣютъ. — Это сожалѣнie продолжится до новой комедiи, до тѣхъ поръ, когда какое нибудь маленькое политическое произшествie погрузитъ имя мое и память въ Леѳейскiя струи." —

Эвдоксiй и Анаксимандръ вошли и перервали нашъ разговоръ. „Силы мои отчасу ослабѣваютъ, сказалъ Аристиппъ; я не въ состоянiи гово-

рить. Эвдоксій сдѣлаетъ намъ одолженіе, разскажетъ что нибудь о Египтѣ. Хотя я смотрю въ могилу, однакожь все еще жадаю свѣденій; это привычка. — Охотно, отвѣчалъ Эвдоксій. Сперва разскажу вамъ о *Псиллахъ*, а потомъ опишу одно очень пріятное путешествіе въ Бубастъ, которое случилось мнѣ сдѣлать изъ любопытства, чтобъ посмотрѣть Діанина праздника. Псиллы родъ бѣшеныхъ людей, которые играютъ змѣями. Я видѣлъ ихъ въ одной процессіи: они шли съ голыми руками; взглядъ имѣли звѣрской, и держали страшныхъ змѣй, которыя извивались вокругъ ихъ тѣла. Псиллы, стиснувъ ихъ крѣпко близь шеи, избѣгали уязвленія, и не смотря на ужасной свистъ сихъ гадкихъ животныхъ, терзали ихъ зубами и пожирали живыхъ. Они дрались между собою за свою добычу. Сказываютъ, что есть у нихъ предохранительное отъ змѣинаго яду лѣкарство.

Діанинъ праздникъ, которой отправляютъ въ Бубастѣ, гораздо пріятнѣе:

стекаются туда изо всѣхъ мѣстъ Египта. Я ѣхалъ въ многолюдной толпѣ. Мы отправились Ниломъ. Рѣка была покрыта судами. Во всякой лодкѣ находились музыканты, пѣли и вторили себѣ кимвалами и басками. Мущины играли на флейтахъ; на берегу женщины предавались радостному изступленію, задирали путешественниковъ самыми наглыми рѣчами, неблагопристойными пѣснями и такою же пляскою. Стада воловъ мычали на лугахъ; земледѣлатели поливали свои нивы; дѣвки мыли бѣлье; другія приходили на рѣку черпать воду, натирались Нильскимъ иломъ, погружались въ рѣку и играли въ волнахъ. Многія изъ нихъ приплывали къ нашей лодкѣ; казалось, что мы окружены Нереидами. Египтянки плаваютъ очень пріятно; ихъ волосы, заплетенные въ косы, простираются по плечамъ; кожа у нихъ смугла и цвѣтъ лица загорѣлой, но по большей части сложены очень статно. Мы наѣжжали острова, покрытые густою травою, на которые гоняютъ буйволовъ. Па-

стухЪ, сидя на шеѣ перваго буйвола вЪ стадѣ, ѣдетЪ вЪ рѣку, хлопаетЪ бичемЪ, и всѣ буйволы слѣдуютЪ за нимЪ по одиначкѣ, и плывутЪ мыча. Я нашелЪ вЪ Бабустѣ стеченіе семи сотЪ тысячь человѣкЪ. ВЪ продолженіе праздника зарѣзано невѣроятное число жертвЪ. Ночью зажгли на всѣхЪ мачтахЪ судовЪ множество стеклянныхЪ фонарей, отЪ которыхЪ поверхность воды казалась усыпанною звѣздами. На берегу шатры также были освѣщены. Эта прекрасная иллюминація на пространствѣ цѣлой мили производитЪ на зелени и водѣ удивительное дѣйствіе. — Прощаю суевѣріе, которое даетЪ такіе праздники, сказалЪ Аристиппъ. Человѣка надобно приближать кЪ божеству не строгостью или жестокостью, но посредствомЪ забавЪ. — ВЪ Бубастѣ есть великолѣпной храмЪ, вЪ которомЪ покланяются превеликому и прекрасному коту. Жрецы кормятЪ его священною пищею, и когда умретЪ, бальсамятЪ и торжественно погребаютЪ. — Не кормятЪ ли они еще и

крокодиловЪ? спросилЪ АристиппЪ. — Да; вЪ верхнемЪ ЕгиптѢ это двустихійное животное почитается священнымЪ. Жрецы содержатЪ одного крокодила вЪ особливомЪ озерѢ; даютЪ ему мясо, плоды и вино. ОднимЪ днемЪ, послѢ обѢда, хозяинЪ мой, человѢкЪ почтенной, повелЪ меня кЪ озеру; онЪ взялЪ сЪ собою маленькихЪ пироговЪ, жаренаго мяса и сосудЪ сЪ виномЪ. КрокодилЪ покоился на берегу. Жрецы подошли; одинЪ изЪ нихЪ растворилЪ ему зевЪ, а другой всунулЪ вЪ него пироги, мясо, влилЪ вино. ПослѢ сей трапезы чудовище сошло потихоньку вЪ воду, и поплыло кЪ другому берегу. — ИзЪ всѢхЪ вещей, на которыхЪ разсудокЪ человѢческой помѢшался, сказала я, всего для меня удивительнѢе почтеніе, воздаваемое такому гнусному животному. — Это суевѢріе произошло отЪ страха. Египтяне, почитая Тифона злымЪ началомЪ, посвятили ему крокодила, осла и морскаго коня, по причинѢ рыжаго его цвѢта, котораго Египтяне не терпятЪ. КормятЪ ихЪ вЪ священныхЪ

оградахъ, и думаютъ умилостивить злаго духа жертвами. — Во время плытія твоего въ Бубастъ не боялся ли ты крокодиловъ, спросилъ Аристиппъ? — Нѣтъ; они рѣдко приплываютъ въ нижній Египетъ, а далѣе Мемфиса не видали ихъ никогда. Крокодилъ, не смотря на свою непроницаемую чешую, убѣгаетъ посѣщаемыхъ мѣстъ. Они водятся между Ѳивами и Сіенною; находятъ ихъ на песчаныхъ островахъ, гдѣ они растянувшись на солнцѣ, спятъ; но сонъ ихъ самой легкой. Какъ скоро услышатъ шумъ лодки, то погружаются въ воду. Крокодилъ имѣетъ страшными себѣ врагами жителей Тентиры, которые, не уважая святости его, ведутъ съ нимъ жестокую войну. Всякой другой человѣкъ мертвѣетъ отъ ужаса, какъ скоро съ нимъ повстрѣчается; Тентирянинъ только одинъ ищетъ его и убиваетъ. Онъ погружается въ воду, плыветъ смѣло среди Нила*, направляетъ путь свой прямо на это страшное чудовище, и когда крокодилъ отворяетъ зевъ, чтобъ поглотить его,

онЪ суетЪ ему вЪ глотку еловую доску, кЪ которой привязана веревка; крокодилЪ стиснувЪ челюсти, вонзаетЪ вЪ дерево острые свои зубы сЪ такою силою, что послѣ не можетЪ ихЪ развесть. Тогда ЕгиптянинЪ, держа одною рукою веревку, плыветЪ кЪ берегу, и ставЪ на землю, сЪ помощью многихЪ людей вытаскиваетЪ чудовище и умерщвляетЪ. Естьли плаватель не искусенЪ, или хотя нѣсколько не остороженЪ, то онЪ бываетЪ тотчасЪ поглощенЪ." — —

Ночи прошло уже много (писала ко мнѣ Ласѳенія); для меня нуженЪ былЪ покой. АристиппЪ просилЪ меня убѣдительно, чтобЪ я легла. Философы пробыли у него до разсвѣта. Я приказала разбудить себя, какЪ скоро они уйдутЪ. ПришедЪ опять кЪ Аристиппу, нашла его очень слабымЪ; однакожь читали ему Ѳеокритовы Идилліи. ОнЪ, какЪ скоро меня увидѣлЪ, то велѣлЪ чтецу перестать, и началЪ со мною говорить. Болѣзнь его была не мучительна; онЪ изсыхалЪ подобно былію, которому не достаетЪ питательной влаги, и слѣдо-

вательно умиралъ въ полномъ своемъ разсудкѣ. Доложили ему объ одномъ изъ его пріятелей; я хотѣла отказать, но Аристиппъ сказалъ: „Прикажите пускать всѣхъ; я хочу умереть весело посреди добрыхъ пріятелей. Пусть говорятъ, шутятъ, смѣются, только чтобъ не шумѣли! Представьте себѣ, какъ будто я ѣду въ Сиракузы давать уроки Діонисію Тиранну во вкусѣ стола и въ Философіи.“ — Весь день комната его наполнена была Философами, Софистами, Стихотворцами, Художниками. Я предваряла всякаго, чтобъ не показывать печальнаго вида, и говорить съ больнымъ какъ обыкновенно. Рѣчь была о новостяхъ, о театральныхъ сочиненіяхъ. Аристиппъ слушалъ, но мало мѣшался въ разговоръ. Кто-то сказалъ, что Діонисій Тиранъ боялся Боговъ: тогда больной вскричалъ съ такимъ жаромъ, какъ будто онъ совершенно ожилъ: „Какой вздоръ! увѣряю васъ, что Діонисій былъ истинной безбожникъ. Онъ содралъ съ Юпитера епанчу изъ цѣльнаго золота, сказавъ: *эта одежда для лѣта очень тяжела, а для*

зимы очень холодна, и велѣлъ надѣть на него шерстяную епанчу подъ предлогомъ, что шерсть хороша для всякой поры. У Эскулапія онъ похитилъ золотую бороду, сославшись на то, что и отецъ его Аполлонъ не имѣетъ бороды. Въ другое время, нашедъ во храмѣ серебряныя доски съ надписью: *богамъ благимъ*, сказалъ: воспользуемся ихъ благостью, и взялъ доски себѣ." —

Мы ужинали въ комнатѣ у Аристиппа. „Ваша трапеза, сказалъ онъ, похожа на Египетскіе пиры, на которыхъ кладутъ передъ глаза собесѣдниковъ мертвеца." Потомъ, помолчавъ нѣсколько времени, онъ вскричалъ: „Я думаю теперь о Никомакѣ. Этотъ мудрой человѣкъ смотрѣлъ на смерть очень философически. Онъ говорилъ: *Кто боится умереть, тотъ какъ будто хочетъ показать, что ему извѣстно такое, чего никто не знаетъ.* Его весьма несправедливо предали суду. Убѣждаемъ будучи друзьями своими оправдываться, онъ сказалъ судьямъ: *Боюсь, граждане, просить васъ о жизни, чтобъ не полу-*

чить такой милости, которая была бы мнѣ въ накладъ. Надобно думать, что тѣ, которые боятся смерти, знаютъ ее. Что до меня касается, я не знаю: ни что такое смерть, ни что мы на томъ свѣтѣ будемъ дѣлать. Что мнѣ извѣстно за дурное, какъ на примѣръ обижать ближняго, того я убѣгаю; а чего не знаю, того не стараюсь предупредить. И такъ извольте располагать мною какъ угодно. Я одного съ нимъ мнѣнія, продолжалъ Аристиппъ: оставляю попеченіе о дняхъ моихъ посланницѣ Ирисѣ; пусть перерѣжетъ волосокъ, которымъ я привязанъ къ жизни, когда ей вздумается.“ Разговоръ сдѣлался очень веселъ. Смѣялись Промеѳееву ворону, преступленію и казни Иксіона; говорили о знакахъ, которые жрецы показываютъ на печени жертвъ. „Они дѣлаютъ начертанія на рукѣ своей, сказалъ Анаксимандръ; потомъ прижимаютъ къ этой рукѣ печень, пока она еще тепла и мягка, и начертаніе на ней изображается.“ Аристиппъ просилъ, чтобъ не забыть положить ему подъ языкъ денегъ для заплаты за

перевозъ, и медовую лепешку для укрощенія Цербера. Между тѣмъ, какъ мы такимъ образомъ мѣшали дѣло съ бездѣльемъ и шутку съ философіею, ночь протекла. На разсвѣтѣ я примѣтила, что Аристиппу становится очевидно хуже: онъ лежалъ въ забыти, и рѣдко начиналъ говорить. Врачь пришелъ, и пощупавъ пульсъ, сказалъ: „Думаю, что лихорадка отходитъ. — Скажи лучше, что отходитъ больной, отвѣчалъ Аристиппъ.“ Черезъ часъ послѣ я спросила: не хочетъ ли онъ чего? — Хотѣлъ бы переворотиться; но я такъ слабъ, что испущу душу отъ малѣйшаго движенія.“ Врачь сталъ увѣрять, что въ немъ болѣе силъ, нежели онъ думаетъ. „Хочешь ли, чтобъ я показалъ тебѣ, сколько я силенъ?“ Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобъ переворотиться, и тотчасъ умеръ. — —

Посуди, мой милой Антеноръ, сколько эта утрата должна быть для меня горестна! утрата друга, къ которому я была привязана двенадцать лѣтъ! Посуди, какая теперь должна

быть пустота въ моей душѣ и въ моей жизни! естьли бы ты былъ съ мною, присутствіе твое облегчило бы скорбь мою; но судьба похищаетъ у меня всѣхъ моихъ подпоръ, всѣ мои утѣшенія; осталась мнѣ одна только философія: кинусь въ ея объятія, удалюсь за городъ, и стану раздѣлять время между Музами и полевыми упражненіями. Эвдоксій и Анаксимандръ обѣщались приходить ко мнѣ ужинать, пока я по своимъ надобностямъ и по дѣламъ покойнаго друга моего пробуду еще въ городѣ. Эвдоксій станетъ намъ читать записки свои о Египтѣ. Прощай! будь здоровъ и щастливъ." —

Смерть Аристиппа и горесть любезной моей Ласѳеніи чувствительно меня тронули. Я тотчасъ написалъ къ ней отвѣтъ, просилъ ее, чтобъ она украсила дни мои, позволя мнѣ провождать ихъ при ней, и раздѣлять съ нею всѣ ея упражненія и чувствованія.

ГЛАВА XXIII.

Первой Вечеръ.

О богахъ и нравахъ Египтянъ. Исторія Никія. О кольцѣ Поликратовомъ.

„Эвдоксій и Анаксимандръ сдержали слово (писала ко мнѣ Ласѳенія): они ужинали у меня три вечера; я никого, кромѣ ихъ, не принимала. Послѣ ужина Эвдоксій разсказывалъ намъ о Египтѣ. — Сообщаю тебѣ его повѣствованія:

„Я уже говорилъ вамъ объ Аписѣ, сказалъ онъ; теперь опишу трехъ главныхъ Египетскихъ божествъ, Анубиса, Озирида и Изиду.

Анубиса изображаютъ съ собачьею головою. Въ храмѣ его содержатъ священныхъ собакъ и покланяются имъ. Великій Озиридъ есть братъ и супругъ Изиды: они любились еще въ утробѣ матерней, и родили бога Ора. Озиридъ тоже у Египтянъ, что ѳебъ у Грековъ, а Изида наша ѳеба. Одежда этого бога огненнаго цвѣта; хранятъ ее какъ нѣчто драгоцѣнное, и по одному только

разу въ годъ показываютъ народу. У Озирида голова копчикова, а тѣло человѣческое. Его пеленаютъ какъ Мумій; на головѣ у него фаллусъ и два рога. Жрецы даже на священно-служебной своей одеждѣ носятъ фаллусъ. Озиридъ держитъ одною рукою прорицательной жезлъ первосвященника, а другою бичь, потому что онъ Богъ солнца." —

Сіе описаніе боговъ Египетскаго рукодѣлья заставило насъ посмѣяться на счетъ человѣческой глупости. „Я еще не сказывалъ вамъ, продолжалъ Эвдоксій, о богѣ Сераписѣ и великолѣпномъ его храмѣ, которой находится въ Канопѣ, и называется Серапіономъ. Во всемъ Египтѣ нѣтъ мѣста столь пріятнаго, какъ Канопа. Этотъ уголокъ земли можетъ почесться садомъ. Жрецы умѣли сдѣлать изъ него славнѣйшее богомоліе. Храмъ кажется висячимъ на воздухѣ. Онъ состоитъ изъ обширнаго четвероугольнаго зданія и построенъ на сводахъ, подъ которыми простираются портики. Зданіе украшено колоннами, а стѣны обложены мраморомъ;

лѣстница имѣетъ болѣе ста ступеней. Сераписъ первой богъ въ Египтѣ. Онъ представленъ въ вѣнцѣ изъ лучей; на головѣ у него четверикъ и бараньи рога; а на затылкѣ скипетръ съ тремя острыми концами, обвитой змѣями. Въ храмѣ его всегда множество посѣтителей; не столько набожность, какъ веселости туда привлекаютъ. Сераписъ исцѣляетъ больныхъ; молодые люди ходятъ къ нему просить кроткихъ и сговорчивыхъ женщинъ. Въ праздники особливо стеченіе бываетъ невѣроятное. Нильской каналъ, которымъ въѣзжаютъ къ Канопъ, весь тогда покрытъ судами, наполненными мущинами и женщинами, которыхъ пѣніе и пляска изображаютъ безумную радость и самое необузданное своеволіе. Жрецовъ спрашиваются какъ врачей и какъ толкователей Оракула. Они великіе мастера подкрѣплять разслабленныя силы посредствомъ благовонныхъ ваннъ, исправлять желудокъ сочною и ароматическою пищею, и разгорячать воображеніе возбудительными картинами; словомъ сказать,

возвращать чувства людямъ, у которыхъ онѣ почти совсѣмъ умерли. Врачеванія вносятся въ публичной реэстръ, и щастливой успѣхъ всегда приписывается Серапису. Подумайте, въ какой онъ долженъ быть славѣ!" —

Мы просили Эвдоксія, чтобъ онъ далъ намъ понятіе о нравахъ и обычаяхъ Египтянъ и о ихъ жрецахъ.

„Въ Греціи, сказалъ онъ, женщины не выходятъ изъ домовъ: въ Египтѣ совсѣмъ тому противное; тамъ все отправленіе внѣшнихъ дѣлъ лежитъ на нихъ; мущины остаются дома, и занимаются тканіемъ полотна. Жены имѣютъ всю власть, мужья въ силу брачнаго договора обязаны имъ повиноваться. Священно-служеніе только предоставлено мущинамъ.

Египтяне могутъ жениться на многихъ женахъ; но жрецамъ не позволяется имѣть больше одной. Египтянинъ ни за что не поцѣлуетъ Грека въ губы, не станетъ употреблять его посуды, ни даже ѣсть мяса, которое разрѣзано его ножемъ. Наши жрецы отращиваютъ во-

лосы ; въ Египтѣ жрецы и народъ всякіе три дни брѣютъ голову и все тѣло, исключая время траура. Когда Египтяне встрѣчаются, то не говорятъ ничего, и привѣтствуютъ другъ друга опущеніемъ руки до колѣна. Одежда ихъ полотняная, а сверху носятъ они бѣлую шерстяную епанчу.

Египетскіе жрецы очень набожны, и болѣе жрецовъ другихъ народовъ привязаны къ своему закону. Они обрѣзываются для чистоты, которую предпочитаютъ и самой красотѣ. Не позволяется имъ имѣть другой одежды, кромѣ башмаковъ изъ *библо* (*). Они моютъ тѣло иссоповою настойкою по два раза въ день, и по стольку же въ ночь; другіе сказывали мнѣ по три раза въ день, вставъ съ постели, передъ обѣдомъ и передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ ложатся спать. Когда они готовятся къ какому нибудь священному обряду,

(*) Дерево, растущее въ болотистыхъ мѣстахъ Египта, изъ котораго встарину дѣлали бумагу.

то за семь дней до того воздерживаются отъ мяса, овощей и всякихъ травъ, и не прикасаются къ женщинамъ. Ложе ихъ сплетено изъ пальмовыхъ вѣтвей; деревянной полу-цилиндръ служитъ имъ изголовьемъ. Они пріучаютъ себя сносить жажду, голодъ и довольствоваться малымъ. Рыбы не ѣдятъ никакой; и въ девятой день перваго мѣсяца, когда всякой передъ домомъ своимъ ѣстъ печеную рыбу, жрецы такую же рыбу жгутъ. Сказываютъ, что это происходитъ отъ отвращенія ихъ къ морю; но я думаю, что есть на то другая причина: какъ тѣло безчешуйной рыбы сгущаетъ лимфу и уменьшаетъ испареніе, то имъ хочется можетъ быть избѣжать свойственной Египтянамъ особливаго рода коросты. Бобы въ великомъ омерзеніи не только у жрецовъ, но и у всего народа: они почитаютъ этотъ шелушной плодъ нечистымъ.

Жрецы имѣютъ великія преимущества: имъ принадлежитъ цѣлая треть всѣхъ имѣній и Государствъ, судъ по части гражданской и священнослуже-

ніе. Дѣти наслѣдуютъ послѣ отцевъ своихъ. Вотъ обряды жертвоприношенія. Быкъ, обреченной въ жертву, долженъ быть чистъ; то есть надобно, чтобъ не было на немъ ни одного чернаго волоска. Ведутъ его къ храму, раскладываютъ огонь; потомъ льютъ на жертвенникъ вино, и, призывая бога того храма, закаляютъ жертву. Отрѣзываютъ ей голову, отягчаютъ ее проклятіями (*), и несутъ на рынокъ для продажи Грекамъ, или бросаютъ въ рѣку, потому что Египтяне не ѣдятъ никогда головы никакого животнаго.

Мнѣ случилось видѣть жертвоприношеніе богинѣ Изидѣ. Праздникъ великолѣпенъ; и естьли кому случится до нее дотронуться, то такой идетъ погрузиться и съ одеждою въ рѣку. Сви-

---

(*) То есть, молятъ боговъ отвратить нещастія, которыя могутъ постигнуть Египетъ, или ихъ самихъ, и обратить ихъ на сію голову.

нопасы не могутъ входить въ храмы; они женятся между собою; никто не захотѣлъ бы вступить съ ними въ свойство. Одинъ только разъ въ годъ Египтяне приносятъ въ жертву и ѣдятъ свинью; это бываетъ на праздникъ полной луны и Вакха, то есть Озирида. Тогда, въ часъ трапезы, всякой закалаетъ свинью передъ своимъ домомъ; потомъ собирается ходъ, и несутъ болваны высотою въ локоть, которымъ даютъ движеніе посредствомъ веревокъ. фаллусъ у болвановъ почти равенъ величиною всему ихъ тѣлу. Женщины носятъ ихъ по пригородкамъ, качая фаллусъ, и поючи похвальныя пѣсни Вакху. Напереди идетъ флейщикъ.... Но чтобъ не объ одномъ говорить, разскажу вамъ исторію Астронома Никія, которой сдѣлался жертвою предразсудковъ. Она доказываетъ, сколько суевѣріе перемѣняетъ, ожесточаетъ душу, и что оно уподобляетъ человѣка лютому, кровожаждущему звѣрю. Я возьму съ самаго начала: происхожденіе

и характеръ этого Астронома достойны быть извѣстными.

Никій былъ истинной практической Философъ, ума очень пріятнаго и оригинальнаго. Онъ скрывалъ обширныя свои знанія подъ завѣсою веселости и простоты, и подобно Демокриту, любилъ смѣяться людскимъ дѣяніямъ. Тихой нравъ и чистосердечіе дѣлали его прелюбезнымъ. Родился онъ въ островѣ Самосѣ отъ одного бѣднаго горшечника, и въ тринадцать лѣтъ отъ роду лишась отца своего, остался безъ куска хлѣба и безъ убѣжища. Въ самое жестокое время зимы отправился онъ въ столицу острова, о которой сказали ему, что лежитъ къ западу. При наступленіи ночи Никій обезсилѣвъ отъ усталости и голода, окоченѣвъ отъ стужи, въ горячкѣ, пришелъ къ одной бѣдной пастушьей лачугѣ и попросилъ ночлега. Хозяинъ отвелъ его въ клевъ, положилъ на кучу навоза, и далъ ему кусокъ черстваго хлѣба. Никій принужденъ былъ оттаявать пищу свою въ навозѣ. Бараны, съ которыми онъ раз-

дѣлялъ жилище, какъ будто сжалясь надъ нимъ, лизали и согрѣвали его своимъ дыханіемъ. Молодость и крѣпкое сложеніе спасли его отъ смерти. Пастухъ, котораго нещастное состояніе нашего Философа наконецъ тронуло, опредѣлилъ его къ своимъ баранамъ. Тогда-то безпрестанная бытность подъ открытымъ небомъ развернула склонность его къ Астрономіи. Слѣдуя своему инстинкту, и не имѣя наставника, кромѣ собственныхъ своихъ размышленій, началъ онъ примѣчать возхожденіе и захожденіе солнца и различныя фазы луны. Однажды нашелъ онъ книгу, и въ крайнемъ былъ огорченіи, что не умѣетъ читать; однакожъ носилъ ее всегда съ собою, и часто въ нее смотрѣлъ. Гнавъ стадо, видитъ человѣка, которой сидя подъ деревомъ читаетъ. Никій позавидовалъ его благополучію и великимъ дарованіямъ. Досадуя на свою непросвѣщенность, онъ подходитъ къ незнакомцу, и безъ всякихъ околичностей проситъ его открыть ему чудную науку узнавать чу-

жія мысли посредствомъ маленькихъ чертъ на папировыхъ листахъ. „Вотъ книга, которую я нашелъ, прибавилъ онъ; дорого бы я заплатилъ, чтобъ знать, что въ ней написано. Все мое богатство состоитъ въ этой ветхой епанчѣ; однакожъ я выработываю по нѣскольку оболовъ на день; я отдамъ ихъ тебѣ за трудъ твой. — А что будешь ѣсть? — Хлѣбъ да воду. — На что тебѣ умѣть читать? — Хочу учиться Астрономіи. Три мѣсяца уже, какъ я ломаю себѣ голову, доискиваясь, отъ чего солнце обтекаетъ иногда большой, а иногда маленькой кругъ; куда оно прячется; гдѣ бываетъ ночью; не могу понять, а это меня мучитъ.“ Незнакомецъ удивясь догадкѣ и природнымъ дарованіямъ молодаго пастуха, обѣщался выучить его читать, и велѣлъ ему приходить къ себѣ всякой вечеръ; онъ жилъ въ двухъ стадіяхъ отъ пастушьей хижины. Съ наступленіемъ каждой ночи Никій бѣгалъ къ своему учителю, и употребилъ столько прилѣжанія, что черезъ три недѣ-

ли не имѣлъ уже нужды въ наставникѣ; онъ чертилъ письмена на пескѣ, или вырѣзывалъ на коркѣ деревъ, и всегда цѣлью его ученія была Астрономія. На верхушкѣ большаго дуба слѣпилъ онъ себѣ обсерваторію, и тамъ часто препровождалъ цѣлыя ночи. Не имѣя денегъ на покупку книгъ и Географическихъ картъ, вздумалъ онъ дѣлать маленькія глиняныя изображенія Юноны и боговъ Пенатовъ. Онъ продавалъ ихъ старухамъ, и на этотъ бѣдной доходъ заложилъ основаніе своей библіотеки. Однимъ днемъ, когда онъ былъ посреди своихъ барановъ, съ книгою въ рукѣ, и окруженъ Географическими картами, человѣкъ благороднаго вида, удивясь такой несообразной съ состояніемъ и одеждою молодаго пастуха учености, подходитъ къ нему и спрашиваетъ его, чѣмъ онъ занимается? — Учусь Астрономіи. — А каковъ успѣхъ? — Теперь еще я очень не много знаю; но клянусь Юпитеромъ, что со временемъ буду знать гораздо больше. Мнѣ уже извѣстно, что луна обращается вкругъ зем-

ли въ двадцать семь дней. — Этого уже довольно; а какимъ образомъ узналъ ты теченіе луны? — Сперва долго я на нее смотрѣлъ; видѣлъ, что опускается, и какъ будто катится за лѣсъ; нѣсколько разъ я бѣгалъ, чтобъ подойти къ ней ближе, но къ удивленію моему она всегда равно была далека отъ меня. Я слѣдовалъ за ея теченіемъ, и еще больше удивился, когда увидѣлъ, что она всходитъ и заходитъ въ разные часы. Такимъ образомъ учился я два года, не имѣя другаго наставника, кромѣ глазъ своихъ. Я замѣтилъ, что звѣзды никогда не перемѣняютъ положенія; однакожъ звѣзда Венерина привлекла мое вниманіе; мнѣ показалось, что она также какъ луна имѣетъ особливое теченіе. Долго не видно ее было; наконецъ явилась опять, только вмѣсто вечерней звѣзды сдѣлалась утреннею. Равнымъ образомъ слѣдовалъ я и за солнцемъ, котораго восхожденіе и захожденіе также всякой день перемѣняется. Я замѣтилъ то и другое двумя колышками. —

Ты, кажется, малой умной. Я хочу сдѣлать твое щастіе. — Благодарю; но я своимъ состояніемъ доволенъ. — А! это другое дѣло. По скольку же ты въ день выработываешь? — По стольку же, какъ и Поликратъ Тиранъ Самоской. — Право? поздравляю тебя, мой другъ. А какъ ты по стольку выработываешь? — Онъ выработываетъ, сколько ему надобно на его прожитокъ, и я тоже." — Тутъ окружила неизвѣстнаго человѣка многочисленная и блистательная свита; подходятъ къ нему съ почтеніемъ и цѣлуютъ у него руку. Никій встаетъ, но встаетъ не испужавшись, не оробѣвъ, не смутясь. Тогда Тиранъ Самоской (потому что то былъ самъ Поликратъ) сказываетъ о себѣ молодому пастуху, и предлагаетъ ему взять его съ собою въ столицу, обѣщая отдать учиться, и послѣ отправить въ Мемфисъ, или въ Аѳины. Никій долго колебался: онъ страстно любилъ знанія, но свобода была ему еще милѣе. Поликратъ увѣрялъ его, что онъ останется свободнымъ, и Никій на этомъ

условіи согласился. По пріѣздѣ въ Самосъ началъ онъ учиться съ такимъ прилѣжаніемъ и успѣхомъ, что черезъ два года Поликратъ отправилъ его путешествовать въ Халдею, въ Египетъ и въ Грецію. По возвращеніи онъ наименовалъ его своимъ Астрономомъ, помѣстилъ его во Дворцѣ, и далъ ему весьма хорошее содержаніе. Но ни воздухъ двора, ни прелесть роскоши, и нѣга не сдѣлали перемѣны во нравахъ этаго пастуха Философа; онъ продолжалъ вести такую же воздержную, такую же суровую жизнь, какъ и прежде. Доска служила ему постелею; не было у него опредѣленнаго часа для трапезы: онъ ѣлъ ходя сыръ, молоко и овощи. Теперь надобно описать вамъ Поликрата. Природа одарила его великими способностями и чрезмѣрнымъ честолюбіемъ. Онъ обольстилъ двухъ своихъ братьевъ и умыслилъ съ ними противъ отечества. Въ день Юнонина праздника предводительствуя заговорщиками, напали они на собравшихся вокругъ храма Самосцевъ, побили великое изъ нихъ число, прочихъ

прогнали и овладѣли цитаделью. Послѣ чего братья раздѣлили между собою правленіе; но Поликратъ скоро сбылъ ихъ съ рукъ обоихъ: одинъ казненъ, а другой отправленъ въ ссылку.

Этотъ Тиранъ правительствовалъ съ великимъ искусствомъ и политикою. Онъ задобрилъ войско, которое за деньги Деспота всегда бываетъ ему предано; улещалъ народъ праздниками и зрѣлищами; захватилъ Государственные доходы, не уважа и собственности гражданъ. Имѣя ложь въ устахъ, говорилъ о праводушіи, величалъ передъ народомъ вольность его, и обременялъ народъ цѣпями; выхвалялъ добродѣтель, и развращалъ нравы. Совсѣмъ тѣмъ однакожъ Поликратъ имѣлъ нѣсколько блистательныхъ качествъ; онъ упражнялся въ наукахъ и художествахъ, и покровительствовалъ ихъ какъ изъ тщеславія, такъ и по склонности. Онъ искалъ великихъ людей, хотѣлъ знать ихъ сочиненія: всѣ произведенія отличныхъ дарованій находили пристанище въ его Библіотекѣ. Пифагоръ, Анакреонъ, и потомъ Никій,

прельстясь пріятностями разума его, простили ему, что онЪ ДеспотЪ, и помѣстили Философію вЪ его чертогахЪ.

ПоликратЪ, которому бесѣда *лѣснаго Философа* (такЪ онЪ называлЪ Никія) весьма полюбилась, говорилЪ ему однажды, сЪ удивленіемЪ и благодарностью кЪ богамЪ, о неизмѣнномЪ своемЪ щастіи, и что онЪ во всю жизнь не имѣлЪ еще никакой непріятности. Никій представилЪ ему, что его положеніе тѣмЪ опаснѣе на будущее время, потому что фортуна рано или поздо беретЪ дань со всякаго человѣка. ОнЪ совѣтовалЪ Поликрату разплатиться сЪ злою богинею какимЪ нибудь добровольнымЪ нещастіемЪ. ТиранЪ повѣрилЪ. БылЪ у него вЪ кольцѣ рѣдкой изумрудЪ, которой онЪ за рѣзьбу славнаго художника очень любилЪ; онЪ поѣхалЪ гулять на галерѣ, и бросилЪ его вЪ море. Нѣсколько дней спустя рыбаки поймали рыбу чрезвычайной величины, и принесли ее на Царскую кухню. Когда ее разрѣзали, то нашли вЪ ней Поликратовъ изумрудЪ. ТиранЪ внѣ себя отЪ

радости и удивленія вскричалъ: „Я избалованное дитя фортуны: она хочетъ выключить меня изъ общаго закона." Но мудрой Никій, вмѣсто того, чтобъ сорадоваться своему благодѣтелю, началъ съ тѣхъ поръ трепетать о его судьбѣ. Онъ помаленьку передѣлалъ весь свой капиталъ въ наличныя деньги, и отправилъ ихъ въ Мемфисъ, куда въ случаѣ бури намѣренъ былъ переселиться.

Событіе оправдало его предвидѣніе. Шесть мѣсяцевъ послѣ того Оретесъ, одинъ изъ Камбизовыхъ Сатраповъ, которой начальствовалъ въ Сардахъ, замысля овладѣть островомъ Самосомъ, велѣлъ сказать Поликрату, что онъ будучи недоволенъ правительствомъ, желаетъ перейти къ нему со всѣми своими сокровищами, и естьли Поликратъ согласится дать ему у себя убѣжище, то онъ даритъ ему половину своего имѣнія; а для переговоровъ и условія звалъ Тирана къ себѣ. Нажива прельстила корыстолюбиваго Поликрата; но будучи самъ человѣкъ искусной, не любилъ ввѣряться слѣпо; онъ

отправилъ къ Оретесу Депутата, который приказалъ смотрѣть на все примѣчательными глазами, и стараться проникнуть въ душу Сатрапа. Оретесъ будучи не меньше хитръ, велѣлъ класть на суда въ присутствіи Депутата бочки, въ которыхъ, говорилъ онъ, лежатъ его сокровища; но которыя вмѣсто того наполнены были всякою дрянью, прикрытою только позолотою. Депутатъ обманутъ и обманулъ Поликрата. Тиранъ отправился, не взирая на прозьбы дочери своей, которой онъ въ досадѣ сказалъ: „Естьли я возвращусь благополучно, то не бывать тебѣ за мужемъ. — Желаю, отвѣчала она, чтобъ угрозы ваши исполнились: я лучше хочу остаться на всю жизнь дѣвкою, нежели лишиться родителя.“ Какъ скоро жестокой Оретесъ увидѣлъ его въ своей власти, то велѣлъ схватить и распять на крестѣ. Такимъ образомъ этотъ преславной Государь, этотъ всегдашній любимецъ щастія, окончилъ напослѣдокъ блистательную жизнь свою позорною смертью.

Какъ скоро извѣстіе о семъ ужасномъ произшествіи достигло въ Самосъ, Никій тотчасъ отправился въ Мемфисъ. Онъ жилъ тамъ какъ истинной Философъ: сидя безпрестанно въ своемъ кабинетѣ, занимался единственно Астрономіею и Геометріею, которыя тогда процвѣтали въ Мемфисѣ. Его знанія и открытія въ Астрономіи сдѣлали ему великую славу. Онъ посредствомъ солнечной тѣни опредѣлилъ различныя высоты полуса; увидѣлъ, что чѣмъ ближе подходишь къ сѣверу, тѣмъ солнечная тѣнь прибываетъ въ долготу; и заключилъ изъ того, что высота солнца надъ горизонтомъ сдѣлалась менѣе, что наблюдатель на сѣверѣ стоитъ не на равной плоскости съ наблюдателемъ на югѣ, и что слѣдовательно земля кругловатой фигуры. Увѣрили его въ томъ еще болѣе лунныя затмѣнія (потому что тогда тѣнь земли кажется на лунѣ всегда круглою) и ходъ кораблей, которые скрываются не вдругъ, но помаленьку. Онъ сдѣлалъ изчисленіе, что Венера встрѣчается съ Солнцемъ всякіе

девятнадцать мѣсяцовъ, и что тогда находится она въ ближайшемъ своемъ разстояніи отъ земли, отъ чего за 36 дней до того и 36 дней послѣ она блистаетъ гораздо ярчѣе обыкновеннаго.

Передъ наступленіемъ лѣтняго поворота сдѣлалъ онъ путешествіе въ Сіенну (городъ, лежащій вертикально подъ тропикомъ рака), чтобъ видѣть славной колодезь, надъ которымъ солнце въ день поворота проходитъ перпендикулярно. Въ самомъ дѣлѣ въ тотъ день, ровно въ двенадцать часовъ, онъ видѣлъ въ водѣ полное изображеніе сего свѣтила, и во всемъ городѣ не было ни малой черты тѣни, что и подтвердило ему его прямое положеніе подъ тропикомъ. Этотъ дикой Философъ, которой до того времени покрытъ эгидою Минервы, отражалъ стрѣлы любви и красоты, покорился наконецъ ихъ власти. Однимъ днемъ, послѣ обѣда, какъ онъ гуляя по полю, занимался восхожденіемъ Плїядъ или Юпитера, пріятные звуки женскихъ голосовъ возвратили мысль его на землю. Онъ смо-

тритъ и видитъ, что не далеко отъ него на одномъ изъ маленькихъ Нильскихъ каналовъ молодыя дѣвки моютъ одежды. Онъ остановился послушать ихъ пѣнія; но или отъ застѣнчивости, или изъ лукавства онѣ умолкли. Съ перваго взгляда каждая изъ нихъ показалась ему прелестною Нимфою; но когда онъ подошелъ ближе, то все его вниманіе устремилось только на одну. Она была какъ Галатея среди Нереидъ: длинныя рѣсницы, большіе черные глаза, налитые влагою сластолюбія, взглядъ плѣнительной, прекрасные волосы, ростъ посредственной, но станъ легкой, гибкой и стройной: вотъ прелести той, которой опредѣлено было отворить Никіево сердце любви. Дѣйствіе заразъ ея было тѣмъ скоропостижнѣе, что, говоря вообще, Египтянки не могутъ похвалиться красотою. Никій сдѣлалъ ей нѣсколько вопросовъ, и былъ доволенъ ея отвѣтами. Она сказала ему, что моетъ только на себя и на отца своего; что домъ ихъ не далеко; что она дѣло свое кончила,

и естьли ему угодно, то поведетъ его къ отцу своему. Никій, который зналъ Омира наизусть, вспомнилъ, что такъ точно Царевна Навсика мыла одежды Алкиноевы. Его разгоряченное воображеніе представляло ему прекрасную Египтянку то дщерью Царя, то Нимфою Діанина двора. Онъ согласился на ея предложеніе, и принялъ часть ея ноши на себя. Дорогою онъ спросилъ ее, имѣетъ ли она мужа? — „Нѣтъ; мнѣ еще только шестнадцатой годъ, не для чего торопиться. Правда, что старшая моя сестра вышла двенадцати лѣтъ, а другая, двоюродная, которой не давно еще пошелъ одиннадцатой годъ, выдана недѣлю тому назадъ.„ Потомъ она сказала ему, что имя ея *Деифила*, а отца ея зовутъ *Бохорисомъ*. Они нашли его въ маленькомъ саду, украшенномъ дикими смоковницами и пальмовыми деревами. Египтянинъ весьма обрадовался, что великій Астрономъ, о которомъ всѣ уже знали, удостоилъ его посѣщенія. Онъ былъ самой ревностной обожатель Аписа и Анубиса, и имѣлъ глубокое

почтеніе къ крокодиламъ, кошкамъ и аистамъ. Онъ показалъ Никію въ саду своемъ уголокъ земли, посвященной его кошкамъ. „Я ихъ питаю, сказалъ онъ, хлѣбомъ изкрошеннымъ въ молоко, а иногда даю имъ Нильской рыбы.“ Потомъ онъ говорилъ о великомъ Озиридѣ и братѣ его Тифонѣ. Никій часто перерывалъ рѣчь его, и начиналъ говорить съ Деифилою. Бохорисъ просилъ его, чтобъ онъ въ слѣдующій день у него отъужиналъ. „Я васъ накормлю свининою; завтра полнолуніе; вы знаете, что въ этотъ день только мы можемъ ѣсть свинину.„ Никій провелъ вечеръ очень пріятно, и пришедъ домой, думалъ только о любезной своей Египтянкѣ; онъ промѣнялъ бы охотно Венерину звѣзду, Марса, большую и малую Медвѣдицу на удовольствіе провести ночь въ разсмотрѣніи новаго Феномена, усмотрѣннаго имъ на земли. Такое чудное для него положеніе сердца удалило сонъ. Не зная тѣхъ тонкихъ и нѣжныхъ угожденій, которыя прельщаютъ и уловляютъ красавицъ, не видѣлъ онъ

другаго средства, кромѣ супружества. Но Философъ, Астрономъ еще полудикой, долженъ ли былъ подклонить вью свою подъ такое тяжелое ярмо, а особливо живъ до того времени въ совершенной независимости? Сіи размышленія волновали духъ его: съ одной стороны Гименъ показывалъ ему удовольствія и сладости, а съ другой заботы и цѣпи.

Въ этой жестокой нерѣшимости онъ пошелъ въ поле, чтобъ гуляя на чистомъ воздухѣ, успокоить духъ свой и одумать что предпріять. Встрѣтился съ нимъ одинъ изъ его пріятелей, человѣкъ, которой не выдавая себя за Философа, имѣлъ однакожъ разсужденіе здравое и понятіе правильное. Никій сдѣлалъ ему довѣренность въ любви своей, и просилъ мнѣнія его о супружествѣ. „Естьли бы ты предпринялъ путешествіе нѣсколько дальнее, то одинъ ли бы лучше желалъ быть, или съ другомъ? — Какой вопросъ! всего скучнѣе путешествовать одному! присутствіе друга услаждаетъ всякое огорченіе, облегчаетъ всякой трудъ; а удо-

вольствіе вдвое пріятнѣе, когда имѣешь, кому его сообщить. — И такЪ, мой другЪ! вотЪ рѣшеніе твоей задачи. Жизнь дорога бойкая и кривая, усыпанная каменьями, лежащая черезЪ дикія степи, по которой однакожЪ встрѣчаются изрѣдка мѣста плодородныя и пріятныя. По этой дорогѣ надобно необходимо ѣхать. Естьли имѣешь подругу, то она раздѣляетЪ сЪ тобою всѣ забавы и труды путешествія.“ ВЪ ту самую минуту увидѣли они мужика сЪ бабою вЪ самомЪ жаркомЪ спорѣ. МужикЪ пользуясь правомЪ сильнаго, началЪ бабу бить. Никій сЪ помощью пріятеля своего отнялЪ ее, и спросилЪ грубіяна о причинѣ его поступка: „Это жена моя, хочу ее исправить: она зла, своенравна, лѣнива, вздорлива; мнѣ уже скучно стало терпѣть отЪ нее.“ Жена сЪ своей стороны увѣряла, что мужЪ ея ревнивецЪ, пьяница, скупецЪ, и что она не хочетЪ больше жить сЪ нимЪ. НикіевЪ пріятель предложилЪ имЪ, чтобЪ они разошлись дружески. КакЪ тотЪ, такЪ и другая

съ удовольствіемъ на то согласились. Тогда Никій сказалъ своему пріятелю: „Видишь, мой другъ, что еще лучше путешествовать одному, нежели взять подругу, чтобъ было съ кѣмъ ссориться и драться. — Подожди до завтра; можетъ быть перемѣнишь свое мнѣніе.“ Никій провелъ ночь въ волненіи духа, въ нерѣшимости между любовью и разсудкомъ. Поутру онъ побѣжалъ тотчасъ къ своему пріятелю, и нашелъ у него вчерашняго крестьянина: онъ пришелъ просить Никіева пріятеля о примиреніи его съ женою, и увѣрялъ, что не смотря на всѣ ея пороки, она ему мила какъ душа, и что ему не хочется жить какъ совѣ одному. Никіевъ пріятель послалъ тотчасъ за женою, и спросилъ ее, не отмѣнила ли она своего намѣренія разойтись съ мужемъ. Тогда она залилась слезами, и призналась, что всю ночь не спала, и что хотя мужъ ея во многомъ дуренъ, и не рѣдко бываетъ передъ нею виноватъ, однакожъ она не можетъ жить безъ него. Мужъ бросился цѣловать ее; су-

пруги помирились и пошли домой въ великой радости. „Ну, теперь какъ ты думаешь о бракѣ и его буряхъ? спросилъ Никія Египтянинъ. — Мнѣ кажется, что бракъ похожъ на Греческой климатъ; бываютъ туманы, облака, грозы; но бываютъ и ясные, пріятные дни. Я рѣшился; хочу жениться.„ Онъ тотчасъ пошелъ къ Бохорису, это было въ день полнолунія. Ѣли свинину подъ пальмовыми деревами. Послѣ ужина Бохорисъ гуляя съ Никіемъ по саду, спросилъ его, смотрѣлъ ли онъ прошедшую ночь на звѣзды? — Нѣтъ, отвѣчалъ Никій; я занимался любезною вашею дочерью. Мнѣ снилось, что я гуляю съ нею по Нильскому берегу. Проснувшись разсудилъ я, что послѣ такой ночной и уединенной прогулки съ молодою дѣвушкою честь требуетъ просить ее у васъ въ супружество.“ Бохорисъ согласился съ великою радостью. „Вашего согласія не довольно, сказалъ Философъ; я хочу согласія прелестной Деифилы. — А я увѣренъ, что вы его получите. Да вотъ она хо-

дитъ задумавшись; подите къ ней.“ Никій подошелъ, и оба остановясь другъ противъ друга молчали. Астрономъ былъ столько новъ, что не зналъ, чѣмъ начать. Наконецъ онъ собрался съ духомъ, и сталъ ей говорить: „Я не знаю любовнаго языка, и для того скажу вамъ просто, что вы съ перваго взгляда помутили мой разсудокъ. Ни возхожденіе солнца въ прекрасный лѣтній день, ни весна въ блистательнѣйшей своей одеждѣ, ни сіяніе Венериной звѣзды никогда не производили во мнѣ такого сильнаго, такого сладкаго впечатлѣнія, какъ видъ вашихъ юныхъ прелестей. Съ того времени вашъ образъ начертался на моемъ сердцѣ, равно какъ кротость и чувствительность начертаны на глазахъ вашихъ. Удивляясь самъ себѣ, разсматривалъ я свои чувствованія, и увидѣлъ, что я влюбленъ. Или нѣтъ на свѣтѣ ничего вѣрнаго, или отъ васъ зависитъ благополучіе моей жизни. Я уже имѣю согласіе Бохориса; но безъ согласія любезной его дочери оно не значитъ

ничего. Говорите, произносите мой приговорЪ. Естьли ваше сердце меня отвергнетЪ, то я отрекаюсь отЪ любви и обращаюсь опять кЪ звѣздамЪ; естьлижЪ я вамЪ не противенЪ, то дайте мнѣ о томЪ знать прежде, нежели восходящая луна будетЪ надЪ горизонтомЪ.„ Деифила позадумалась; потомЪ удалясь на нѣкоторое разстояніе, сказала: „Вы тотчасЪ получите мой отвѣтЪ,“ и начертя тросточкою нѣсколько словЪ, убѣжала. Никій подошелЪ и чрезвычайно обрадовался, прочитавЪ: *Не льзя васЪ не любить.*

ОнЪ возвратился домой благополучнѣйшимЪ изЪ смертныхЪ; но вЪ ночь приключилась ему жестокая индигестія. ВЪ удовольствіе Бохорису и любезной Деифилѣ онЪ наѣлся свинины, не употреблявЪ мяса никогда. ТотчасЪ явились кЪ нему три врача; онЪ звалЪ только одного; но порядокЪ требовалЪ, чтобЪ были неотмѣнно трое: одинЪ для лѣченія отЪ колики, другой отЪ головной боли, третій отЪ лихорадки. ТаковЪ былЪ у ЕгиптянЪ обычай: врачу не позволялось

лѣчить болѣе одной болѣзни; для каждаго недуга былъ особливой врачь. Никій поступилъ по собственному своему разсужденію, и выздоровѣлъ.

Онъ тотчасъ побѣжалъ къ Деифилѣ и просилъ о скорѣйшемъ заключеніи брака. Срокъ назначенъ ему во второй день полнолунія. Никій ожидалъ этого дня со всею нетерпѣливостью любовника, которой стоитъ близь самаго предѣла своего благополучія. Но одно нещастное приключеніе сдѣлало неожидаемую остановку. Въ назначенной день Никій сіяя, какъ Тиѳонъ, когда Аврора возвратила ему молодость, пришелъ къ будущему своему тестю. Увы! онъ нашелъ въ домѣ его печаль и ужасъ. Бохорисъ и Деифила брили себѣ брови, рыдали, выли, разили себя въ грудь. Никій испужавшись, спрашиваетъ о причинѣ такой жестокой горести. Сказываютъ ему, что одна изъ домашнихъ кошекъ умерла скоропостижною смертью. Извѣстно, какое Египтяне имѣютъ къ сему животному почтеніе. Покойницу обвернули въ полотно, и

отправили къ Тарихеямъ, которые должны были набальсамить и похоронить ее въ священныхъ монументахъ.

Свадьба отсрочена до прошествія траура. Наконецъ время всегда текущее привело и сей щастливой день. Бохорисъ далъ большой пиръ. Въ продолженіе стола, когда веселіе блистало на всѣхъ лицахъ, внесли по обыкновенію гробъ съ деревяннымъ подобіемъ мертвеца. Тотъ, которой несъ его, подходя къ каждому изъ собесѣдниковъ, говорилъ: „Взгляни на этого человѣка; ты будешь таковъ же. Между тѣмъ пользуйся жизнію, пей и веселись.“

Сей обычай не тщетной обрядъ. Въ немъ заключается совѣтъ весьма философической, тотъ, что надобно не только успѣвать наслаждаться пріятностями краткой нашей жизни, но и жить въ мирѣ и любви съ ближними, и полагать собственное свое благополучіе въ благополучіи общемъ.“

ГЛАВА XXV.

Второй вечеръ.

Продолженіе Никіевой Исторіи. О Инициціаціи (*) въ Египтѣ. Объ Орфеѣ.

Никій взялъ жену напитанную суевѣріями; она всегда была обвѣшана ладонками и талисманами. Философія нашего Астронома скоро освободила ее отъ всѣхъ такихъ глупостей, и растолковала ей, что милость боговъ и спокойствіе душевное пріобрѣтаются единственно непорочными нравами и добродѣтелями. Ихъ жизнь текла долгое время въ пріятной, въ сладкой тишинѣ. Хотя Никій не нашелъ въ своей подругѣ того просвѣщенія, тѣхъ знаній, которыя сближили бы ихъ даже упражненіями и образомъ мыслей, и сдѣлали

(*) Принятіе въ число знающихъ нѣкоторыя священныя таинства, сокрытыя отъ непросвѣщенныхъ, и обряды съ тѣмъ принятіемъ соединенные. Въ нашемъ языкѣ нѣтъ сего слова.

бы ихъ связь еще тѣснѣе, еще пріятнѣе; но какъ истинной Философъ, онъ имѣлъ къ ней все то снисхожденіе, какое должно имѣть къ смиренному невѣжеству и слабости, а особливо когда сія дремота разума замѣнена хорошими качествами сердца.

Деифила неотступно упрашивала его, чтобъ онъ просвѣтился священными таинствами. Бохорисъ будучи столько же суевѣренъ, и самъ изъ числа просвѣщенныхъ, подкрѣплялъ дочернія прозьбы всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ. „Это утвердитъ, говорилъ онъ Никію, благополучіе твое и въ сей жизни и въ будущей. Потребна только смѣлость. Искусъ труденъ и страшенъ; но естьли не оробѣешь, то славная пальма увѣнчаетъ твою твердость.„ Никій былъ истинной Скептикъ; но любопытство, желаніе узнать таинства, столько славныя, заставили его рѣшиться на предпріятіе, котораго большая часть людей ужасались. Я принесъ вамъ рукопись, въ которой онъ описываетъ разные искусы Инициціи. Сочиненіе,

весьма рѣдкое, и которое достать стоило мнѣ великаго труда; оно было причиною его смерти. Я стану читать:

„Прежде нежели мы пошли во храмъ, гдѣ наставляютъ въ таинствахъ, тесть мой припомнилъ мнѣ еще, что я подвергаюсь великимъ опасностямъ, и что жизнь моя зависитъ единственно отъ смѣлости. Я отвѣчалъ ему, что намѣреніе мое принято, и что онъ можетъ на меня надѣяться. Мы отправились, взявъ съ собою свѣтильникъ и огниву, и пришли къ пирамидѣ уже ночью. Взошедъ шестнадцать ступеней, нашли отверзтіе въ три квадратные фута, за которымъ открылся путь столько тѣсной, что надлежало ползти. Я шелъ съ огнемъ впереди. Многими излучинами добрались мы напослѣдокъ до одного весьма широкаго колодца. Я углубилъ въ него взоръ свой, и при слабой помощи свѣтильника видѣлъ только бездну и совершенную темноту. Сей видъ оледенялъ ужасомъ, и часто остановлялъ людей самыхъ предпріимчивыхъ. Бохо-

рисЪ, чтобЪ проникнуть вЪ мое сердце, смотрѣлЪ на меня долго, не говоря ни слова; но видя мою твердость, взялЪ свѣтильникЪ, поставилЪ его себѣ на голову, пустилЪ одну ногу вЪ колодезь, сталЪ на желѣзную ступеньку, которой за темнотою я не примѣтилЪ, вошелЪ весь вЪ отверстіе, спустился на другую ступеньку, потомЪ на третью, и такЪ далѣе. Я слѣдовалЪ за нимЪ. ДостигнувЪ до шестидесятой ступеньки, мы нашли окно ведущее вЪ путь просѣченной вЪ камнѣ, и низходящей винтовою линіею на сто двадцать четыре фута глубины. СимЪ путемЪ дошли мы до двери изЪ двухЪ мѣдныхЪ рѣшетчетыхЪ створовЪ. Мы растворили ихЪ очень легко; но они затворясь за нами сами собою, издали громкой звукЪ, распространившійся по всему зданію. Тогда мы находились на самомЪ днѣ колодца, на сто пятдесятЪ футовЪ глубины. НасупротивЪ сей двери была другая изЪ желѣзной рѣшетки. Сквозь ее увидѣлЪ я предлинной путь, вдоль котораго по лѣвой сторонѣ про-

стирались освѣщенныя множествомъ огней аркады. Я услышалъ гармонную музыку и пѣніе мужескихъ и женскихъ голосовъ. „Этотъ путь, сказалъ мнѣ Бохорисъ, идетъ подъ другими пирамидами, которыя служатъ гробницами; а аркады ведутъ къ подземному храму, гдѣ отправляются повсеночно жертвоприношенія и обряды, которыхъ я еще не могу тебѣ открыть. Однакожъ пора намъ отдохнуть, а тебѣ обдумать свое намѣреніе.„ Мы сѣли на каменную лавку. Съ почтительнымъ ужасомъ созерцалъ я огромное великолѣпіе сихъ пространныхъ пещеръ, куда кромѣ жрецовъ и наставленныхъ въ таинствахъ ни единъ изъ смертныхъ не дерзаетъ вступить. Я спросилъ Бохориса: „Человѣки или боги ихъ соорудили? – Наши Цари; но эта работа орошена потомъ и кровью ихъ подданныхъ. Сколько погибло тутъ людей!„ по краткомъ молчаніи Бохорисъ сказалъ мнѣ: „Выбирай. Вотъ сѣверная дверь, въ которую мы вошли, и вотъ восточная, которая ведетъ на

дорогу паралельную аркадамЪ, еще затвореннымЪ для тебя. — ПойдемЪ, отвѣчалЪ я.„ Мы вступили вЪ путь шириною вЪ шесть футовЪ. МимоходомЪ прочелЪ я на фронтонѣ одной изЪ аркадЪ: *ВсякЪ, кто дерзнетЪ шествовать по темнымЪ симЪ путямЪ одинЪ и не ужаснется, — тотЪ увидитЪ паки свѣтЪ, очистится огнемЪ, воздухомЪ и водою, и допущенЪ будетЪ кЪ познанїю священныхЪ таинствЪ богини Изиды.* Сія надпись изсѣчена черными письменами на весьма бѣломЪ мраморѣ.

ТутЪ БохорисЪ обЪявилЪ мнѣ, что ему не позволено провожать меня далѣе, и что настоитЪ минута, вЪ которую я могу еще возвратиться; но что естьли подвинусь впередЪ хотя на одинЪ шагЪ, то уже долженЪ буду неминуемо продолжать своей путь. Я отвѣчалЪ, что не почитаю себя боязливѣе всѣхЪ моихЪ предшественниковЪ. Тогда мы простились. Я взялЪ отЪ него свѣтильникЪ; а онЪ, обнявЪ меня, совѣтовалЪ мнѣ, чтобЪ я не полагался на одну неустрашимость, но употреб-

ялЪ бы и проворство. Я не зналЪ, что онЪ будетЪ еще издалека за мною слѣдовать; таково было правило; естьли бы предпріявшій подвигЪ занемогЪ, или оробѣлЪ, то вЪ такомЪ случаѣ вождь выводилЪ его назадЪ, и именемЪ Изиды запрещалЪ ему являться вЪ которой бы то ни было изЪ двенадцати ЕгипетскихЪ храмовЪ. Я прошелЪ при свѣтѣ моего свѣтильника болѣе мили. Тьма, безмолвіе, ужасЪ меня окружали. На каждомЪ шагу мечтались мнѣ страшилища, но призракЪ изчезалЪ по мѣрѣ моего кЪ нему приближенія. НаконецЪ достигЪ я до желѣзной двери, передЪ которою стояли три человѣка вЪ шишакахЪ, накрытыхЪ Анубисовою головою; ростЪ ихЪ показался мнѣ страшной величины. Я вздрогнулЪ и остановился; но скоро ободрясь, осмѣлился посмотрѣть на нихЪ пристальнѣе. Тогда одинЪ изЪ трехЪ сказалЪ мнѣ: ты можешь еще возвратиться; но естьли рѣшась итти далѣе отступишь хотя на одинЪ шагЪ, или взглянешь назадЪ, то погибнешь." Не

отвѣчавъ ничего, я пошелъ впередъ, и стражи отворили мнѣ двери. Бохорисъ сказывалъ мнѣ послѣ, что на семъ мѣстѣ онъ дѣйствительно меня оставилъ. Прошедъ нѣкоторое разстояніе, увидѣлъ я въ концѣ пути яркое, извивающееся пламя. Я ускорилъ шаги свои, и пришелъ къ храминѣ во сто футовъ высоты и столько же широты. Внутри около стѣнъ ея стояли пылающія дерева, обвитыя вѣтвями Аравійскаго бальсама, Египетскаго терновника и таморина. Дымъ исходилъ длинными трубами. Сія храмина походила на горящую печь. Между деревами лежала раскаленная желѣзная рѣшетка, которой косые квадраты едва оставляли мѣсто, гдѣ ступить. Другой дороги не было. Я не задумался, поставилъ одну ногу въ рѣшетку, потомъ другую, и такимъ образомъ робкимъ и дрожащимъ шагомъ переступалъ изъ квадрата въ квадратъ. Прошедъ сквозь сей искусъ благополучно, нашелъ я передъ собою быструю сердитую рѣку, которой шумъ соединяясь съ шумомъ пламени, усугу-

вляль ужасъ. За рѣкою усмотрѣлъ я подъ сводомъ лѣсницу съ желѣзными по обѣимъ сторонамъ перилами, ступени терялись въ темнотѣ. Я видѣлъ, что не льзя миновать сей дороги. Между тѣмъ пламя начало ослабѣвать, а свѣтильникъ мой отъ недостатка воздуха посреди огня погасъ. Я зажегъ его опять, скинулъ съ себя одежду, привязалъ ее поясомъ своимъ себѣ на голову и бросился въ рѣку. Переплывъ на другой берегъ, одѣлся, пошелъ по лѣсницѣ и добрался до площади въ шесть футовъ длины и три фута широты. Полъ былъ подвижной, а стѣны мѣдныя, и по обѣимъ сторонамъ было по одному большому колесу изъ того же металла. Ступицы лежали въ стѣнахъ, а на верхней части колесъ висѣли толстыя цѣпи. Надъ головою у меня были три пространныя темныя пустоты, а впереди дверь, обложенная самою чистою слоновою костью. Я много разъ пытался отворить ее, но тщетно, и не зналъ что дѣлать. Напослѣдокъ вижу вверху на двери два

очень свѣтлыя кольца; пришло мнѣ въ мысль, не отворится ли дверь, естьли ихъ потянуть. Сей искусъ былъ послѣдній, но страшнѣе всѣхъ прочихъ. Лишь только я хватился за кольца, тотчасъ колеса пришли въ движеніе и начали вертѣться съ ужаснымъ громомъ. Я думалъ, что весь адъ застоналъ, или что нашъ міръ столкнувшись съ другимъ міромъ, разсыпается въ куски. Сердце во мнѣ замерло; оцѣпенѣвъ отъ страха, я стоялъ неподвижно. Не прошло минуты, какъ я почувствовалъ, что полъ поднимается и сильно меня толкаетъ; между тѣмъ вѣтеръ, причиненной скорымъ движеніемъ колесъ, дулъ въ меня съ чрезвычайнымъ стремленіемъ. Тогда я призвалъ всю свою твердость и уцѣпился за кольцо. Свѣтильникъ выпалъ у меня изъ руки и погасъ; я остался въ глубокой тмѣ, вися можетъ быть надъ бездною. Звукъ становился отчасу ужаснѣе. Я ожидалъ, что все сіе зданіе разрушась, погребетъ меня подъ развалинами. Наконецъ шумъ мало по малу

утихъ ; я чувствовалъ, что опускаюсь ; дверь пришла въ прежнее положеніе ; тогда обѣ половинки растворились и открыли мѣсто освѣщенное множествомъ огней.

Солнце начинало всходить. Я усмотрѣлъ быка Аписа сквозь рѣшетку его стойла, и съ удивленіемъ увидѣлъ, что я вылезъ изъ подъ педестала тройной статуи Озирида, Изиды и Ора. Тутъ приняли меня жрецы, стоявшіе въ двѣ шеренги позади жертвенника. Изключая жрецовъ Озирида, на которыхъ были шапки, испещренныя множествомъ глазъ, всѣ прочіе имѣли головы бритыя и обнаженныя. На молодыхъ жрецахъ нижняго чина не было другой одежды, кромѣ короткихъ надрагъ только до колѣна. У прочихъ надраги простирались до пятъ. Пояса сихъ надрагъ украшены были Іероглифическими изображеніями. Жрецы вышняго чина одѣты были въ ризы длинныя и тѣсно стянутыя; а на первосвященникахъ и прорицателяхъ одежда была весьма полная, и закрывала ихъ до самыхъ рукъ. Всѣ сіи

жрецы имѣли по классамъ своимъ (равно какъ и боги, которымъ они служили) различныя монисты.

Когда я увидѣлъ себя посреди сего собора, сердце мое начало оживать. Я бросился къ ногамъ верховнаго жреца: онъ обнялъ меня, хвалилъ мою неустрашимость и поздравилъ съ благополучнымъ окончаніемъ подвига; послѣ чего поднесъ мнѣ полную чашу воды, и сказалъ: „Это питье отъ рѣки Леѳы: оно истребитъ изъ памяти твоей всѣ ложныя правила сего свѣта.„ Потомъ поставилъ меня передъ тройственнымъ кумиромъ на колѣна, и возложивъ руку свою на главу мою, произнесъ слѣдующую обыкновенную молитву: „О великая богиня Египтянъ! просвѣти преодолѣвшаго столько трудовъ и опасностей; озари его божественными своими лучами и укрѣпи въ искусахъ души, да удостоится быть допущенъ къ твоимъ таинствамъ!“ Всѣ жрецы ударяя себя въ грудь, повторили за нимъ слова его. Тогда мы встали. Верховной жрецъ напоилъ меня водою Мнемозины, для

того, говорилъ онъ, чтобъ я не забылъ мудрыхъ наставленій, которыя будутъ мнѣ преподаны. За сими обрядами послѣдовала гармонная музыка; молодые жрецы пѣли гимны въ честь Изидѣ; а по окончаніи пѣнія отвели меня въ жилье, откуда до открытія таинствъ запретили мнѣ выходить.

Я узналъ уже послѣ, что естьли бы прошедъ за дверь, передъ которою стояли стражи, вздумалъ я поворотиться назадъ, то сіи три человѣка второй статьи схватили бы меня и на всю мою жизнь заключили въ подземные храмы. Жрецы не хотятъ, чтобъ предпринимающіе подвигъ могли разгласить искусы. Такимъ же образомъ поступали и съ тѣми, которые останoвлялись у рѣки. Естьли они занемогли, или подвергались какой опасности, то давали имъ помощь, но также ихъ заключали. Впрочемъ сіе заключеніе было не жестоко: опредѣляли ихъ во вторую статью, и позволялось имъ жениться на дочеряхъ своихъ товарищей. Но они должны были отписать къ своимъ ро-

дителямЪ или родственникамЪ слѣдующее: „Праведные и милосердые боги наказали нашу дерзость. Пріимите вѣчное наше прощанье. Мы навсегда отлучены отЪ свѣта; но намЪ не тягостно и покойно. Бойтесь и чтите боговЪ.„ По полученіи сего писанія почитали ихЪ умершими; они не говорили ни сЪ однимЪ міряниномЪ. Что касается до послѣдняго искуса, то признаться должно, что не льзя лучше представить смерти во всемЪ ея ужасѣ. Жрецы, ожидающіе подземнаго путешественника вЪ святилищѣ, по первому звуку колесЪ закрывали тотчасЪ всѣ отверзтія; и естьли случалось на тотЪ разЪ быть вЪ храмѣ стороннимЪ людямЪ, то они думали, что боги возвѣщаютЪ громомЪ свое присудствіе. На сей-то послѣдній искусЪ Орфей не дерзнулЪ отважиться; мужество его ему измѣнило; однакожь за нѣжныя его чувствованія и обольстительную пріятность его лиры, онЪ допущенЪ кЪ таинствамЪ. — — — Тогда попросила я Эвдоксія, чтобЪ онЪ разсказалЪ намЪ

эту часть Орфеевой исторіи. Любопытно знать всякое приключеніе такого человѣка, котораго любовь и великія дарованія въ Поэзіи, Музыкѣ и Философіи сдѣлали столько славнымъ. „Вамъ удивительно можетъ быть покажется, сказалъ мнѣ Эвдоксій, что повѣствованіе нашихъ Греческихъ Историковъ о смерти Эвридикиной совершенная ложь. По ихъ мнѣнію эта Нимфа бѣгучи отъ Аристея, которой за нею гнался, ужалена змѣею и отъ того умерла. Но вы увидите, что Аристей ни мало не причиною Эвридикиной смерти, и что онъ не наказанъ за то, какъ они полагаютъ, утратою пчелъ своихъ. Увидите также, что подало поводъ нашимъ стихотворцамъ сложить басню о сошествіи Орфея въ адъ.

Этотъ славной Грекъ, котораго почитали сыномъ Аполлона, потому что онъ получилъ отъ него блистательной даръ сочинять стихи и бряцать на лирѣ, женился на прекрасной Эвридикѣ въ Өессаліи. Вы знаете, что Эвридика еще славнѣе по любви ея къ мужу, не-

жели по красотѣ. Нѣсколько времени послѣ Орфей алкая знаній, и слыша всякой день о глубокой наукѣ Египетскихъ жрецовъ, вознамѣрился для обогащенія своей Поэзіи новыми Идеями, побывать въ Египтѣ, и просвѣтиться священными таинствами. Жена его просила неотступно, чтобъ онъ взялъ ее съ собою. Они сошли на берегъ къ Канопской пристани, а оттуда приплыли каналомъ въ Мемфисъ. Какъ начинало уже темнѣть, то они остановились передъ городомъ въ одной гостинницѣ. Идучи въ нее, Эвридика почувствовала легкое уязвленіе въ пяту, и оставила это безъ вниманія. Но едва вошла въ комнату, какъ началъ ее клонить сильной сонъ. Она сказала мужу, что ей нуженъ покой. Спустя полчаса слышитъ онъ, что она дышетъ очень тяжело. Орфей подходитъ и видитъ, что лице ея распухло и побагровѣло. Онъ будитъ ее, но Эвридика не просыпается. Испужавшись, зоветъ онъ хозяина, кричитъ во весь голосъ. Хозяинъ какъ скоро взглянулъ на больную, то ска-

залъ ему: „жена твоя укушена ядовитымъ животнымъ; нѣтъ спасенія. Надобно было васъ предувѣдомить, что есть бальсамъ, которой навѣрное вылѣчиваетъ всѣ такія укушенія, и что въ Египтѣ не должно никуда ходить, не взявъ этого бальсама съ собою, потому что самое краткое промедленіе дѣлаетъ болѣзнь неизлѣчимою. — Ахъ! вскричалъ Орфей, у меня былъ этотъ бальсамъ, но Эвридика не сказала мнѣ о своемъ нещастіи.„ Она скоро умерла; и какъ Орфей не былъ еще въ Египтѣ извѣстенъ, то и отнесли ее безъ церемоніи въ Катакомбы мумій, обыкновенную могилу живущихъ за городомъ иностранцевъ. Передъ входомъ въ Катакомбы видно озеро Ахерузія, на берегу котораго судятъ умершихъ Египтянъ (иностранцевъ не судятъ и не бальсамятъ). Послѣ того Орфей, ходя всякой день къ Катакомбамъ оплакивать любезную свою Эвридику, услышалъ отъ нѣкоторыхъ Египтянъ, что между Катакомбами и Пирамидами есть подземныя сообщенія, по которымъ души

мертвыхЪ прогуливаются, и что люди, которые не убоялись туда углубиться, слышали ихЪ разговоры и пѣніе. Орфей, предавшись сладкому мечтанію увидѣть тѣнь Эвридики, и можетЪ быть возвратить ее на свѣтЪ, беретЪ свѣтильникЪ, беретЪ свою давно уже забытую лиру, входитЪ сЪ наступленіемЪ ночи вЪ темныя пещеры, и наполняетЪ ихЪ звукомЪ любезнаго ему имени. По долговременномЪ и трудномЪ странствованіи находитЪ онЪ описанной НикіемЪ колодезь, и опускается вЪ него. ДостигнувЪ до рѣшетчетыхЪ дверей, слышитЪ пѣніе, и между многими женскими голосами кажется ему, что познаетЪ голосЪ Эвридики. ОнЪ возтрепеталЪ; три раза зоветЪ Эвридику, любезную свою Эвридику, беретЪ лиру и заставляетЪ ее повторять его стенанія; потомЪ перестаетЪ, прикладываетЪ внимательное ухо: увы! все умолкло. ОнЪ прочелЪ надпись на аркадѣ, и понялЪ, что находится на пути Инициаціи. Разсуждая, что этотЪ путь можетЪ довести его до жилища блажен-

ныхъ душъ, и что познаніе таинствъ было единственнымъ предметомъ прибытія его въ Египетъ, простирается онъ далѣе. Поощренъ любовью и любопытствомъ, проходитъ мужественно сквозь искусы огнемъ и водою; но при громѣ колесъ, при потрясеніи подъемнаго моста, вмѣсто того, чтобъ уцѣпиться за кольца, отступаетъ на лѣстницу. Онъ тотчасъ почувствовалъ свою ошибку, и какъ скоро увидѣлъ, что дверь Педестала отворилась, то взялъ лиру, и рѣшась умереть, пошелъ къ святилищу, воспѣвая боговъ и Эвридику. Музыка его привела въ восхищеніе всѣхъ жрецовъ. Умолкнувъ, онъ сталъ на колѣни и ожидалъ себѣ приговора. Верховной жрецъ, поднявъ его, сказалъ ему: „не кому тебѣ быть, кромѣ славнаго Орфея; твое пѣніе и благозвучность твоей лиры доказываютъ, что ты любишь боговъ, и что боги тебя любятъ. Изида, великая наша богиня, за твое благочестіе прощаетъ слабость твою при послѣднемъ искусѣ; но требуетъ, чтобъ ты, въ

исправленіе своего проступка, перенесъ ея богослуженіе въ Грецію." Орфей отвѣчалъ только слезами благодарности, и верховной жрецъ обѣщалъ ему допустить его къ таинствамъ, какъ скоро онъ пройдетъ черезъ нравственные искусы.

Говорятъ, что гробница этого любимца Музъ, которой училъ людей обрядамъ Религіи, находится во Ѳракіи, и что соловьи, которые вьютъ около ее свои гнезды, поютъ выразительнѣе и слаще прочихъ."

ГЛАВА XXV.

Третій и послѣдній вечеръ.

Продолженіе обрядовъ Инициціаціи. Смерть Бохориса и судъ надъ нимъ. Окончаніе Никіевой исторіи.

На другой день Эвдоксій принялся опять читать Никіеву рукопись.

"Дали мнѣ отдохнуть двадцать четыре часа; но запрещено мнѣ было выходить. Во второе утро наложили

на меня постъ на восемдесятъ одинъ день, въ которое время не долженъ я былъ употреблять никакого напитка, кромѣ воды. Первые два мѣсяца давали мнѣ хлѣба сколько я хотѣлъ, и плоды сырые и сушеные. Въ слѣдующіе двѣнадцать дней получалъ я то же количество хлѣба, но плодовъ только по три унціи; а подъ конецъ постъ былъ чрезвычайно строгой: пища моя тогда состояла изъ осмнадцати унцій хлѣба. Первые семдесятъ два дни я ѣлъ одинъ и когда хотѣлъ; спалъ только по шести часовъ, и то на открытомъ ложѣ, да въ полдень могъ спать одинъ часъ сидя. Вотъ все, что касается до очищенія тѣла, и что составляетъ первую часть Инициаціи: *Вторая* есть очищеніе души; а третья *манифестація*, или открытіе.

Очищеніе души состоитъ въ наставленіяхъ и моленіи. Сіе послѣднее ограничивается бытностью поутру и ввечеру по одному часу при жертвоприношеніяхъ; но просвѣщаемой поставленъ такъ, что ни онъ не видитъ, ни его

не видно. Что касается до наставленія, то говорили мнѣ болѣе всего о должности моего состоянія. Каждой день слушалъ я по два урока. Поутру жрецъ толковалъ мнѣ о единствѣ бога, которой мыслью далъ веществу движеніе и жизнь, и котораго воля можетъ разрушить міръ и превратить его въ первобытной хаосъ. Наше зрѣніе не можетъ постигнуть сего безпредѣльнаго Творца; но онъ примѣняясь къ нашей слабости, показывается намъ во образѣ солнца, во образѣ планетъ. Онъ-то весною, подъ именемъ Изиды, устилаетъ землю великолѣпнымъ ковромъ изъ цвѣтовъ и зелени; подъ именемъ Цереры вырощаетъ богатыя жатвы; подъ именемъ Озирида, Юпитера и Меркурія принимаетъ наши молитвы и ѳиміамъ. По его гласу громъ гремитъ, молнія ударяетъ, вѣтры и бури ревутъ, или умолкаютъ. Потомъ говорили мнѣ о богахъ подчиненныхъ, которыхъ Богъ Вышній употребляетъ въ правленіи вселенною, о Тиѳонѣ и злыхъ духахъ, возмутителяхъ природы. Вечерняя бесѣда

продолжается полтора часа; на оной разсуждаютъ о морали. Ученику дозволяется сорокъ два дни входить въ кабинеты жрецовъ, которымъ препоручены священныя наставленія; вся Коллегія занимается однимъ ученикомъ и старается узнать его житіе и характеръ. Жены жрецовъ, которыхъ изъ почтенія называютъ *жрицами*, хотя онѣ никакого священнослуженія не отправляютъ, живутъ въ той же оградѣ, и могутъ входить къ мужьямъ своимъ; запрещается имъ только входъ въ ихъ кабинеты и общія храмины, изключая однакожь проходныхъ мѣстъ, какъ на пр. коридоры. Ученику не позволяется ни говорить съ ними, ни даже кланяться имъ. Сіе запрещеніе было для меня очень тягостно. Жрицы почти всѣ чрезвычайно прекрасны, и когда случалось имъ проходить мимо меня, то онѣ всегда дѣлали мнѣ очень почтительное и ласковое привѣтствіе. Но такой уставъ имѣетъ намѣреніемъ укрѣпить просвѣщаемаго противъ прелестей прекраснаго пола, и пріучить его ли-

шаться даже невинныхъ удовольствій, когда долгъ того требуетъ.

Ввечеру сорокъ втораго дня предписали мнѣ осьмнадцатидневное молчаніе, въ которое время не только слова, но даже всякой знакъ, всякое служащее къ изъясненію какой бы то ни было мысли движеніе запрещаются. На случай болѣзни только позволено увѣдомить о томъ прикосновеніемъ руки своей къ сердцу, и тогда жрецы врачи лѣчатъ просвѣщаемаго съ величайшимъ стараніемъ; но по выздоровленіи надлежитъ ему начать очищеніе снова, въ какое бы время Инициаціи онъ ни занемогъ. Дали мнѣ книгъ, дощечки и стилетъ. Прочія мои упражненія остались тѣ же; только надлежало мнѣ ходить на бесѣды самому, не ожидая повѣстки. Будили меня по утрамъ и послѣ обѣда. Сады были всегда мнѣ отворены; но я долженъ былъ не обращать вниманія ни на мущинъ, ни на женщинъ, и всѣ наблюдали тоже самое въ разсужденіи меня. Жрецъ, которой объявилъ мнѣ сіе осьмнадцатидневное

безмолвіе, сказалъ, что оно взыщется съ меня съ величайшею строгостью; что учиненныя мною до того времени нѣкоторыя неважныя упущенія будутъ мнѣ прощены, но что малѣйшее нарушеніе сего послѣдняго предписанія лишитъ меня невозвратно свободы. На другой день, какъ скоро я проснулся, вошли ко мнѣ три жреца съ строгими лицами, и сдѣлали мнѣ выговоръ за нѣкоторые легкіе сначала Инициаціи проступки; они попрекали меня и тѣмъ, что я одной женщинѣ кивнулъ головою. Потомъ пересказывали мнѣ многія дѣянія прошедшей моей жизни, и между прочимъ не забыли упомянуть, что я не допустилъ бальсамить умершей въ домѣ моемъ кошки. Такое свѣдѣніе обо мнѣ тогда меня удивило; но я узналъ послѣ, что жрецы, прорицая будущее, принуждены развѣдывать черезъ своихъ подчиненныхъ о всѣхъ дѣлахъ мірскихъ, а особливо о жизни людей нѣсколько именитыхъ. Въ послѣдній день безмолвія, подъ вечеръ, пришли ко мнѣ тѣ же три жреца, но уже

съ веселымъ видомъ, и поздравили меня, что я скоро буду принятъ. „Ты вступаешь въ такое общество, сказали они, которое основано единственно на достоинствѣ, и потому предпочтительно передъ всѣми пользуется хорошимъ мнѣнiемъ и уваженiемъ людскимъ. Жрецы становятся жрецами по праву рожденiя, а допущенные къ познанiю таинствъ принадлежатъ къ священству за добродѣтели строго испытанныя. Мы разрѣшаемъ тебя отъ молчанiя и даемъ тебѣ двѣнадцать дней на записку, или припамятованiе всего того, что ты сначала твоего искуса изъ бесѣдъ и чтенiя узналъ. Часы молитвъ твоихъ будутъ расположены по твоему собственному желанiю. Наконецъ позволяется тебѣ бесѣдовать съ жрецами и кланяться ихъ женамъ, только еще не говоришь съ ними.„

По прошествiи двѣнадцатидневнаго срока верховной жрецъ, въ провожанiи многихъ другихъ жрецовъ, вошелъ въ мою комнату. „Сынъ мой! сказалъ онъ мнѣ, вотъ три вопроса, на которые ты

долженъ отвѣчать черезъ девять дней. До тѣхъ поръ всѣ разговоры, всѣ книги тебѣ запрещаются; у боговъ только проси, чтобъ они тебя наставили. Ты во все это время будешь спать въ святилищѣ позади тройственной статуи, чтобъ богиня Изида наставляла тебя даже сновидѣніями. Повседневно, прежде нежели отворятся двери, будутъ приносить ей жертвы, да проліетъ она въ душу твою мудрость. Впрочемъ садъ тебѣ отворенъ; ты можешь ходить туда одумывать свои отвѣты; а чтобъ сдѣлать уединеніе твое сноснѣе, дозволяется тебѣ имѣть трапезу дважды въ день съ нами; но ты долженъ молчать и наблюдать предписанную діэту.“ Сія діэта была девять унцій хлѣба и не много воды. Идучи въ храмъ, я примѣтилъ, что въ домѣ царствовало глубокое и повсемѣстное молчаніе. Жрецы, и даже жрицы не говорили при мнѣ ни слова, а въ нѣкоторомъ отъ меня р а з с т о я н і и перешептывались. Прежде онѣ гуляли и разговаривали въ саду, а въ сіи девять дней не видалъ

я тамЪ никого, кромѣ очередныхЪ сторожей быка Аписа, которой величественными шагами прохаживался по находящемуся вЪ срединѣ сада звѣринцу. КакЪ стороннихЪ людей принимали во внѣшнихЪ залахЪ, то и не извѣстно имЪ было, что вЪ храмѣ есть просвѣщаемой, и сія тайна была очень вѣрно хранима. Во время трапезы удивило меня, что жрецы наблюдали ту же діэту, какая мнѣ была предписана. ВЪ срочной день предсталЪ я предЪ священной сонмЪ для отвѣтствованія на заданные мнѣ три вопроса:

1) Бытіе Бога доказано ли?

— Доказано, равно какЪ свѣтЪ доказываетЪ бытіе солнца; равно какЪ мысль наша доказываетЪ, что мы существуемЪ.

2) Нужна ли человѣку Религія?

— Нужна. ЧеловѣкЪ родился злымЪ: тщетно мораль и законы хотятЪ его обуздать. Есть множество тайныхЪ преступленій, которыхЪ ни мораль, ни законы досягнуть не могутЪ. СверхЪ того человѣкЪ окруженЪ нещастіемЪ,

подобно какъ земля окружена океаномъ. Какая пріятная мысль! какое сладкое утѣшеніе во всѣхъ бѣдахъ, а особливо при концѣ жизни питать себя надеждою, что вышнее Существо, что Богъ праведной и милосердой ожидаетъ нещастнаго для окончанія его скорбей и для награжденія его вѣчнымъ блаженствомъ.

3) Въ чемъ состоитъ вольность? — Въ томъ, чтобъ овладѣть самимъ собою, и не бояться никого, кромѣ собственной своей совѣсти."

Жрецы были отвѣтами моими довольны.

Наступили наконецъ двѣнадцать дней *открытія*, третья и послѣдняя часть Инициіаціи, которую не столько можно почесть трудомъ, какъ награжденіемъ за труды. Постъ мой кончился; дали мнѣ вино и сочныя мяса. Но какъ я три мѣсяца былъ на діэтѣ, то жрецы-врачи присутствовали при трапезѣ моей и располагали моею пищею.

Въ сіе время отворяютъ просвѣщаемому подземныя жилища, и онъ

странствуетъ какъ будто по другому міру.

Въ первой день съ возшествіемъ зари повели меня передъ тройственной кумиръ; я преклонилъ колѣна, и верховной жрецъ посвятилъ меня Изидѣ, богинѣ мудрости; Озириду, благодѣтелю людей; Ору, богу молчанія и тайны. Потомъ держа факелъ, произнесъ я слѣдующую присягу: „клянусь никогда не открывать никому изъ непросвѣщенныхъ того, что увижу въ подземныхъ храмахъ; и да покараютъ меня боги, да отмстятъ мнѣ смертью самою ужасною, естьли я когда либо сію мою клятву нарушу.“ Послѣ чего пустили меня въ пещеры, и по обыкновенію дали мнѣ путеводителемъ послѣдняго изъ допущенныхъ къ таинствамъ Египтянъ. При входѣ услышалъ я крикъ младенцевъ; то были дѣти жрецовъ. Жрецы отсылаютъ туда женъ своихъ разрѣшаться отъ бремени, и дѣлаютъ сіе какъ для пріученія дѣтей къ темнотѣ, въ которой они должны препроводить большую часть

жизни своей, такЪ и для удаленія отЪ себя всякаго шума, которой бы могЪ мѣшать размышленіямЪ и ученію. Путеводитель мой далЪ мнѣ только взглянуть на сіе мѣсто изЪ двери.

Вторая статья и жены ихЪ составляютЪ многочисленной народЪ разнаго званія людей, изЪ которыхЪ иные, какЪ подначальные священно-служители, отправляютЪ обряды религіи, другихЪ употребляютЪ для услуги жрецамЪ вышняго класса и жрицамЪ. Третьи снабдѣваютЪ домЪ и храмЪ всѣми нужными ремеслами. Жрицы отличаются отЪ мірянокЪ полотнянымЪ хитономЪ того же цвѣта, какой носятЪ ихЪ мужья. Механическія искусства, заключенныя вЪ пещерахЪ, возбуждаютЪ на каждомЪ шагу вниманіе любопытнаго. Недавно вЪ сихЪ темныхЪ сводахЪ сдѣланы для впущенія чистаго воздуха отверзтія, проведенныя на дворы или вЪ сады жреческихЪ домовЪ. КакЪ не возможно было осмотрѣть всего однимЪ разомЪ, то и возвращались мы на верхЪ сими отверзтіями. ВЪ четвертой день уви-

дѣлъ я поле слезъ; широта его три десятины, а длина девять. Тамъ, по суду трехъ жрецовъ, наказываютъ второстатейныхъ. Иные вскатывали на искуственной холмъ каменные, разной величины цилиндры; и какъ цилиндръ переваливался на другую сторону, то надлежало имъ поднимать его опять. Нѣсколько женщинъ черпали воду изъ глубокаго колодезя и лили ее въ текучій протокъ. Оба пола были наги до пояса. За проступки противъ благонравія, которые нарушали порядокъ въ домѣ, осуждали виновныхъ препроводить въ сихъ пещерахъ нѣсколько лѣтъ въ молчаніи. Я видѣлъ тамъ жрецовъ и жрицъ въ черныхъ одеждахъ, безъ жреческихъ ризъ; они ходили закрывая лице, имѣли каждой особую келью, и лишены будучи всякаго удовольствія, занимались только чтеніемъ. Чтожъ касается до нарушителей тайны, то не взирая на состояніе такого, жрецъ ли онъ былъ, или кто другой, разрѣзывали ему грудь и вырывали изъ него сердце, которое бросали хищнымъ пти-

цамъ. Но такихъ примѣровъ не случалось цѣлые вѣки.

Продолжая путь, пришли мы къ саду столь прелестному, что можно бы почесть его произведеніемъ волшебнаго искусства. Сіе мѣсто длиною три четверти мили, а шириною восемь сотъ шаговъ, называется *Елисеемъ*: входъ въ него осьмью параллельными алеями, которыя по обѣимъ сторонамъ уставлены превеликими сосудами съ цвѣтами и душистыми деревцами. Жрецы украсили сей вертоградъ всѣмъ, что воображеніе самое Піитическое можетъ придумать. Алеи ведутъ къ площадкѣ необработанной, которая служитъ циркомъ. Тамъ дѣти обоего пола нагія, упражнялись въ бѣганіи, въ скаканіи, въ метаніи свинцоваго кружка. Сіи-то игры даютъ имъ ту пріятность и ловкость, которою они, ставъ жрецами, отличаются въ священнослуженіи; ибо Египетскіе жрецы не смотря на смиренную и важную осанку, приличную священному ихъ званію, даже развязан-

ностью и свѣтскимъ обхожденіемъ пере-щеголяютъ всякаго мірянина.

Смотрѣвъ нѣсколько времени на сіи потѣхи, вступили мы въ большой лавиринѳъ, коего излучистые и отѣненные пути вели подъ крытыя алеи, къ ро-щицамъ, къ бесѣдкамъ изъ зелени, или къ мраморнымъ храмикамъ. Въ иномъ мѣстѣ алея оканчивалась маленькимъ звѣринцемъ, по которому ходило нѣ-сколько телицъ блистательной бѣлиз-ны; въ другомъ находили мы птични-ки, наполненные самыми рѣдкими пти-цами. Здѣсь я видѣлъ прекраснѣйшихъ бѣлыхъ и разноцвѣтныхъ голубей; тамъ купели, наполненныя рыбами, плаваю-щими по поверхности воды: я не могъ разстаться съ симъ подземнымъ ра-емъ; ходилъ во всѣ стороны, смотрѣлъ и любовался. Вышедъ изъ лавиринѳа, мы нашли широкой водотокъ: его ти-хая, спокойная вода подобна жизни му-драго, котораго дни протекаютъ въ нѣдрахъ тишины и невинности. За водо-токомъ простирается обширной звѣри-

нецЪ, усаженной прекрасными, величественными деревами. ТамЪ лавры, мирты, гранаты и померанцы благовонными своими испареніями бальсамятЪ всѣ окрестныя мѣста. Сей звѣринецЪ уставленЪ множествомЪ статуй изЪ бѣлаго мрамора. „Это портреты нашихЪ Царей, сказалЪ мнѣ мой путеводитель, нашихЪ духовныхЪ владыкЪ и боговЪ, которые тридцать четыре тысячи лѣтЪ тому назадЪ нами правили. — ТакЪ мірЪ очень старЪ, вскричалЪ я! — НапротивЪ того очень молодЪ. Что значатЪ сорокЪ или пятьдесятЪ тысячь лѣтЪ вЪ быстромЪ теченіи вѣковЪ? Это горсть песку вЪ степяхЪ Ливійскихъ. Послѣ царствованія боговЪ наступило царствованіе духовное. ПотомЪ Египтяне наскучили правительствомЪ жрецовЪ, и выбрали себѣ Царей. Мы считаемЪ ихЪ четыре ста семьдесятЪ природныхЪ ЭгиптянЪ, а царствовали они четырнадцать тысячь лѣтЪ. Первой, котораго статую ты видишь впереди прочихЪ, МанесЪ; онЪ ввелЪ вЪ ЕгипетЪ роскошь и художества. За

нимЪ слѣдуетЪ непосредственно Меридъ; ему, великимЪ его дарованіямЪ и ревности кЪ общему благу, обязаны мы за изкопаніе Меридова озера. ПотомЪ слѣдуютЪ Мендесъ, НекосЪ, которой испыталЪ соединить посредствомЪ канала Средиземное море сЪ КраснымЪ; далѣе стоитЪ славной своими завоеваніями СезострисЪ; еще далѣе видишь Псаммида, Апріеса, Амазида. — Но для чего мы нейдемъ на это мѣсто? Я вижу черезЪ каналЪ мостЪ. — Его стерегутЪ два льва; а кЪ нимъ не льзя подойти безЪ жреца, которой ихЪ кормитЪ; при томЪ это жилище блаженныхЪ душЪ; входЪ туда тебѣ еще не позволенЪ.“

И дѣйствительно сей звѣринецЪ есть совершенное изображеніе ЕлисейскихЪ полей. Слабой солнечной свѣтЪ, еще ослабленной густыми тѣнями, которыя простираются отЪ листвія, подобенЪ нѣжному свѣту луны вЪ прекрасную ночь. КакЪ сей садЪ находится отЪ поверхности земной во стѣ сорока футахЪ глубины, то солнце видно тамЪ

только около полудня; а показываютъ его обыкновенно поутру, или подъ конецъ дня. Обманъ глазъ тѣмъ еще поразительнѣе, что всѣ бѣлыя статуи въ человѣческой ростъ, и что жрецы и жрицы, которыя прогуливаются тамъ въ бѣлыхъ одеждахъ, кажутся тѣнями мертвыхъ.

Вотъ обряды, которые жрецы передъ отвѣтствованіемъ на вопросы о дѣлахъ будущихъ или сокровенныхъ употребляютъ. Они выдумываютъ театральныя сцены, часто заставляютъ вопросителя ждать цѣлые мѣсяцы, а между тѣмъ стараются вывѣдать или отъ него самого, или черезъ другихъ всѣ обстоятельства, которыя до него, а особливо до вопроса его касаются, и согласно съ тѣмъ прибираютъ для отвѣта стихи и декораціи сценъ. Потомъ принимаютъ вопросителя въ тайную храмину, гдѣ кормятъ его нѣсколько дней сряду легкими мясами и усладительными напитками въ которые примѣшиваютъ усыпительные; допускаютъ его въ храмъ ко многимъ церемоніямъ, кото-

рыя отправляются съ затворенными дверьми; послѣ чего сажаютъ между однимъ жрецомъ и одною женщиною въ открытую колесницу, у которой колесы не видны. Не рѣдко приставляютъ къ нему для совѣта и бесѣдованія женщину. Сія колесница, будучи двигнута легонько сзади, катится по нечувствительному склоненію въ алеи, отъ которыхъ начинается Елисей. Второстатейные служители посмѣнно толкаютъ колесницу всегда равнымъ движеніемъ до самаго Елисея, гдѣ вопроситель сходитъ. Тамъ жрецъ и жрица, не отпуская его отъ себя ни на одинъ шагъ, водятъ по Лавиринѳу и приводятъ къ водотоку, откуда показываютъ ему гуляющихъ по Елисею блаженныхъ тѣней. Потомъ ведутъ его въ храмъ прорицанія, и первое представляется взору его великолѣпная лѣсница; но сквозь ступеней видно, какъ будто въ пространной безднѣ, пламя, произведенное въ каналѣ сѣрною водою и спиртами. Сей узкой каналъ дѣйствіемъ Оптики кажется огненною рѣкою.

Сквозь пламени, и далѣе за пламенемъ видны нагіе мущины и женщины; Эвмениды ихъ наказываютъ; звукъ ударовъ раздается по сводамъ, хотя сіи удары не дѣлаютъ никакой боли. Вопроситель видитъ сіе, и сказываютъ ему даже преступленія осужденныхъ. Потомъ ведутъ его передъ театръ. Жрецъ и жрица садятся подлѣ него; начинаютъ гремѣть хоры прекрасной музыки, и представляютъ театральныя сцены.

Подлѣ Елисея находится Пантеонъ; входъ въ него многими очень глубокими аркадами. Сводъ сего обширнаго храма имѣетъ только тридцать футовъ высоты и сорокъ широты; но длина храма чрезвычайная: иначе не помѣстились бы въ немъ всѣ Египетскія божества, потому что Египтяне обожаютъ по крайней мѣрѣ тридцать тысячь боговъ. Святилище посвящено Изидѣ, матери Натуры, или, лучше сказать, Натурѣ самой. Всѣ сіи кумиры боговъ и полубоговъ поставлены лицемъ ко входу: низъ предоставленъ для злыхъ духовъ. Тифонъ прислоненъ къ

стѣнѣ, съ которою онъ равенъ вышотою, а руки его досягаютъ до угловъ; онъ имѣетъ человѣческой видъ только отъ головы до пупа; два ужасные дракона служатъ ему вмѣсто лядвей и ногъ; повременно изрыгаютъ они глазами и устами пламя; вокругъ его находится двадцать комнатъ, въ которыхъ стоятъ злые духи; лица ихъ, для означенія противности, обращены къ богамъ благодѣтельнымъ. Стѣны и своды храма изпещрены Іероглифами, которые содержатъ исторію боговъ и обряды богослуженія. Тамъ-то отправляются повсеночно отъ десяти часовъ до двухъ по полуночи многія жертвоприношенія и обряды, на которыхъ присутствуютъ всѣ жители пещеръ, и даже заключенные въ полѣ слезъ, большая часть просвѣщенныхъ таинствами и новопринятой въ послѣдніе три дни манифестаціи. Какъ ночныя церемоніи начинаются до окончанія дня, то прежде всего приносятъ молитвы тому богу, которому тотъ день посвященъ; почти для каждаго изъ сихъ боговъ есть особли-

выя жертвы и особливыя дрова; да и зажигаютъ ихъ, смотря по классу бога, или зажигательнымъ стекломъ, или искрами, изсѣкаемыми изъ кремня, или пламенемъ свѣтильниковъ. Инымъ отправляютъ служеніе жрецы, другимъ жрицы. Въ полночь изъ нижняго жилья храма выходитъ жертвоприноситель, а за нимъ два ряда жрецовъ; они, въ провожаніи многочисленнаго музыкальнаго хора, составленнаго изъ жрецовъ, жрицъ и молодыхъ людей обоего пола отъ девятилѣтняго возраста, идутъ къ кумиру Изиды. Тамъ остановясь передъ статуею въ двѣ линіи, жрецы раздвигаются и пропускаютъ жертву; несутъ ее осьмнадцать жреческихъ дочерей; онѣ шествуютъ по двѣ въ рядъ, нагія, неся каждая корзину, наполненную плодами и другими дарами, приличными тому времени года. Отправляютъ онѣ сіе служеніе отъ тринадцатилѣтняго возраста до замужства. Жертвоприноситель высыпаетъ изъ корзинъ на большой четвероугольной олтарь, на передней сторонѣ котораго находится слѣду-

ющая надпись: *Тебѣ Изида, божество единственное, повсемѣстное!* Когда дѣвки выдутъ изъ святилища, то вступаютъ въ него жрецы для окончанія обрядовъ, которые при звукѣ инструментальной музыки и пѣнія продолжаются болѣе двухъ часовъ; обряды бываютъ разные, смотря по времени года. Музыка переходитъ изъ сихъ подземныхъ храмовъ въ верхніе; а какъ стихи и пѣніе равно прекрасны, то и перенимаютъ ее всѣ Египтяне.

Въ послѣдніе дни Инициаціи спалъ я еще въ пещерахъ. Между тѣмъ пріготовляли великолѣпную процессію, которая называется большою Изидиною церемоніею, или торжествомъ новопринятаго.

Наканунѣ шесть второстатейныхъ служителей пріѣхали верхомъ передъ царской дворецъ, находящійся противъ храма на другомъ краю площади; и при играніи на трубахъ обьявили, что въ слѣдующій день увидятъ новопросвѣщеннаго. Они сдѣлали такое же обьявленіе и по улицамъ, по которымъ процессія

должна была проходить. Естьли ново-принятой родомъ Египтянинъ, то они даютъ о томъ знать, потому что для иностранца процессія не столько пышная, ограничивается обойденіемъ храма, и даже объявленіе дѣлается только передъ храмомъ. Какъ не рѣдко случалось, что многіе годы никого вновь не принято, то сія церемонія была всегда предметомъ величайшаго любопытства. Я умолчу о процессіи, которая сдѣлана для меня иностранца, и опишу ту, которую я видѣлъ годъ спустя для одного Египтянина.

Во всю ночь послѣдняго дня Инициаціи украшали внутренность храма всѣмъ, что въ кладовой жрецовъ находится великолѣпнѣйшаго, а жители Мемфиса убрали наружноть своихъ домовъ драгоцѣннѣйшими вещами. По возшествіи солнца поставили въ храмѣ посреди святилица принесенной изъ пещеръ Изидинъ ковчегъ. Сей ковчегъ есть большой сундукъ, покрытой бѣлою шелковою завѣсою, усѣянною золотыми Іероглифами, которая въ знакъ

тайны покрыта еще черным флеромъ. Передъ начатіемъ процессіи принесли Изидѣ жертву. При семъ случаѣ жреческія дочери, которыя выходятъ только на Изидины праздники, производили поочередно, при звукахъ музыки, пляску важнаго знаменованія. Потомъ открылся ходъ. Впереди шествовали и повременно играли на трубахъ тѣ второстатейные служители, которые повѣщали церемонію. Два ряда стражей той же статьи ограждали процессію съ обѣихъ сторонъ отъ начала до конца. Четыре класса жрецовъ, Математики, Врачи и Законовѣдцы шли первые за дѣтьми своими, одѣтыми также какъ и они. Жрецы сверхъ тонкаго полотнянаго хитона имѣли черныя ризы; но первые три класса носятъ ризы голубыя, віолетовыя или красныя; головы свои покрываютъ полою сей одежды. Между двумя рядами шли одинъ за другимъ жрецы, называемые Пастофорами; вмѣсто ризъ были на нихъ епанчи цвѣтомъ по ихъ классамъ; они несли Меркуріевы книги, въ которыхъ содержится вся ихъ наука.

За сею частью процессіи слѣдовалъ перваго класса жрецъ. Онъ несъ, прижавъ къ груди своей, славную Изидину доску. Сія доска сдѣлана изъ мѣди, но вся покрыта серебромъ, на которомъ вырѣзаны эмблемы Изидиныхъ таинствъ въ видѣ женщинъ; и у нѣкоторыхъ изъ сихъ женщинъ головы звѣриныя. Потомъ шли дочери жрецовъ. На нихъ были тонкіе полотняные хитоны, и ризы цвѣтомъ по классу ихъ отцевъ; а сверхъ ризъ мантіи, у каждой своего цвѣта, вышитыя золотомъ и съ золотыми кистями, прикрѣпленными къ лѣвому плечу драгоцѣннымъ камнемъ. Головной ихъ уборъ состоялъ изъ волосовъ съ трясульками; а прочія украшенія были серьги, жемчужныя ожерелья и дорогія запястья. Онѣ составляли четыре ряда, и держались по двѣ за руки. Жрицы Директорши въ черной (изключая хитона) одеждѣ шли по серединѣ; стража вкругъ сихъ красавицъ была удвоена. За ними шелъ превеликой хоръ музыки, составленной изъ жрецовъ и дѣтей ихъ. Потомъ слѣдовалъ Изидинъ

ковчегъ; несли его восемь жрецовъ на плечахъ, а передъ ковчегомъ шли дѣвки второй статьи въ бѣлыхъ шерстяныхъ очень тонкихъ одеждахъ, и въ цвѣтахъ; онѣ играли на цитрахъ и кроталахъ, и плясали. Другія дѣвки той же статьи жгли по обѣимъ сторонамъ ароматы, которыхъ дымъ окружалъ ковчегъ густымъ облакомъ. Верховной жрецъ шелъ за ковчегомъ одинъ; на бѣломъ его хитонѣ была багряная риза, подбитая горностаемъ; шлейфъ несли двое дѣтей второй статьи; голова его покрыта была нѣкоторымъ родомъ митры, какую онъ одинъ имѣетъ право носить; въ рукѣ у него былъ гадательной жезлъ, которой всѣ прочіе жрецы въ его присутствіи оставляютъ. За нимъ слѣдовали жрецы перваго класса, толкователи священныхъ письменъ; пастофоры несли ихъ книги и носилки съ гадательнымъ сосудомъ, въ которомъ лежала астролябія, квадрантъ и циркуль. Всѣ жрецы сего класса имѣли на себѣ, сверхъ бѣлаго хитона, черныя ризы. За ними шли ихъ дѣти, которыхъ замыкали че-

тыре жреца воспитателя. Послѣдняя часть процессіи имѣла видъ военной. Пропустя нѣсколько разстоянія, несли при игранїи на флейтахъ и литаврахъ четыре распущенные штандарта; на первомъ изображенъ былъ богъ Аписъ, символъ царства Мемфискаго; на второмъ Сфингъ, символъ царства Египетскаго; на третьемъ символъ міра, змѣй, которой, доставая укусить свой хвостъ, извивается въ кружокъ. За тѣмъ слѣдовали всякаго званія просвѣщенные таинствами природные Египтяне. Они шли одинъ за другимъ, въ обыкновенной своей одеждѣ, которой никогда не оставляютъ, Сія одежда есть короткой камзолъ только до колѣнъ, сверхъ котораго носятъ они ризу, означающую степень ихъ или должность; подлѣ нихъ, внѣ рядовъ, шли просвѣщенные таинствами иностранцы, въ числѣ которыхъ былъ и я.

Наконецъ показался новопринятой. По правую его руку шелъ младшій изъ жрецовъ, по лѣвую старшій изъ про-

свѣщенныхъ. Онъ былъ одѣтъ на сей только день въ бѣлой хитонъ съ длиннымъ шлейфомъ. Мечь его о стальномъ ефесѣ висѣлъ на бѣлой съ чернымъ шитьемъ перевязи. Онъ имѣлъ поясъ огненнаго цвѣта, вышитой золотомъ, на головѣ миртовой вѣнецъ, а въ рукѣ большую пальмовую вѣтвь, символъ мира; лице его завѣшено было прозрачнымъ покрываломъ, которое простиралось до груди, и скрывая его отъ любопытныхъ, не препятствовало ему видѣть. За нимъ слѣдовала тріумфальная колесница, заложенная въ четыре лошади рядомъ; въ ней четыре добродѣтели везли тріумфальной вѣнецъ; около подножія изображены были низложенные пороки. Сія колесница подобна была той, на которой военачальники послѣ великой побѣды показываются народу; но герой сего торжества никогда въ нее не садился, и тѣмъ показывалъ, что онъ даже и принадлежащихъ ему почестей не желаетъ. Какъ скоро увидѣли его, то повсюду раздались восклицанія. Изъ оконъ домовъ и съ улицы черезъ

стражей сыпали на него цвѣты и кропили его драгоцѣннѣйшими благовоніями.

ОбошедЪ такимЪ образомЪ большой по городу кругЪ, онЪ остановился передЪ ЦарскимЪ дворцемЪ. Царь ожидалЪ его посреди множества придворныхЪ на балконѣ, украшенномЪ великолѣпными коврами. Новопринятой взошелЪ на поставленной передЪ балкономЪ амвонЪ, преклонилЪ колѣна свои на подушку, и сдѣлалЪ Царю низкой поклонЪ; потомЪ всталЪ, извлекЪ мечь, какЪ будто для поднесенія его своему Государю, и сошелЪ сЪ амвона, держа крестообразно вЪ одной рукѣ обнаженной мечь, а вЪ другой пальмовую вѣтвь; потомЪ возвратился вЪ храмЪ. ТамЪ онЪ взошелЪ на нѣкоторой родЪ очень высокаго трона; два второстатейные служителя послѣдовали за нимЪ, и вмѣстѣ сЪ нимЪ закрылись двумя большими занавѣсами. Между тѣмЪ, какЪ пѣли имны, надѣли на него бѣлой камзолЪ, и сверху обыкновенную его одежду. ЧерезЪ полчаса отдернули занавѣсы и показали новопринятаго народу,

которой поздравилъ его громкими восклицаніями." — — —

Вотъ какъ Никій описываетъ смерть Бохориса:

Тесть мой умеръ въ тотъ самой день, когда обнародовали въ Мемфисѣ возвышеніе Нила на шестнатцать локтей. Я не могъ участвовать въ общей радости и веселостяхъ; напротивъ того надлежало мнѣ, слѣдуя обыкновенію, вымарать себѣ голову и лице грязью; жена моя и я подпоясались на брюхѣ, били себя въ обнаженную грудь, и оставя мертваго въ домѣ, бѣгали по городу въ провожаніи нашихъ родственниковъ. Возвратясь домой, мы послали трупъ къ бальсамщикамъ, и вмѣстѣ съ родственниками назначили день похоронъ и суда, чтобъ всѣ пріятели покойника могли при томъ быть. Какъ похороны никогда не отправляются во время наводненія, то и надобно было дождаться того времени, когда Нилъ вступитъ въ берега. Тогда мы сдѣлали объявленіе, по обыкновенной формѣ, что Бохорисъ бу-

детъ переправляться черезъ озеро. Двѣ находятся переправы до равнинъ, на которыхъ Цари учредили свои мавзолеи. Тамъ - то стоятъ славнѣйшія три пирамиды, каждая имѣетъ особливой храмъ и особливыхъ жрецовъ. Какъ сіи мѣста безмолвія суть убѣжище ненарушимое, и злочестивецъ, которой дерзнулъ бы не сохранить къ нимъ должнаго уваженія, былъ бы тотчасъ наказанъ смертію, то большая часть Египтянъ тамъ хотятъ быть похоронены. Каждое семейство высѣкаетъ себѣ могилу въ покрытыхъ пескомъ камняхъ. Красота полей, окружающихъ сію пространную, песчаную пустыню, водотоки, тѣнь листвія всегда зеленаго, подали Греческимъ путешественникамъ первую мысль о Стигѣ, о Леѳѣ и Елисейскихъ поляхъ. За озеромъ находится храмъ Гекаты *мрачной*, и ворота Кокиты и Леѳы, замкнутыя мѣдными запорами; подлѣ стоитъ статуя *правосудія*, безъ головы, а другая *истинны*.

По наступленіи назначеннаго дня мы вошли съ трупомъ въ лодку, и заплатили перевощику Харону одинъ оболъ. На другомъ берегу озера сидѣли полукружіемъ судьи числомъ сорокъ одинъ. Сіи судьи выбираются всякой разъ гражданами изъ просвѣщенныхъ таинствами, и должны быть люди непоколебимой честности. Сверхъ бѣлой туники имѣютъ они красную ризу, а на шеѣ золотую цѣпь, на которой виситъ сапфиръ съ изображеніемъ истины. Законъ позволяетъ всякому обвинять покойника; и естьли найдется, что онъ былъ жизни дурной, то судьи лишаютъ его погребенія; но естьли доносъ окажется ложнымъ, то клеветникъ подвергается тяжкому наказанію. Какъ никто не явился доносить на моего тестя, то я сказалъ ему похвальное слово. Я умолчалъ о его породѣ, потому что всякой Египтянинъ почитаетъ себя благороднымъ; но говорилъ весьма пространно о его воспитаніи, о знаніяхъ, какія онъ самъ собою пріобрѣлъ; выхвалялъ его благочестіе, спра-

ведливость , умѣренность и другія добродѣтели; и кончилъ молитвою къ богамъ, да примутъ его въ жилище праведныхъ. Послѣ сей рѣчи судьи приказали его погребсти. Мы отдали трупъ, и какъ не было у насъ памятниковъ для его могилы, то и велѣли мы построить комнату въ домѣ нашемъ, и въ ней поставили гробъ его стоймя у твердой стѣны." — Тѣмъ кончилась Никіева рукопись.

Поблагодаря Эвдоксія, и давъ ему нѣсколько отдохнуть, мы попросили, чтобъ онъ досказалъ намъ исторію сего любезнаго Философа. — „Охотно; но предваряю васъ, что вы услышите конецъ очень жалкой, очень трогательной.

Никій не смотря на то, что допущенъ былъ къ таинствамъ, имѣлъ нещастіе навлечь на себя ненависть жрецовъ. Онъ не могъ передѣлаться, и остался такимъ же чистосердечнымъ, какъ былъ. Имѣя врожденную склонность къ насмѣшкѣ, онъ часто нападалъ на Египетскихъ боговъ острыми и колкими шутками; быкъ Аписъ тер-

пѣлъ больше всѣхъ отъ стрѣлъ его. Правда, что онъ разбиралъ людей, при комъ говорить, и предавался веселости своей только въ дружеской бесѣдѣ; но шутки его разносились; умные люди, которымъ все замысловатое и тонкое обыкновенно нравится, находили удовольствіе повторять ихъ. Жена его, при которой онъ часто на счетъ жрецовъ забавлялся, трепетала, чтобъ молнія не грянула на ихъ домъ. Тщетно Никій старался внушить ей религію согласную съ разсудкомъ; разсудокъ не могъ угобзиться въ головѣ такъ худо приготовленной. Слѣпота ея была тѣмъ неизлѣчимѣе, что она очень ввѣрилась одному жрецу Сераписову. Этотъ человѣкъ, по имени Сеѳонъ, изувѣръ непритворно, упрямецъ отъ гордости, жестокосердъ по характеру, и изъ привязанности къ закону, охотно бы истребилъ разсудокъ человѣческой и всѣхъ тѣхъ, которые не вѣрятъ божеству Аписа. Вы знаете вліяніе и власть Египетскихъ жрецовъ. Сверхъ того, что они оковали народъ цѣпями суевѣ-

рія, несмѣтныя ихъ сокровища, которыми почитаютъ они себя одолженными Изидѣ, и свобода отъ всякой подати, отъ всякаго налога даютъ имъ превеликую силу; а чтобъ еще болѣе утвердить ее, выставляютъ они нравы, наружность и обряды странные. Сеѳонъ перелилъ свои мнѣнія въ душу слабой Деифилы. Она стала отъ мужа удаляться, и почитать его тварью отринутою богами. Печальное слѣдствіе фанатизма, которой такъ часто задушаетъ натуру! Благоразумной Никій примѣтя, что знакомство жены его пагубно для ея характера и разсудка, запретилъ ей принимать Сеѳона. Раздраженной жрецъ умыслилъ съ товарищами своими погубить Философа. Этотъ упражняясь въ высокихъ наукахъ, не пренебрегалъ и поля словесности; и въ часы отдохновенія, послѣ сильнаго напряженія ума, находилъ удовольствіе рвать Парнасскіе цвѣты. Онъ сочинилъ малекую поэму на Аписа. Сіе наполненное остроуміемъ и веселостью твореніе лежало скрыто въ святи-

лищѣ Музъ; Никій читалъ его только малому числу друзей, и то запершись; но тайна вышла на ружу, и все священство встревожась, положило стараться соединенными силами о истребленіи нечестиваго.

Коварной Сеѳонъ взялъ на себя достать поэму; онъ увидѣлся тайно съ Деифилою и употребилъ всю свою власть, все искуство, чтобъ выманить отъ нее рукопись. Деифила сколько ни была слаба и суевѣрна, не могла однакожь рѣшиться на такое вѣроломство. Но какъ нѣсколько дней спустя, громъ, которой въ Египтѣ случается весьма рѣдко, ударилъ въ ихъ домъ, то жрецъ увѣрилъ ее, что сіе произшествіе означаетъ гнѣвъ боговъ, и что естьли злочестивое сочиненіе не будетъ истреблено, то она и мужъ ея не преминутъ возчувствовать Аписова мщенія.

Страхъ, больше увѣрительной, нежели всѣ разсужденія, принудилъ ее рѣшиться. Она ввела Сеѳона съ другимъ жрецомъ, товарищемъ его, въ кабинетъ своего мужа во время его от-

сутствія. Они искали, рылись, и нашли поэму, и еще тетрадь, въ которой описаны были обряды Инициаціи. Раздраженные жрецы донесли на Автора, что онъ открылъ священныя таинства. Мщеніе тотчасъ началось: Никія схватили ночью и отвели въ темницу. Какъ скоро онъ узналъ о причинѣ своего нещастія, то и приготовился умереть. Тщетно нѣсколько друзей хотѣли спасти его; народъ громкимъ воплемъ требовалъ казни, и жрецы судіи приговорили его къ смерти.

Услышавъ объ этомъ приговорѣ, Деифила почувствовала, какое ужасное сдѣлала преступленіе; голосъ натуры восторжествовалъ надъ предразсудками, и раскаяніе изтерзало душу ея. Она побѣжала къ темницѣ, чтобъ броситься къ ногамъ своего супруга; но ее не впустили. Кого о томъ ни просила, ни одинъ чувствительной человѣкъ не осмѣлился тронуться ея слезами; священной сонмъ устрашалъ всѣхъ. Въ отчаяніи прибѣгла она къ самому Сеѳону, обнимала его колѣна, плакала.

Жестокосердой Іерофантъ оказалъ тогда всю черноту души своей. Изобразя супруга ея злочестивцемъ, котораго боги и человѣки осудили, онъ принялъ тонъ нѣжнаго соучастія и чувствительности, увѣрялъ ее въ своей дружбѣ, и кончилъ предложеніемъ, чтобъ она согласилась быть его женою, и промѣнять безбожника на священнослужителя любезнаго богамъ и въ почтеніи у людей. „Впрочемъ, прибавилъ, за эту только цѣну можешь ты увидѣть Никія въ послѣдній разъ." Деифила, пораженная какъ громомъ, сжавъ свою мысль въ сердцѣ, отвѣчала: „Исполни прежде мою прозьбу, и потомъ, естьли малыя мои прелести будутъ еще тебѣ пріятны, то я желанію твоему противиться не стану."

Какъ скоро она получила пропускъ, то въ ту же минуту бросилась къ темницѣ. Отворили ей двери. Никій, съ лицемъ спокойнымъ и яснымъ, читалъ при свѣтѣ печальной лампады, потому что солнечные лучи никогда въ это жилище ужаса не проникаютъ. Зады-

хаясь отъ рыданій, утопая въ слезахъ, Деифила упадаетъ къ ногамъ его, и лишается чувствъ. Никій не зная, что она причиною его нещастія, утѣшаетъ ее, сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ, осыпаетъ ласками. Она хочетъ остановить его, и не имѣетъ силь сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Когда пришла въ состояніе говорить, то вскричала: „Что ты дѣлаешь, супругъ нещастной! я не достойна ласкъ твоихъ. Ты видишь самую неблагодарную, самую вѣроломную изъ женщинъ; ты видишь чудовище! Ты не знаешь, что я злодѣйка, не знаешь, что я виновница твоей смерти; мое слѣпое суевѣріе тебя погубило!„ Тогда разсказала ему, какимъ образомъ выдала его сочиненія. Никій слушалъ какъ снисходительной супругъ, какъ спокойной Философъ; и, поднявъ ее отъ ногъ своихъ, когда она голосомъ отчаянія просила прощенія, прощаю, сказалъ, прощаю тебя, мой другъ; сердце твое невинно. Вотъ слѣдствіе фанатизма. Но скажи мнѣ, къ чему меня приговорили, какое готовятъ мнѣ наказаніе? — Смерть,

смерть, какъ нарушителю Изидиныхъ таинствъ. Вырвутъ изъ тебя сердце, и бросятъ его хищнымъ звѣрямъ на снѣденіе. Жрецы торжествуютъ, боги тебя оставили. . . . Но что я говорю! боги? нѣтъ боговъ, никогда ихъ не было, или они враги добродѣтели!,, Никій видя ее изступленіе, сдѣлалъ ей краткой выговоръ, что она изъ одной крайности переходитъ въ другую." Естьли суевѣріе, говорилъ онъ, унижаетъ человѣка, то напротивъ того невѣріе доказываетъ недостатокъ просвѣщенія и дурную нравственность. Есть, конечно есть вышній Богъ, не такой, какимъ представляютъ его жрецы, не жестокой, не ревнивой, не тщеславной, не мстительной, но Богъ благій, праведный, милосердый; Богъ, которой внемлетъ голосу твоей совѣсти, слышитъ вопль твоего раскаянія; Богъ, которой накажетъ злаго, проститъ заблужденія и слабости добраго, и наградитъ насъ послѣ смерти за всѣ претерпѣнныя въ здѣшней жизни муки." Тогда Деифила, какъ будто озаренная какимъ-то вдохно-

веніемъ, вскричала: „чегожъ намъ ждать, любезный Никій! пойдемъ, пойдемъ за Коцитъ получить награду, которая насъ ожидаетъ. Не смерть тебѣ страшна, но приготовленіе къ смерти и ужасной видъ казни. Я принесла напитокъ, которой сокращаетъ страданія. „Она вынула изъ кармана стклянку, налила изъ нее въ чашу, выпила половину сама, и поднося остальное удивленному Никію, выпей, сказала: это ядъ.“ Философъ содрогнулся, однакожь принялъ чашу, и выпилъ. Потомъ они обнялись, легли на полу, и презирая муки, радовались, что умираютъ вмѣстѣ, Когда Деифила почувствовала дѣйствіе яда, то написала къ злодѣю Сеѳону: „Я вѣрна своему слову. Приди взглянуть на нещастную; и естьли чувства твои не охолодѣютъ, то осмѣлься похитить меня изъ объятій моего супруга.“ Сеѳонъ, по прочтеніи этой записки, бѣжитъ къ темницѣ, входитъ, видитъ Деифилу, прелестную Деифилу, предметъ всѣхъ своихъ желаній, простертую на земли, посинѣвшую,

покрытую мракомъ смерти, обнимающую своего супруга. Пораженъ удивленіемъ, онъ не смѣетъ вѣрить такому геройству; насыщаетъ еще жадные свои взоры разсматриваніемъ полумертвой жертвы, любуется прекраснымъ рисункомъ ея тѣла, и уходя жалѣетъ единственно о томъ, что не могъ ею насладиться. Такимъ образомъ погибъ мудрой Никій, этотъ Философъ, которой заслуживалъ благодарность Египтянъ. Еще прежде получилъ онъ выговоръ отъ жрецовъ за одно астрономическое изслѣдованіе. Жрецы утверждали, что въ теченіе одиннатцати тысячь лѣтъ солнце закатывалось два раза на востокѣ и два раза на западѣ. Никій доказывалъ имъ, что хотя бы эклиптика и подлинно была параллельна экватору, какъ то они утверждаютъ, то и въ такомъ случаѣ эта параллельность не сдѣлала бы въ теченіи солнца никакой перемѣны."

ГЛАВА XXVI.

Гимнопедія, или пляска нагихъ людей. Избіеніе Илотовъ. Ночная церемонія. Забавное Фанорово мщеніе. Побѣгъ его съ Антеноромъ изъ Спарты.

Приближилось время одного Спартанскаго праздника, на которомъ отправляется Гимнопедія, или пляска нагихъ людей, столь славная у Лакедемонянъ. Мы нетерпѣливо его ожидали. По наступленіи того дня Демонаксъ повелъ насъ въ общественную палату. Какъ скоро мы сѣли, то изъ боковыхъ дверей съ одной стороны вошла толпа нагихъ мальчиковъ; а съ другой такая же людей средняго возраста. На передовыхъ было по пальмовому вѣнку. Сіи двѣ толпы соединялись, раздѣлялись, сходились, расходились, прыгали въ кадансъ. Они дѣлали руками такія же движенія, какъ въ борьбѣ и Панкратіи (*). Во время пляски пѣли лири-

(*) Искусство, принадлежавшее къ Гимнастикѣ: оно состояло изъ соединенія борьбы и кулачнаго боя.

ческіе стихи. Демонаксъ сказалъ намъ, что сія пляска взята съ одного стариннаго праздника, которой отправлялся въ честь Аполлону и Вакху; стихи посвящены были первому, а пляска послѣднему. Этотъ праздникъ не понравился Фанору; онъ былъ такого мнѣнія, что нагое тѣло и смуглая волосистая кожа мущинъ приличны только въ лѣсу, посреди звѣрей. Въ сей пляскѣ не было по крайней мѣрѣ ничего печальнаго и огорчительнаго; но зрѣлище, которое сія гордая и жестокая нація представила намъ нѣсколько времени спустя, дѣлаетъ боль душѣ всякаго чувствительнаго человѣка.

Новые Эфоры вступили въ должность; вошедъ въ судилище, они объявили, что позволяется всякому Спартанцу убивать Илотовъ, которыхъ ему удастся заманить въ обманъ. — Удивясь такой жестокости, спросилъ я нашего хозяина, что тому причиною. — „Это обычай, отвѣчалъ онъ: всѣ новые Эфоры, при вступленіи своемъ въ должность, обязаны издать такое объявленіе. Вы

знаете, что Илоты наши рабы; естьли бы они размножились, то могли бы сдѣлаться опасными, и для того мы убавляемъ ихъ тайными убивствами. Это забава нашихъ молодыхъ людей; они гоняются за ними вооруженные, точно какъ охотники за звѣрями, завлекаютъ ихъ всякими хитростями въ такія мѣста, гдѣ можно удобнѣе на нихъ напасть, и тамъ умерщвляютъ. Въ скоромъ времени вы увидите страшное произшествіе. Республика примѣтя, что число Илотовъ очень увеличилось, занимается средствами, какъ бы ихъ уменьшить.“ И дѣйствительно, восемь дней спустя, Эфоры велѣли обнародовать, что они намѣрены дать свободу двумъ тысячамъ Илотовъ, и приглашаютъ ихъ всѣхъ притти къ храму боговъ Пенатовъ. Нещастные прибѣжали туда толпою. Выбрали изъ нихъ двѣ тысячи самыхъ крѣпкихъ и статныхъ, и увѣнчали ихъ фестонами какъ отпущенниковъ. Радость сіяла на ихъ лицахъ; повели ихъ въ храмы, какъ будто для принесенія богамъ благо-

даренія за услуги, которыя сіи Илоты оказали Республикѣ. Они нетерпѣливо ожидали обряда увольненія, какъ вдругъ, по данному знаку, многочисленная толпа Спартанъ налетѣла на нихъ съ кинжалами, и всѣхъ ихъ безжалостно перерѣзала. Вопль сихъ нещастныхъ разносилъ далече страхъ и ужасъ. Фаноръ и я не могли выдержать сего зрѣлища; вся внутренняя въ насъ пришла въ трясеніе; мы убѣжали. —„ О изверги! о изверги! вопіялъ Фаноръ. Мой другъ! оставимъ скорѣе эту проклятую землю, гдѣ законы, гордость и предразсудки перемѣняютъ инстинктъ человѣка, и дѣлаютъ его злѣе тигра и панѳира! — Я зналъ, отвѣчалъ я, что корысть и страсти ожесточаютъ человѣка и уподобляютъ его звѣрю; но лютость этой маленькой націи, которая смѣетъ называться просвѣщенною, будетъ удивленіемъ позднѣйшаго потомства; и естьли въ теченіе вѣковъ найдутся такіе Философы, которые станутъ хвалить ее, то единственно изъ удовольствія порочить правительство

своего отечества и нравы современниковъ своихъ. — Поѣдемъ, оставимъ это виталище тигровъ. — А молодая Аспазія, которая статями своими не уступаетъ самой Венерѣ? — Правда, что она миритъ меня съ Спартою; мнѣ очень жаль ее покинуть. — Отложимъ нашъ отъѣздъ до праздника Гіацинтова.„ Послѣ сего разговора пошли мы на общественную площадь; тамъ большая часть убійцъ гуляли съ покойнымъ и веселымъ лицемъ. „И такъ, сказалъ я самъ въ себѣ, бываетъ всегда изъ двухъ одно: или предразсудки истребляютъ раскаянія, или раскаянія раждаются отъ предразсудковъ."

Вечеромъ того дня, въ которой сіе ужасное убивство происходило, Демонаксъ послѣ ужина пригласилъ насъ итти стадіи на двѣ за городъ смотрѣть ночной церемоніи, которая каждые девять лѣтъ бываетъ одинъ только разъ. Посреди пространной открытой ограды мы увидѣли Эфоровъ; они всѣ пятеро сидѣли въ глубокомъ молчаніи; глаза ихъ устремлены были къ

небу; множество зрителей въ такомъ же положеніи окружали ихъ. Сія нѣмая сцена была для меня непонятна, но я не смѣлъ спрашивать. Фанорь, теряя терпѣніе, сказалъ мнѣ тихонько: „что дѣлаютъ эти зеваки, поднявши носы къ верху? не ищутъ ли они разсудка своего въ звѣздахъ?“ Слишкомъ два часа прошли въ сей странной неподвижности. Наконецъ вдругъ возсталъ великой ропотъ. Демонаксъ сказалъ намъ: „посмотрите; вотъ звѣзда перетекаетъ небо.“ Тогда Эфоры встали и пошли домой съ печальнымъ видомъ и потупленными глазами. Когда мы пришли къ Демонаксу, то онъ вскричалъ: „жаль мнѣ нашихъ Царей; они оба люди благонравные и честные! — А какое угрожаетъ имъ нещастіе? — Всякіе девять лѣтъ, единожды, Эфоры выбираютъ такую ночь, когда небо совершенно чисто, а мѣсяцъ не свѣтитъ; и въ глубокомъ молчаніи, устремя глаза свои къ небу, смотрятъ, не перетекаетъ ли его какая нибудь звѣзда. Когда сей феноменъ случается, то бѣ-

да нашимъ Царямъ: заключаютъ изъ того, что они прогнѣвали боговъ. — Это доказательство, сказалъ Фанорь, не такъ ясно, какъ день. А что въ такомъ случаѣ дѣлаютъ съ вашими Царями? – Отрѣшаютъ отъ должности и отдаютъ подъ стражу, пока Оракулъ Дельфской, или Олимпійской, оправдаетъ и возстановитъ ихъ въ прежнемъ званіи.“

Мы намѣрены были дождаться рѣшенія Оракула, и узнать участь царей; но судьба, или рокъ (fatum), ускорилъ нашъ отъѣздъ. Демонаксъ сказалъ намъ, что черезъ три дни станутъ выдавать двѣнадцать двадцатилѣтнихъ дѣвокъ за тритцатилѣтнихъ жениховъ; законъ опредѣлялъ сей возрастъ для вступленія въ бракъ. Онъ прибавилъ, что прекрасная Аспазія, которой не давно минуло четыре луcтра, находится въ числѣ невѣстъ. „Какой щастливой смертной будетъ ею обладать, спросилъ Фанорь? — Этого еще не извѣстно; я бы очень желалъ, чтобъ она досталась пріятелю моему Лизандеру, тому самому,

которой укралъ у тебя куропатокъ; они рождены другъ для друга; сверхъ того подозрѣваю, что и любятся. — Да развѣ будутъ разбирать невѣстъ по жеребью? спросилъ я. — Почти по жеребью: запрутъ ихъ въ темную комнату и впустятъ въ нее жениховъ; кто которую схватитъ, тотъ на той и женится." Сей обычай показался намъ очень страннымъ; но говоря правду, слѣпой случай можетъ иногда приличнѣе расположить супружествомъ, нежели корыстолюбіе.

Невѣсты прошли безъ тляпъ, въ цвѣточныхъ вѣнкахъ, въ легкихъ прозрачныхъ покрывалахъ, безмолвно и потупя глаза. Потомъ потянулись женихи одинъ за другимъ. Демонаксъ обнялъ Лизандера, и пожелалъ ему щастья; а щастье и облагопріятствовало его, какъ не льзя болѣе: досталась ему Аспазія. Надобно думать, что они заранѣе стакнулись.

Какъ скоро женихи разобрали невѣстъ, то ихъ женили; послѣ чего молодые мужья пошли одни гулять по

площади. Это насъ удивило. — „Вашъ пріятель довольно холоднокровенъ, сказалъ Фанoръ Демонаксу; на его мѣстѣ я бы не шатался здѣсь, поджавъ руки.“ Демонаксъ отвѣчалъ, что новобрачные обязаны показывать такое холоднокровіе, и быть въ публикѣ какъ обыкновенно. — „Развѣ въ Спартѣ стыдятся супружества, и хвалятся только воровствомъ? — Нѣтъ, супружества не стыдятся; но чтобы сдѣлать брачныя удовольствія приманчивѣе и продолжительнѣе, Ликургъ далъ имъ таинственной видъ любви. Супругъ въ первые годы брака не можетъ пользоваться правами своими иначе, какъ украдкою. Когда смеркнется, то Лизандеръ уйдетъ тихонько, побѣжитъ къ любезной своей Аспазіи, и отведетъ ее въ домъ, гдѣ Гименъ долженъ его увѣнчать.“ Въ самомъ дѣлѣ какъ скоро ночь простерла свои тѣни, онъ тотчасъ скрылся. Въ Спартѣ улицъ не освѣщаютъ, и даже запрещено ходить съ огнемъ, для того, говорятъ чтобъ научиться ходить въ темнотѣ. Мы слѣ-

довали за нимъ всѣ трое. Онъ пошелъ въ домъ, гдѣ находилась молодая его жена, вывелъ ее за руку, и удалился съ нею такимъ скорымъ шагомъ, какъ человѣкъ, которой боится погони. Мы не выпускали ихъ изъ виду. Они остановились у однихъ воротъ, гдѣ ожидала ихъ какая-то старуха. Лизандеръ вручилъ ей новобрачную, и ушелъ. —„ Онъ будетъ ужинать за общественнымъ столомъ, сказалъ намъ Демонаксъ; потомъ посѣтитъ жену свою на весьма короткое время, потому что ночь должно ему препроводить въ комнатѣ своихъ товарищей. Между тѣмъ старуха обрѣетъ Аспазіи голову, одѣнетъ ее въ мужское платье, унесетъ огонь и оставитъ ее на соломенникѣ, гдѣ она станетъ ожидать своего супруга. Лизандеръ придетъ, будетъ ее искать, переложитъ на постелю поставленную подлѣ, и таинство совершится безъ насъ; слѣдовательно мы можемъ теперь итти домой.“ Дорогою потерялъ я Фанора; онъ пришелъ къ намъ уже много времени спустя, и сказалъ, что

заплутался и зашелъ въ Платанистъ. Мы легли очень спокойно.

Лишь только начало свѣтать, Демонаксъ вбѣжалъ въ нашу комнату какъ бѣшеной, съ пылающимъ лицемъ, съ яростными взорами, и объявилъ намъ, что весь городъ въ превеликой тревогѣ. „Что такое, спросилъ я его? конечно Юнона или Діана напустили на Спарту кабана Калидонскаго, или Сфинга Ѳивскаго? — Нѣтъ, не Діана, не Юнона, Фуріи дали бытіе чудовищу, которой насъ обезчестилъ!" И говоря такимъ образомъ, онъ ходилъ по комнатѣ большими шагами, топалъ, грозилъ рукою. Смотрѣвъ нѣсколько минутъ на сію трагическую пантомиму, я попросилъ его, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ разсказалъ намъ, что за страшное приключеніе взволновало его и Республику. „Какой-то обманщикъ, какой-то злодѣй, вскричалъ онъ, предупредилъ моего пріятеля у Аспазіи; этотъ извергъ похитилъ у него первые дары Гимена. Лизандеръ въ бѣшенствѣ; Цари, Эфоры, Граждане, всѣ принимаютъ участіе въ

его обидѣ. Преступника ищутъ со всею строгостью; бѣда ему, естьли его найдутъ; законъ наказываетъ насиліе смертью.“ Окончивъ свое повѣствованіе, Демонаксъ оставилъ насъ такъ неучтиво, какъ будто побранился съ нами, и побѣжалъ утѣшать своего друга и помогать ему доискиваться его врага. Какъ скоро онъ вышелъ, Фаноръ сказалъ мнѣ: „ Другъ мой! надобно отсюда убираться: каждая минута дорога. — *Убираться?* за чѣмъ? какая неотсрочная причина? . . . — Укладывайся скорѣе; дорогою разскажу тебѣ все. — Да что такое? скажи хотя одно слово; на это не много надобно времени. Мнѣ право не хочется бѣжать сломя голову, какъ будто я похитилъ златое руно, или Троянской Палладіумъ. — Я поквитался съ Лизандеромъ: Аспазія заплатила мнѣ за мои куропатки и зайчика такимъ кусочкомъ, которой гораздо вкуснѣе. — Станемъ же скорѣе укладываться. Теперь уже я прошу, чтобъ не мѣшкать.“ Мы собрались въ одинъ мигъ, и взваля весь свой бытъ на пле-

ча, зашагали проворнѣе добраго коня; никогда еще не были мы столь легки на ногу. Никто изъ насъ не говорилъ ни слова, и только оглядывались, нѣтъ ли погони. Вдругъ слышимъ лошадиной топотъ; ужасъ насъ обълялъ. Фаноръ поблѣднѣвъ и дрожа, вскричалъ: „Мы погибли!" Это было подлѣ самаго Эврота; я сохранилъ еще столько присутствія ума, что могъ одумывать и располагать; оставалось намъ спрятаться въ камышъ, что мы и сдѣлали. Вода была выше пояса. Въ семъ трудномъ положеніи, трясучись отъ страха, окоченѣвъ отъ холода, не смѣя пошевелиться, мы похожи были на приговоренныхъ къ смерти. Лошади проскакали мимо; тогда мы ожили и вылезли изъ воды мокры какъ лягушки. Окутавшись епанчами, продолжали путь свой. Скорое шествіе насъ нѣсколько согрѣло, но силы наши начали ослабѣвать. Фаноръ, котораго сложеніе не такъ было крѣпко, какъ мое, насилу тащился. Наконецъ, шедъ восемь часовъ, достали мы лошадей и доѣхали

до Белмины, мѣстечка, лежащаго на границѣ Лаконіи съ Аркадіею.

Какъ скоро опасность миновалась, и мы вошли въ гостинницу, то Фанор ободрился и съ веселымъ видомъ сказалъ мнѣ: „Признайся, что я сдѣлалъ мастерскую штуку, и что этотъ великорослой шалунъ, которой укралъ у меня дичину, довольно наказанъ? Дѣвство жены его конечно стоило двухъ куропатокъ и одного зайчика. — Поступокъ твой пренегодной, прескверной — Поступокъ мой дѣлаетъ честь моему проворству; я взялъ свое. Спартанцы воруютъ, обманываютъ, умерщвляютъ, а мнѣ не смѣть воспользоваться невинностью дѣвушки! Другъ мой, эта спѣсивая и звѣронравная нація достойна всеобщей ненависти. Впрочемъ Лизандеръ долженъ еще сказать мнѣ спасибо: я очистилъ прелестное деревцо его отъ всѣхъ иголокъ, и оставилъ ему однѣ только розы. — Но какимъ образомъ удалось тебѣ исполнить такое смѣлое предпріятіе? — Ты помнишь, что Юпитеръ, для полученія прекра-

сной Леды, принялЪ образЪ лебедя; я, не имѣя чести быть ЮпитеромЪ, превратился только вЪ ночную птицу. Когда ДемонаксЪ разсказывалЪ намЪ, какимЪ образомЪ новобрачная должна вЪ первой разЪ принять своего мужа, представилась мнѣ тотчасЪ возможность повеселиться на счетЪ любезнаго друга моего Лизандера, и удовлетворить однимЪ разомЪ и мщенію, и любви моей кЪ Аспазіи. Вы пошли домой, а я сдѣлавЪ нѣсколько шаговЪ сЪ вами только для того, чтобЪ скрыть свое намѣреніе, поворотился назадЪ и прислонился кЪ воротамЪ одного дому, подлѣ того, вЪ которомЪ была Аспазія. ТутЪ вЪ темнотѣ и глубокомЪ безмолвіи ожидалЪ, пока старуха выдетЪ. НапослѣдокЪ она вышла и оставила дверь недотворенною. ДавЪ ей поудалиться, я пошелЪ кЪ красавицѣ. КакЪ вЪ Спартѣ всѣ домы почти одинаково расположены, то не трудно мнѣ было найти комнату, вЪ которой трепещущая жертва ожидала жреца. Я крался ощупью какЪ ворЪ. „Ты ли это ЛизандерЪ? спросили меня

такъ тихо, что едва можно было услышать. Этотъ голосъ наставилъ меня на дорогу; я отвѣчалъ очень коротко, подражая Лизандерову произношенію, и тотчасъ добрался до предѣла путешествія своего. . . . Ахъ! мой другъ! какъ пересказать тебѣ то, что я чувствовалъ! Самъ Юпитеръ конечно бы позавидовалъ моему щастью. Аспазія, въ жару отъ любовныхъ восторговъ, превзошла все мое ожиданіе, и доказала, что Спартанскія дѣвушки созданы столько же для брака, сколько и для гимназическихъ игръ, и что онѣ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ равно неподражаемы.

Однакожъ, не смотря на мое восхищеніе, не выходило у меня изъ памяти, что надо мною, какъ надъ Флегіемъ въ адѣ, висѣлъ камень. Я оторвался отъ усладительнаго ложа, отъ прелестей Аспазіиныхъ, разцѣловавъ ее всю. „Любезной мой Лизандеръ! милой супругъ! ты уже бѣжишь отъ меня? — Ахъ! почто я не могу провести съ тобою цѣлой ночи! но законъ,

долгъ . . . требуютъ отъ меня этой жертвы. Прощай!" Сказалъ, сомкнулъ уста ея последнимъ поцелуемъ, бросился отъ нее какъ стрела, и вотъ теперь очутился въ Белмине очень доволенъ, что отмстилъ господину Лизандеру, и заплатилъ Республике за угощеніе. Кто станетъ говорить, что я сделалъ дурно, тотъ пусть вспомнитъ, что Парисъ похитилъ Елену, и что Пріямъ не только не отослалъ ее, но еще призналъ сына своего отмстителемъ за Троянъ. Я отмстилъ за всю Грецію, а виноватъ менее Париса, потому что я не похитилъ Аспазіи, но еще подарилъ Республике маленькаго гражданина, которой со временемъ будетъ славою и подпорою своего отечества."

Чтобъ довершить картину Спарты, скажу еще, что многіе Спартанцы не умеютъ ни читать, ни писать, а иные не знаютъ счета. Сія нація не иметъ ни малаго понятія ни объ Астрономіи, ни о Математике, и презираетъ Реторику. Нетъ ни одного театра; сей городъ не видалъ никогда

безсмертныхъ твореній Софокла и Эврипида. Науки почитаются у нихъ вещью ненужною и даже вредною, какъ будто дикой человѣкъ лучше человѣка просвѣщеннаго, или какъ будто свѣтъ не созданъ для человѣческихъ глазъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что Спартанцы не знаютъ скуки. — И скоты не знаютъ ее, отвѣчалъ я ему."

ГЛАВА XXVII.

Путешествіе въ Аргосъ. Подробности о Микенѣ. Разговоръ съ Хризиппомъ Стоикомъ. Бытность въ Дилосѣ. Исторія Латоны. Острова Скиросъ, Хіо и Самосъ.

По двудневномъ отдохновеніи въ Белминѣ, отправились мы въ Аргосъ, и на пути своемъ посѣтили развалины Микены, истребленной Аргосцами. Тамъ показываютъ еще источникъ Персеевъ, и пещеры, въ которыхъ, говорятъ, Атрей и дѣти его прятали свои сокровища. Подлѣ находятся гробницы Ат-

рея, Агамемнона и Электры. Эгистъ и Клитемнестра погребены за городомъ. Юнонинъ храмъ (въ пятнадцати стадіяхъ отъ Микены) достоинъ любопытства. Сей храмъ построенъ у подошвы горы Эвбеи; внизу течетъ Астеріонъ, стремится въ пропасть, и на поверхность земли уже не выходитъ. По берегамъ его растетъ трава, называемая *Ластеріонъ*, которую употребляютъ на вѣнки для Юноны, и на украшеніе жертвенниковъ ея. Зданіе лежитъ на колоннахъ, на которыхъ изображены историческія и баснословныя произшествія; передъ воротами стоитъ множество статуй героевъ и жрицъ Юнониныхъ: примѣтнѣе прочихъ статуя Орестова. Въ предхраміи видны Граціи, Юнонино ложе и щитъ, которой Менелай отнялъ подъ Троею у Эвфорба. Посреди храма возвышается статуя Юнонина, чрезвычайной величины, вся изъ золота и слоновой кости, работа Поликтета; на головѣ у нее вѣнецъ, а надъ вѣнцомъ часы и Граціи; въ одной рукѣ держитъ скиптръ, а въ другой гранату;

на скиптрѣ сидитъ кокушка. Сказываютъ, что Юпитеръ, когда онъ былъ влюбленъ въ Юнону, принялъ видъ сей птицы, чтобы повеселить молодую богиню и доставить ей забаву за нимъ гоняться. Подлѣ Юноны стоитъ статуя Гевы, также изъ золота и слоновой кости. Еще находится въ семъ храмѣ прекрасной серебряной жертвенникъ, на которомъ изображено барелiефною рѣзьбою бракосочетанiе съ Гевою.

Удовольствовавъ свое любопытство, прибыли мы въ Аргосъ, и услышали, что Хризиппъ, Философъ изъ Портика, находится въ семъ городѣ и жестоко мучится подагрою. Намъ очень хотѣлось посмотрѣть, какъ Стоикъ сноситъ боль. Мы нашли его на самой бѣдной и дурной постелѣ. Передъ нимъ стоялъ столъ, на которомъ находился сосудъ съ водою, и толстая тетрадь, начатое сочиненiе. Когда мы стали изъявлять ему свое объ немъ сожалѣнiе, то онъ сказалъ: „Я въ томъ положенiи, въ какое угодно было Провидѣнiю меня поставить: жаловаться было бы преступленiе. Честной чело-

вѣкЪ во всѣхЪ случаяхЪ жизни всегда щасшливЪ." И вЪ самое шо время сшраданіе видно было на лицѣ его; но онЪ принуждалЪ себя казашься нечувсшвишельнымЪ. Мы замолчали, чшобЪ дашь пароксизму поушишишься. „НѣшЪ, проклящая подагра, нѣшЪ, шы никогда не засшавишь меня сказашь, чшо боль есшь зло! — Однакожь по крайней мѣрѣ вы согласишесь, чшо боль не сосшавляешЪ и благополучія. — Благополучіе сосшавляешЪ одна шолько добродѣшель: при добродѣшели оно сопушсшвуешЪ намЪ и во醒ракЪ шемницы, не покидаешЪ насЪ ни среди сшраданій, ни подЪ рубищемЪ нищешы. — По эшому, ошвѣчалЪ ФанорЪ, вы преблагополучной человѣкЪ. — ВпрочемЪ не льзя избѣгнушь судьбы своей: нашЪ мірЪ управляемЪ рокомЪ. — Слѣдовашельно ПарисЪ не виновашЪ, чшо похишилЪ Елену, а ЭгисшЪ, чшо убилЪ Агамемнона. По вашей сисшемѣ нѣшЪ ни добродѣшели, ни свободной воли. — Извините, человѣкЪ свободенЪ. — КакЪ же вы соглашаеше свободную волю сЪ фаша-

лизмомѣ? — Какѣ умѣемѣ. Знаете ли вы, что такое солнце? — Нѣтѣ. — А однакожь вѣрите, что оно есть: также точно и Стоики вѣрятѣ, что есть судьба, и что воля человѣческая свободна; а какѣ это ладится вмѣстѣ, они сами не знаютѣ.“ Я спросилѣ его, правда ли, что онѣ одобряетѣ браки, называемые кровосмѣсительными? — Правда. Не натура противится такимѣ бракамѣ, но предразсудокѣ и принятое мнѣніе. Вопіяли на меня также и за то, что я совѣтовалѣ лучше употреблять человѣческіе трупы вѣ пищу, нежели погребать ихѣ. Но развѣ быкѣ, баранѣ, дичина не такіе же трупы? а вы ихѣ ѣдите. . . .“ Тогда, перервавѣ рѣчь свою, онѣ закричалѣ: „Нѣтѣ, подагра, нѣтѣ, ты не сдѣлаешь меня нещастливымѣ! — Вашему благополучію, сказалѣ я, не будетѣ завистниковѣ. Эпикурѣ думалѣ иначе: онѣ утверждалѣ, что благополучіе состоитѣ вѣ наслажденіи. — Да, вѣ наслажденіи, но вѣ наслажденіи души. Истинной Стоикѣ полагаетѣ благополучіе свое и награду вѣ спокойствіи совѣсти: онѣ

не желаетъ ни похвалъ, ни почестей; жизнь простая, бѣдная, которая не привлекала бы вниманія, ему пріятнѣе блеска и знатности; онъ любитъ равно всѣхъ людей, даже враговъ своихъ; страсти не имѣютъ никакой надъ нимъ власти, ничто его не трогаетъ. Прошлаго года лишился я брата, которой любилъ меня чрезвычайно; онъ умеръ ночью, а по утру я пошелъ въ Вакховъ театрѣ. Но позвольте мнѣ сократить этотъ разговоръ; я долженъ кончить одно весьма нужное сочиненіе." Когда мы отъ него пошли, Фаноръ спросилъ меня, что я объ немъ думаю. — Одинъ Софистъ, отвѣчалъ я, сказалъ очень справедливо, что Стоики похожи на дѣтей, которые стараются перепрыгнуть собственную свою тѣнь."

Въ Аргосѣ всего достойнаго любопытства статуя Телезиллы, женщины славной по ея великимъ дарованіямъ и храбрости. Она стоитъ у входа въ Венеринъ храмъ, и прислонена къ колоннѣ; въ рукѣ держитъ шлемъ, и, кажется, хочетъ возложить его на

себя; у ногъ ея лежитъ книга, наполненная стихами. Намъ разсказывали слѣдующій мужественной поступокъ сей Героини:

Спартане разбили совершено Аргосцевъ. Послѣ побѣды, Спартанской вождь, Клеоменъ, тотчасъ облегъ Аргосъ потерявшій своихъ воиновъ. Телезилла вознамѣрилась защищать городъ; она выслала невольниковъ и всѣхъ снѣдающихъ припасы безполезно, раздала оружіе женщинамъ, и приняла надъ ними начальство. Возбуждены примѣромъ своей предводительницы, Аргосскія Амазонки выдержали приступъ съ чрезвычайною храбростью. Лакедемоняне разсудя, что побѣда будетъ звѣрская, а разбитіе покроетъ ихъ вѣчнымъ стыдомъ, прекратили сраженіе, и сняли осаду. Въ награжденіе симъ героинямъ позволили имъ воздвигнуть статую богу Марсу, и учрежденъ годовой праздникъ, на которомъ женщины присутствуютъ въ мужской одеждѣ, а мущины въ женской."

Среди площади находится большое зданіе изъ бѣлаго мрамора: трофей, воздвигнутой въ честь Пирру на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ его костеръ. Но прахъ его покоится въ храмѣ Цереры, близь мѣста, гдѣ онъ убитъ. Мы взошли въ цитадель посмотрѣть Аполлонова храма: статуя сего бога мѣдная, она стоитъ на ногахъ. Тамъ изрекаютъ Оракулы; жрица должна быть дѣвственница. Она всякой мѣсяцъ въ ночное время жертвуетъ овцу, и напивается крови ея; послѣ чего пророчественной духъ тотчасъ въ нее вселяется. Въ Аргосѣ пробыли мы не долго, и спустились по рѣкѣ Инаху до Навпліи. Сей городъ ничего не значитъ, но гавань его очень удобна. Мы вошли въ Церeринъ храмъ во время жертвоприношенія. Какъ сія богиня управляетъ всѣмъ полевымъ хозяйствомъ, то и подносили ей плоды: медъ, шерсть, змѣй, супоросыхъ свиней, а особливо макъ, по причинѣ плодовитости сѣмянъ его; не подносили ей только вина. Она представлена на колесницѣ, которую вле-

кутЪ два крылатые дракона; вЪ одной рукѢ у нее макЪ, вЪ другой горящій факелЪ; на головѢ вѢнокЪ изЪ колосовЪ. Мы видѢли источникЪ КнаѳосЪ, вЪ которомЪ говорятЪ, Юнона ежегодно купается, и тѢмЪ возвращаетЪ себѢ дѣвство. ФанорЪ обѢщался открыть свойство сей чудотворной воды всѢмЪ знакомымЪ ему дѢвушкамЪ. ОдинЪ изЪ жителей указалЪ намЪ подлѢ сего источника осла, выдѢланнаго изЪ камня. „Мы ему обязаны, сказалЪ онЪ, за плодородіе нашихЪ виноградныхЪ лозЪ. ОнЪ объѢлЪ одну изЪ нихЪ; и примѢтили, что вЪ слѢдующій годЪ эта лоза принесла гораздо болѢе; сЪ тѢхЪ порЪ обрѢзываютЪ лозы ежегодно, чего прежде не дѢлали.“

На другой день мы отправились вЪ ДилосЪ. Сей неплодоносной островЪ славенЪ только тѢмЪ, что вЪ немЪ родились Діана и АполлонЪ. Жители увѢряли насЪ, что во время одного землетрясенія онЪ вышелЪ вдругЪ изЪ моря.

Мы тамЪ нашли великое стеченіе народа: праздновали ДіанѢ и Аполлону.

Всѣ сосѣдніе острова обязаны отправлять на сіе торжество мужчинъ и молодыхъ дѣвокъ. Жертвоприношенія оканчеваются пѣніемъ и пляскою.

Въ бытность нашу въ Аполлоновомъ храмѣ вошла въ него одна молодая дѣвушка среди двухъ жрецовъ и въ провожаніи многихъ женщинъ. Не было на ней никакого украшенія, кромѣ покрывала. Когда она подступила къ жертвеннику, одинъ изъ жрецовъ открылъ ея лице; другой взялъ ножницы и обрѣзалъ ея прекрасные волосы. „Какъ жаль, что отнимаютъ у весны лучшее украшеніе! сказалъ Фаноръ.“ Мы спросили о причинѣ сего обряда. Сказали намъ, что эта молодая дѣвушка идетъ за мужъ, и что она по законамъ той земли должна была въ день ея бракосочетанія посвятить волосы свои Діанѣ и Аполлону.

Въ одномъ отдѣленіи храма большая, прекрасная картина привлекла наше вниманіе. Въ то самое время, какъ мы ее разсматривали, подошелъ къ намъ жрецъ. „Скажите, что это за

картина? спросилъ я его. — Вы видите приключеніе съ Латоною, матерью Діаны и Аполлона, въ бытность ея въ Ликіи. Богиня представлена похудѣлою, страждущею, на рукахъ у нее два младенца; она стоитъ передъ озеромъ, наполненнымъ лягушками. Вотъ ея исторія:

„Латона бѣгала отъ Юнонина гнѣва. Въ полдень, когда солнце палило землю, уставъ, обезсилѣвъ, томясь жаждою, не имѣя ни капли молока въ грудяхъ своихъ, она пришла къ этому озеру. Тутъ грубые, полудикіе мужики рѣзали ивовыя вѣточки для корзинокъ. Латона проситъ ихъ, чтобъ они позволили ей напиться воды. Варвары оттолкнули ее сурово отъ берега. Богиня сказала имъ трогательнымъ голосомъ: „Какъ вы можете быть столько безчеловѣчны и несправедливы, что отказываете мнѣ въ маленькомъ количествѣ воды, которая, равно какъ воздухъ и солнце, принадлежитъ всѣмъ людямъ. Однакожь я прошу ее у васъ какъ милости. Не купаться хочу въ вашемъ

озерѣ, хочу только прохладить изсохшую гортань мою; умираю отъ жажды, насилу говорю, спасите меня отъ смерти; сжальтесь по крайней мѣрѣ надъ нещастными дѣтьми моими, которые простираютъ къ вамъ свои руки!" Какое желѣзное сердце не тронули бы такія слова? Не тронули однакожь этихъ извергов! Къ жестокости прибавили они еще ругательства, и сказали богинѣ, чтобъ она шла прочь, или будетъ наказана. Не удовольствуясь тѣмъ, они нарочно взмутили воду. Гнѣвъ остановилъ чувствованіе жажды; богиня подняла руки свои къ небу: „Нещастные! вскричала она, живете жь вѣчно въ этомъ мутномъ болотѣ!" Едва она успѣла выговорить, какъ мужики превратились въ лягушекъ. Вы видите ихъ въ этомъ гнусномъ образѣ; они и въ водѣ, кажется, хотятъ еще хриплымъ своимъ голосомъ ругаться богинѣ."

Водили насъ къ гробницѣ Ферекида, воздвигнутой Пиѳагоромъ въ пещерѣ, передъ которою обросшія густымъ плю-

щемЪ деревья составляютЪ зеленую кровлю. ФерекидЪ утверждалЪ первой, что скоты ничто иное, какЪ машины. Какое безуміе! машины, которыя помнятЪ, чувствуютЪ привязанность, соображаютЪ идеи! что человѣкЪ имѣетЪ сверхЪ сего? ПомнитЪ долѣе; идеи его чище, многосложнѣе. Но дерево, питающее насЪ оливками, и то, котораго благоуханные цвѣты перемѣняются вЪ золотыя яблоки, имѣютЪ ли растительную душу превосходнѣе, нежели низменной кусточикЪ? Существо лисицы развѣ чище, божественнѣе существа овцы?

НашЪ ПроксенЪ разсказалЪ намЪ странную смерть сего Философа. ОнЪ былЪ характера мрачнаго и угрюмаго; провелЪ всю свою жизнь вЪ удаленіи отЪ людей, вЪ размышленіяхЪ, и умерЪ какЪ жилЪ. ПочувствовавЪ приближеніе конца своего, онЪ заперся вЪ своей комнатѣ. Друзья его тотчасЪ прибѣжали посвятить ему свои попеченія; но не могли уговорить его, чтобЪ онЪ отворилЪ имЪ двери. ОнЪ отблагодарилЪ

ихЪ сквозь скважины замка; увѣрялЪ, что не имѣетЪ нужды ни вЪ какой помощи, и просилЪ, чтобЪ они вЪ слѣдующій день пришли на его похороны. И дѣйствительно онЪ на другой день умерЪ.

Возвращаясь отЪ гробницы Ферекидовой, встрѣтились мы сЪ посланнымЪ, которой шелЪ сказать, что наше судно, пользуясь попутнымЪ вѣтромЪ, хочетЪ поднять парусы. Я оглянулся, Фанора нѣтЪ, надобно было его искать. БѣгавЪ довольно времени, нашелЪ я его на лужайкѣ вЪ хороводѣ молодыхЪ дѣвушекЪ; онЪ плясалЪ сЪ ними *дедалЪ*. Сія пляска получила названіе отЪ славнаго художника Дедала, которой выдумалЪ ее для прекрасной Аріадны вЪ память Критскаго Лавиринѳа. Тезей ввелЪ ее вЪ Дилосѣ, а оттуда она разпространилась по всей Греціи. МальчикЪ и дѣвушка держась за ленту, водятЪ хороводЪ; всѣ прочія идутЪ за ними попарно; часто раздѣляются на долгіе ряды, держась за руки, пляшутЪ составя кругЪ, и дѣлаютЪ множество заворотовЪ. Искусство пер-

вой танцовщицы состоитъ въ томъ, чтобъ выпутаться изъ рядовъ, перекидывая ленту. Это изображаетъ клубъ нитокъ, которой спасъ Тезея.

Сколько я ни дѣлалъ Фанору знаковъ, что судно отправляется, онъ не хотѣлъ понимать; по щастью пляска скоро кончилась, но я долженъ былъ еще дожидаться, пока онъ простится съ своею парою, молодою, прекрасною дѣвкою, родомъ изъ Наксоса.

Мы поплыли къ Скиросу. Вѣтръ примчалъ насъ къ Наксосу, гдѣ нещастная Аріадна проливала слезы. Мы видѣли Паросъ, Кій, гдѣ шестидесятилѣтніе мущины почитая за стыдъ лишиться всѣхъ чувствъ прежде смерти, и быть безполезнымъ бременемъ своему отечеству, убиваются; какъ будто не льзя служить отечеству иначе, какъ только руками. Мы прошли мимо Теноса и приставали въ Андроской гавани. Тамъ одинъ изъ жителей весьма уговаривалъ насъ, чтобъ мы у нихъ нѣсколько времени пробыли. „Дождитесь, говорилъ онъ, Вакхова праздника, кото-

рой будетъ черезъ двѣ недѣли; вы увидите чудо: есть у насъ ключь, въ которомъ вода въ это время перемѣняется на цѣлую недѣлю въ вино." Намъ не разсудилось остаться; а Фаноръ сказалъ учтивому Андросцу, что онъ пріѣдетъ посмотрѣть священнаго ихъ источника, когда жрецы начнутъ употреблять вино не иначе, какъ съ водою.

Безчисленное множество острововъ, которыми сіе море, какъ небо звѣздами, украшено, составляетъ прекрасную картину. Мы наслаждались перемѣнными видами, точно какъ на твердой землѣ наслаждается путешественникъ: находили равнины, горы, лѣса, города и деревни. На третій день плаванія, при тихомъ попутномъ вѣтеркѣ, пристали мы передъ захожденіемъ солнца къ Скиросу. На семъ островѣ одинъ только городъ и нѣсколько деревень. Жители повели насъ тотчасъ къ Тезеевой гробницѣ. Тамъ-то сей бранной Государь нашелъ послѣдній свой конецъ. Онъ похитилъ преславную Елену, когда ей было толь-

ко десять лѣтъ. Раздраженные Аѳиняне лишили его престола, и выгнали изъ Аѳинъ. Онъ удалился къ Ликомеду, Скиросскому Царю, которой обольстя его коварнымъ гостепріимствомъ, и заманя на одну крутую каменную гору, велѣлъ съ нее столкнуть. Такъ погибъ побѣдитель Минотавра. Памятникъ его ознаменованъ простотою героическихъ временъ.

Скиросъ напомнилъ намъ первую любовь Ахилла, когда онъ въ женской одеждѣ обольщалъ легковѣрную и чувствительную Дейдамію.

Мы пробыли въ Скиросѣ одинъ только день и отправились къ острову Хіо. Сей островъ усыпанъ горами, но весьма населенъ, и обилуетъ хорошимъ виномъ и прекраснымъ мраморомъ. Жители происходятъ отъ Нептуна. Сей богъ влюбился тамъ въ одну Нимфу, которая родила ему сына. Въ день родовъ ея выпало множество снѣга, отъ чего и островъ получилъ свое названіе (*).

(*) Хіо на Греческомъ языкѣ значитъ снѣгъ.

Нептунъ имѣлъ еще двухъ сыновъ отъ другой Нимфы, и сіи дѣти были первые жители въ Хіѣ.

На семъ также островѣ родился Скилъ, искуснѣйшій водолазъ, какого никогда еще не бывало. Онъ обучилъ дочь свою, Кіану, опускаться по его примѣру на дно глубочайшихъ морей. Сказываютъ, что когда Ксерксовъ флотъ во время жестокой бури стоялъ на якорѣ близь горы Пеліопы, Скилъ и дочь его опустились въ море и подняли якори, отъ чего Персійскія галеры всѣ разбились о берега. Амфиктіоны, чтобъ увѣковѣчить память такой знаменитой услуги, поставили въ Дельфскомъ храмѣ отцу и дочери статуи.

Первые лучи дня едва еще румянили востокъ, а уже нашъ корабль плылъ далеко отъ сей гавани. Мы поклонились издали Самосу, любимому острову Юноны. Одинъ изъ нашихъ морскихъ служителей, тамошній уроженецъ, увѣрялъ насъ, что Юнона родилась въ Самосѣ, на берегахъ рѣки Имбрасы, подъ кустомъ *агнусъ*-

кастусъ (*). „Этотъ кустъ, говорилъ онъ, виденъ еще и нынѣ въ оградѣ храма, построеннаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ богиня родилась. Послѣ сей храмъ всегда пользовался правомъ ненарушимаго убѣжища. Юнона представлена въ брачной одеждѣ, потому что Самосъ былъ щастливымъ свидѣтелемъ брака ея съ Юпитеромъ; а какъ павлины очень любятъ водиться на нашемъ островѣ, то и поставлены у ногъ ея два павлина."

Отъ Самоса вѣтры и Нептунъ примчали насъ въ короткое время въ Эфесъ.

ГЛАВА XXVIII.

Прибытіе въ Эфесъ. Діанинъ храмъ. Проказы Эраклитовы.

Намъ чрезвычайно хотѣлось посѣтить Діанинъ храмъ, одно изъ чудесъ свѣта. Я видѣлъ его въ первой моей молодости, но тогда еще не могъ чув-

(*) Растѣніе, называемое *агнецъ непорочный*.

ствовать всѣхъ тонкостей и красотъ искусства. Вкусъ приходитъ съ лѣтами и ученіемъ. Мы вошли въ гавань подъ вечеръ. Эфесъ лежитъ между двумя рѣками Каистромъ и Меандромъ; онъ въ числѣ двѣнадцати большихъ городовъ Іоніи. На другой день мы встали на разсвѣтѣ, но Фаноръ задержалъ меня очень долго своимъ туалетомъ. У него было письмо къ ученому Ирмодосу, весьма извѣстному въ свѣтѣ Философу. Пришедъ къ нему, мы нашли всѣхъ его домашнихъ въ слезахъ: Ирмодосъ, опредѣленіемъ Правительства, изгнанъ изъ его отечества, и лишь только уѣхалъ. Мы спросили, какое сдѣлалъ онъ преступленіе. — То, что имѣетъ отличныя достоинства." Жители Эфеса не хотятъ терпѣть въ своемъ городѣ такого гражданина, который сдѣлается выше другихъ. И что всего страннѣе, тотъ же народъ издалъ законъ, по которому всякой гражданинъ обязанъ праздновать память какого нибудь великаго Философа.

Пожалѣвъ, что не застали Ирмодоса, мы пошли въ Діанинъ храмъ. Изъ всѣхъ храмовъ малой Азіи опустошительная Ксерксова рука пощадила только этотъ одинъ. Онъ построенъ между городомъ и гаванью. Длина его семдесятъ одна сажень, а широта болѣе тридцати шести. Мы начли сто двадцать семь колоннъ мраморныхъ, высотою по шестидесяти футовъ: даръ ста двадцати семи Царей. Вся Азія участвовала въ сооруженіи сего зданія. Архитектура Іоническаго ордена. Статуя богини сдѣлана изъ мрамора столь блистательнаго, что опасно смотрѣть на нее пристально, о чемъ нарочно опредѣленной человѣкъ обязанъ предварять любопытныхъ посѣтителей. На головѣ у нее башня; а тѣло, оконченное наподобіе воронки, украшено изображеніями животныхъ и другихъ символовъ. Мы провели часть дня въ семъ великолѣпномъ зданіи. На другой день спросили мы Зеѳа, хозяина своего можно ли видѣть славнаго Эраклита. — Очень трудно.

Мы прозвали его *Философомъ туманнымъ и слезливымъ.* И дѣйствительно онъ безпрестанно плачетъ объ насъ и объ нашихъ шалостяхъ. Онъ такъ возненавидѣлъ людей, что удалился на гору Піону, и тамъ, вмѣстѣ съ дикими звѣрями, питается травою.“ Это еще болѣе подстрекнуло наше любопытство, и Зеѳъ повелъ насъ къ его берлогу. Пещера, простирающаяся подъ обширною скалою, съ дурною деревянною дверью у входа, составляла его жилище. Какъ дверь была растворена, то мы вошли, и не заставъ хозяина, пересмотрѣли все его богатство, которое состояло въ ветхомъ столѣ, въ обломанномъ блюдѣ съ кореньями, въ глиняномъ горшкѣ съ водою и въ двухъ доскахъ, покрытыхъ бараньими кожами, на которыхъ онъ спалъ. Вышедъ изъ сего вертепа, искали мы печальнаго хозяина, и напослѣдокъ увидѣли его: онъ сидѣлъ на камнѣ мраченъ и задумчивъ; на глазахъ у него были слезы. Какъ скоро онъ насъ увидѣлъ, то всталъ и побѣжалъ. Зеѳъ сказалъ Фанору, чтобъ

онъ бѣжалъ за нимъ и спросилъ его, *что есть человѣкъ?* При семъ вопросѣ Эраклитъ остановился и, оборотясь къ намъ, закричалъ: „Человѣкъ самая бѣдная тварь: его знаніе не иное что, какъ невѣжество; его величіе подлость; его сила дряхлость; его удовольствіе скорбь.“ Сказалъ и удалился скорыми шагами. Два дни спустя пронесся слухъ, что онъ пришелъ въ городъ совѣтоваться съ врачами, потому что его образъ жизни далъ ему водяную болѣзнь. Мы тотчасъ побѣжали смотрѣть его, и видѣли, какъ онъ вошелъ къ врачу. Первое слово его было: „Можешь ли ты сдѣлать дождливой день яснымъ?“ Послѣ отъѣзда нашего мы слышали, что онъ зарылся въ навозъ, думая, что сія заняшая теплота будетъ ему спасительна; но болѣзнь день ото дня становилась тяжелѣ; онъ умеръ шестидесяти лѣтъ отъ роду: жизнь слишкомъ долгая для такого человѣка!

Мы видѣли славнаго Паррасія. Лучшая его картина есть аллегорическое изображеніе Аѳинскаго народа. Сей худож-

никъ выразилъ вмѣстѣ и добродѣтели и пороки Аѳинянъ. Когда мы къ нему вошли, на немъ былъ вѣнецъ, въ рукѣ держалъ онъ богатую трость; застежки башмаковъ его были золотыя, риза багряная, обувь великолѣпная: онъ называлъ себя царемъ живописи. Мы скоро отъ него ушли, досадуя на такую гордость, которая помрачала рѣдкіе его таланты.

Мы воспользовались первымъ случаемъ оставить Эфесъ, и отправились въ Милетъ.

ГЛАВА XXIX.

Описаніе Милета. Фаноръ влюбляется. Побѣгъ его съ Антеноромъ. Бытность ихъ у Филиста.

Сей городъ возвышается близь устьевъ Меандра; называютъ его чадомъ неба и земли. Веселые, излучистые берега рѣки и роскошные нравы жителей дѣлаютъ его достойнымъ любопытства и вниманія иностранцевъ. Молва ничего объ немъ не увеличила: Милетя-

не дѣйствительно очень любезны; они, можетъ быть, еще учтивѣе, тонѣе въ обхожденіи, пріятнѣе въ обществѣ, нежели Аѳиняне. Но упрекаютъ ихъ справедливо въ чрезвычайной свободѣ нравовъ, которая бываетъ иногда похожа на распутство. Впрочемъ, въ этомъ блаженномъ жилищѣ все восхищаетъ чувства: чистота воздуха, красота женщинъ, вкусъ и щегольство, безпрерывные праздники, музыка, пляски, игры: словомъ сказать, все внушаетъ сладострастіе, все вливаетъ въ душу сладкую нѣгу. Фанору пріятно было вспоминать, что тамъ родилась Ѳеофанія.

Близь Милета посѣтили мы родникъ, названной именемъ нещастной Библисы. Онъ течетъ въ долинѣ, подъ старымъ дубомъ, коего густыя вѣтви обнимаютъ великую окружность. Нашъ путеводитель разсказалъ намъ исторію Библисы. Отецъ ея былъ Милетъ, сынъ Аполлоновъ, а предокъ рѣки Меандръ. Она пылала тайною страстью къ брату своему Кавну. Обманута названіемъ

дружбы, не знавъ еще мучительнаго владычества любви, расточала ему поцѣлуи, осыпала его нѣжными ласками. Пагубная ошибка, которая влекла ее въ пропасть! Напослѣдокъ одно сновидѣніе, упоивъ чувства ея новыми, непозволенными сладостями, открыло ей, что она влюблена, и что есть утѣхи для щастливыхъ любовниковъ. Впечатлѣніе удовольствія еще свѣжее разтравило ея желанія и пламень. Хочетъ писать къ своему брату, спалить его огнемъ, которымъ сама пылаетъ. Хватается за стилетъ, за дощечки. Рука дрожитъ; она не смѣетъ рѣшиться, осуждаетъ свою страсть, начертываетъ нѣсколько словъ, останавливается; желаетъ, боится; наконецъ страсть беретъ верхъ, и тайна сердца ея изливается на дощечки. Она оправдываетъ себя примѣромъ боговъ: Сатурнъ и старой Океанъ женились на сестрахъ своихъ Кивиллѣ и Ѳетидѣ; Юнона, сестра Владыки Олимпійскаго есть супруга брата своего. Кавнъ отбросилъ съ ужасомъ сіе ужасное письмо. По-

крытая стыдомъ, внѣ себя отъ любви, Библиса убѣгаетъ изъ родительскаго дому, оставляетъ своихъ Ларовъ (*). Разтрепана, въ изступленіи, какъ Ѳіада, она обтекаетъ лѣса, долы и горы. Наконецъ вышедъ изъ силъ, едва влачась, упадаетъ отъ усталости на семъ самомъ мѣстѣ. Нимфы Меандрскія хотѣли ее утѣшить, облегчить скорбь ея; но она лежала безгласна, недвижима; отчаяніе оледѣнило ея чувства; обильныя слезы были едиными признаками жизни. Мало по малу тѣло ея окрѣпло и превратилось въ камень. Библиса не иное что, какъ родникъ, изъ котораго безпрестанно текутъ слезы сей нещастной.

Мы пріѣхали въ Милетъ передъ самымъ праздникомъ Кивиллы, и имѣли удовольствіе видѣть, какъ возили ея статую на колесницѣ. Процессія отправлялась при звукѣ кимваловъ; жрецы коверкались до безобразія, представляли

(*) Домашніе боги.

разныя неблагопристойнойности, выли, щипали, терзали себя, чтобЪ добыть милостыню. СборЪ дѣлали они во имя матери боговЪ, и носили на груди маленькія изображенія. ВЪ слѣдующій день они вышли изЪ города вЪ пестрой, смѣшной и гнусной одеждѣ, вЪ повязкѣ весьма похожей на митру, вЪ желтыхЪ башмакахЪ, и опоясаны около тѣла; лица ихЪ вымараны были дрожжами, разкрашены, руки наги до плечь. Они вооружены были большими ножами и топорами; прыгали и плясали при звукѣ кимваловЪ, при барабанномЪ боѣ и при играніи Фригійской музыки. Великая богиня шествовала подЪ шелковымЪ покрываломЪ на ослѣ.

Любопытство заставило насЪ итти за ними. Они пришли вЪ загородной домЪ одного очень набожнаго человѣка, по имени Филемона. ХозяинЪ выбѣжалЪ кЪ нимЪ на встрѣчу. Они вошли вЪ домЪ его какЪ Вакханты, или какЪ бѣшеные, трясучи головою, которую наклоняли то на право, то на лѣво, и всячески ворочая шею; кусали себѣ руки,

и рѣзали тѣло ножемъ о двухъ остріяхъ. Одинъ изъ нихъ въ намѣреніи увѣрить, что божественный духъ въ него вселился, испускалъ продолжительные вздохи; потомъ признавшись, что онъ виновенъ во многихъ прегрѣшеніяхъ, началъ бичеваться, и դралъ на себѣ кожу съ звѣрскою твердостію. Кровь текла изъ него и другихъ жрецовъ ручьями. Послѣ сего варварскаго обряда, они подставили свои ризы для принятія милостыни. Давали имъ деньги, вино, молоко, сыръ и другіе съѣстные припасы, которые они унесли въ мѣшкахъ. Такимъ образомъ продолжали ходить и по другимъ загороднымъ домамъ. Но мы, гнушаясь такихъ мерзостей, оставили ихъ, и пошли смотрѣть Аполлоновъ храмъ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ въ Греціи.

Намъ указали маленькую хижину въ которой родилась славная Аспазія: какой предметъ для размышленія! „Здѣсь-то, говорилъ я самъ въ себѣ, подъ этою бѣдною кровлею, увидѣла свѣтъ та, которая должна

была вступить въ супружество съ Периклом, управлять Аѳинами, наставлять Сократа, возжигать въ Греціи брани; та, которой красота, разумъ, дарованія и краснорѣчіе должны были промчать славу имени ея до отдаленнѣйшихъ странъ Азіи! Такъ ссѣвшаяся въ кристаллъ капля воды дѣлается алмазомъ, и восходитъ блистать на челѣ Монарховъ и красавицъ.

Фаноръ не замедлилъ возчувствовать вліянія Милетскаго климата и нравовъ. Онъ пристрастился къ Ѳринѣ, женщинѣ столь обольстительной красоты, что однажды бывъ приведена передъ судей оправдаться въ пренебреженіи святыни, она раскрыла грудь свою, и тѣмъ испросила себѣ прощеніе (*).

(*) Это не та славная Ѳрина, которая долгое время спустя, предложила выстроить вновь городъ Ѳивы на свое иждивеніе, съ тѣмъ, чтобъ ей позволили сдѣлать такую надпись: „*Александръ истребилъ Ѳивы, а Ѳрина возобновила.*“

Фанорѣ говорилѣ мнѣ обѣ ней безпрестанно, и всегда сѣ жаромѣ страстнаго любовника; онѣ предпочиталѣ ее Ѳеанѣ, Ѳеофаніи, даже прекрасной Аспазіи Спартанской; давалѣ ей праздники, расточалѣ подарки; словомѣ сказать, плавалѣ вѣ удовольствіи; но послѣдняго предѣла блаженства онѣ еще не достигѣ. Одинѣ старой жрецѣ, начальникѣ Кивиллина храма, былѣ его соперникѣ: онѣ не спускалѣ Ѳрины сѣ глазѣ, и мѣшалѣ ихѣ благополучію. Я совѣтовалѣ Фанору не довѣрять ласкамѣ такой женщины, и остерегаться стараго жреца. Онѣ увѣрилѣ меня, что не можетѣ сомнѣваться вѣ искренности своей любовницы, а на счетѣ святаго соперника хочетѣ повеселиться. Я пожелалѣ ему щастливой развязки.

И дѣйствительно дѣло шло кѣ развязкѣ. Однимѣ днемѣ послѣ обѣда вбѣжалѣ онѣ ко мнѣ сѣ веселымѣ лицемѣ, сѣ торжествующимѣ видомѣ, и сказалѣ, что спѣшитѣ на свиданіе, которое Ѳрина ему назначила. Вѣ жару своего

восхищенія не могЪ онЪ ничего порядочно объяснить. Я поздравилЪ его сЪ благополучнымЪ успѣхомЪ, и просилЪ, чтобЪ онЪ взялЪ себѣ вЪ проводники *Сомнѣніе* и *Осторожность*. ОнЪ пошелЪ. Тщетно дожидался я его до второй стражи ночи; тщетно дожидался до утра. Я проснулся, а онЪ еще не бывалЪ. Солнце достигло до меридіана, закатилось, а онЪ еще не бывалЪ. БезпокоенЪ, встревоженЪ, побѣжалЪ я освѣдомиться обЪ немЪ кЪ Ѳоринѣ. Она отвѣчала мнѣ очень сухо, что случалось ей видать одного молодаго человѣка, которой назывался ФаноромЪ; но что впрочемЪ судьба его ей совершенно неизвѣстна. Сей отвѣтЪ меня сразилЪ. Я исходилЪ весь городЪ, всѣ предмѣстія, всѣ окружности, нигдѣ не нашелЪ Фанора; я былЪ неутѣшимЪ. Прошло два дни, прошелЪ третій, прошла недѣля; я измучился и отЪ тоски и отЪ усталости. НаконецЪ, вЪ девятой день, пришедЪ домой очень поздо, ослабѣвЪ, разтерзанЪ, бросился на постелю, и проливая токи слезЪ, возопилЪ: „Прощай любезной мой Фа-

норъ! прощай милой другъ, котораго веселость, кротость и дружество утѣшали, украшали жизнь мою! Нѣтъ уже тебя; ты умеръ, убитъ." Вдругъ стучатся въ дверь моей комнаты. Я отворяю. Что вижу! страшилище! Я отскочилъ отъ ужаса. Оно бросается въ мои объятія, прижимаетъ меня къ груди своей, не говоря ни слова. Наконецъ узнаю его, узнаю моего Фанора. „Откуда ты, вскричалъ я, жестокой другъ, такъ бледенъ, безобразенъ, окровавленъ? Конечно вышелъ изъ могилы? Скажи по крайней мѣрѣ, живой ли ты человѣкъ, или мертвецъ? — Самъ не знаю. Другъ мой! не оставь меня! убѣжимъ сію минуту изъ Милета: опасности, смерть насъ окружаютъ. — Пойдемъ." Мы схватили скорѣе что могли, и тотчасъ отправились пѣшкомъ, въ глухую полночь. Фаноръ едва тащился; онъ не спалъ цѣлую недѣлю, и во все то время не имѣлъ иной пищи, кромѣ небольшаго количества муки разболтанной въ водѣ. На разсвѣтѣ увидѣли мы не далеко отъ дороги маленькой домикъ:

мы пошли туда просить именемъ богов странноприимства дать намъ убѣжище. Хозяинъ, человѣкъ пожилой, лѣтъ пятидесяти, принялъ насъ очень ласково, принесъ намъ завтракъ; потомъ оставилъ насъ однихъ, и пошелъ отправлять дѣла свои. Фаноръ бросился на постелю, и тотчасъ заснулъ глубокимъ сномъ; что касается до меня, то его положенiе и странное приключенiе удаляли сонъ отъ глазъ моихъ. Однакожь началъ было засыпать и я, когда хозяинъ нашъ вошелъ къ намъ весь встревоженъ. „Иностранцы! сказалъ онъ мнѣ, я васъ принялъ; какiе бы люди вы ни были, вы здѣсь подъ защитою моихъ боговъ Пенатовъ: васъ ищутъ. Я былъ на дворѣ, вооруженная погоня спрашивала меня, не прошли ли мимо двое бродягъ; я сказалъ, что нѣтъ, и сказалъ правду. Теперь обыскиваютъ у моего сосѣда, и тотчасъ будутъ ко мнѣ; время дорого; подите за мною, я васъ спрячу въ безопасное мѣсто.“ Я насилу разбудилъ Фанора; ему очень не хотѣлось вставать, и мы

пошли за нашимъ путеводителемъ. Онъ несъ длинную лѣстницу; остановился шаговъ въ двухъ стахъ отъ своего дому, и опустилъ насъ въ колодезь. „Воды нѣтъ, сказалъ онъ; вамъ будешъ нѣсколько холодно; но надѣюсь, что вы тутъ не долго просидите." Потомъ отнялъ лѣстницу, и закрылъ яму досками и камнями.

Какое положеніе! быть живу, и видѣть себя въ могилѣ! Безпокоило меня пуще всего то, что я не зналъ, за какое преступленіе и какой бѣды должно мнѣ бояться; Фаноръ не имѣлъ ни языка, ни чувствъ, словомъ сказать, былъ въ такомъ положеніи, что я дрожалъ объ немъ. Не время было разспрашивать его. Онъ заснулъ на камняхъ. Мы пробыли въ этомъ колодезѣ до вечера. Честной Филистъ (такъ назывался нашъ хозяинъ) пришелъ тогда и сказалъ намъ, что опасность миновалась. Онъ спустилъ лѣстницу; я разбудилъ Фанора и помогъ ему вылезть. При чрезвычайной слабости была у него горячка. Филистъ уступилъ ему свою постелю. Послѣ

того, какъ мы его положили, хозяйка наша, которой мы еще не видали, потому что она была въ Милетѣ, возвратясь домой, сказала намъ, что въ городѣ превеликая тревога; что ночью зарѣзанъ начальникъ Кувиллиныхъ жрецовъ; что боятся мщенія богини; что обѣщали великое награжденіе тому, кто найдетъ убійцу. И въ заключеніе прибавила съ жаромъ отъ себя: „Какой злодѣй! поднять свои руки на служителя боговъ! Всякая мука будетъ для него мала; я бы хотѣла, чтобъ изтерзали его въ куски.“

Между тѣмъ, какъ она говорила, меня трясла лихорадка: я зналъ, что этотъ начальникъ Кувиллиныхъ жрецовъ былъ Фаноровымъ соперникомъ. Филистовы взгляды на меня умножали еще мое смущеніе: я видѣлъ, что онъ почитаетъ насъ убійцами. Жена спросила его, кто мы таковы; — путешественники; одинъ изъ нихъ занемогъ: они попросились ко мнѣ.„ Сей одолжительной отводъ меня успокоилъ, и показалъ мнѣ всю честность Филистову.

Но какъ скоро жена его вышла, то онъ началъ убѣждать меня, чтобъ я во всемъ ему признался. Онъ клялся Касторомъ и Поллуксомъ, богами страннопріимства, что не только не измѣнитъ моей довѣренности, но еще употребитъ всѣ свои усилія, чтобъ насъ спасти. — „Что касается до меня, отвѣчалъ я, то вы можете быть увѣрены въ моей невинности; но платя за вашу честность и чистосердечіе, не таю отъ васъ, что въ этомъ убивствѣ подозрѣваю моего друга. Старикъ жрецъ былъ его соперникомъ въ любви; можетъ быть онъ засталъ его съ своею любовницею, и захотѣлъ отмстить. Другъ мой молодъ, силенъ, ему не трудно было одолѣть стараго Іерофанта; но это не больше какъ догадка. Впрочемъ Фаноръ характера тихаго, честнаго, не способнаго ко злу; и естьли онъ погубилъ жреца, то надобно думать, что собственная безопасность неминуемо того требовала.“ Потомъ со всѣмъ изліяніемъ сердца поблагодарилъ я Филиста за его великодушіе и пріемъ. „Ахъ!

вскричалЪ онЪ, я былЪ самая нечувствительная тварь; никакая чужая боль не могла разтрогать моей души; одинЪ случай, котораго никогда не забуду, научилЪ меня помогать нещастнымЪ, и уважать вЪ нихЪ особу человѣка. ОднимЪ вечеромЪ подошелЪ кЪ дому моему прохожій, изнуренной нуждами, и просился ночевать. Я отказалЪ ему сурово, называя его бродягою и тунеядцомЪ. „Я ни то ни другое, отвѣчалЪ онЪ; но вы не обязаны знать меня: дайте мнѣ пристанище хотя вЪ клевѣ; ночь темна, и кажется что будетЪ дождь. Пищи мнѣ не надобно: я нарвалЪ нѣсколько кореньевЪ, которыхЪ будетЪ мнѣ довольно." Я такЪ былЪ жестокЪ, что отказалЪ ему и вЪ томЪ; позволилЪ только переночевать подЪ навѣсомЪ, которой пристроенЪ кЪ дому, и не предложилЪ ему ни куска хлѣба.

Посреди глухой ночи, вЪ просонкахЪ слышу, что кричатЪ: *воры! воры!* Я вскочилЪ, и при мѣсячномЪ свѣтѣ вижу нещастнаго моего постояльца вЪ

схваткѣ съ тремя человѣками, которымъ онъ весьма храбро противился; у него не было другаго оружія, кромѣ толстой сучковатой дубинки, а сопротивники его имѣли кинжалы. Какъ скоро онъ услышалъ мой голосъ, то закричалъ мнѣ: „Возьми оружіе; разбойники пришли тебя зарѣзать!" И въ самое то время ударилъ онъ одного изъ нихъ такъ сильно, что свалилъ его на землю. Я схватя старое копье, пришелъ къ нему на помощь; злодѣи убѣжали и утащили раненаго съ собою. Жена моя и служанка принесли свѣтильникъ. Постоялецъ мой былъ весь въ крови. „Ты раненъ? сказалъ я ему. — Раненъ; но я объ этомъ не думаю, радуюсь только, что тебя спасъ." Мы отнесли его въ мою комнату; я, сколько могъ, старался ему помочь. Когда онъ нѣсколько отдохнулъ, то разсказалъ мнѣ, что разбойники подошли къ навѣсу, и начали между собою разсуждать, какъ бы меня убить и ограбить; что, по щастью, онъ отъ холоду не спалъ, и слышалъ ихъ разговоръ; что

онъ бросился на нихъ съ своею палкою, и бой начался. Послѣ этого повѣствованія ему очевидно стало хуже. Я оставилъ при немъ жену мою, а самъ побѣжалъ въ Милетъ за врачемъ. Когда врачь осмотрѣлъ его раны, то объявилъ, что нѣтъ никакой надежды. Тогда-то въ первой разъ глаза мои прослезились. Нещастной понялъ свою судьбу, и протянувъ ко мнѣ руку, сказалъ: „Любезной мой хозяинъ! перестань сокрушаться: жизнь не имѣетъ никакой для меня пріятности; ничто не привязываетъ меня къ свѣту: я никогда не могъ преодолѣть своей судьбы, всегда жилъ бѣденъ и нещастливъ.“ Тогда попросилъ я у него прощенія, что принялъ его дурно, „Это не твоя вина, сказалъ онъ; это общая вина всѣхъ людей; или, говоря справедливѣе, вина боговъ, что они дали человѣку сердце жестокое и развращенное.“ Я спросилъ его имя. „Имя мое вамъ не нужно: оно скоро изгладится изъ книги жизни. Я провелъ пятьдесятъ лѣтъ на земли, борясь всегда съ напастью.

Былъ добродѣтеленъ, и награжденъ за то бѣдностью: морскіе разбойники похитили у меня плодъ прилѣжной торговли; война опустошила и раззорила остальную мою мызу; мой домъ сожженъ. Дѣлалъ добро, и находилъ всегда неблагодарныхъ: одинъ мой пріятель заперся въ залогѣ ему отъ меня ввѣренномъ; другой, въ заплату за страннопріимство, обольстилъ жену мою. Оставался у меня единородной сынъ, сладчайшая моя надежда; онъ убѣжалъ съ подлою невольницею, и погибъ въ Египтѣ отъ разпутства и бѣдности; и къ дополненію нещастій я умираю нынѣ жертвою моего долга и человѣколюбія. Отъ чего это неравное божеское къ людямъ расположеніе? Какъ изъяснить этотъ рокъ, которой сыплетъ на главу мою всѣ бѣды, между тѣмъ какъ множество бездѣльниковъ, злодѣевъ, наслаждаются спокойно всѣми избытками и удовольствіями?" Я отвѣчалъ ему, что по большой части блаженство такихъ людей бываетъ только въ въ наружности, и что естьли бы разкрыть ихъ

душу, то не нашлось бы, можетъ быть, въ ней ничего, кромѣ черныхъ пятенъ и грызущихъ червей. Сверхъ того хотя бы ихъ благополучіе было дѣйствительное, то и въ такомъ еще случаѣ ожидаетъ ихъ правосудіе боговъ на томъ свѣтѣ. — А я буду въ Елисейскихъ поляхъ? Хорошо: я опять спрошу, отъ чегожъ это неравное божеское къ людямъ расположеніе? Отъ чего предъизбрали они меня на вѣчное блаженство, а создали миліоны порочныхъ существъ на то, чтобъ горѣть имъ вѣчнымъ огнемъ?" Эта дилема привела меня въ замѣшательство; я прекратилъ разговоръ подъ предлогомъ, что больному нуженъ покой. Въ слѣдующую ночь грудь его разпухла, движеніе сдѣлалось очень слабо, жизнь его истекала. Ставъ человѣколюбивымъ и чувствительнымъ, я проливалъ надъ нимъ горькія слезы. Передъ концемъ своимъ онъ подалъ мнѣ руку, и голосомъ чрезвычайно слабымъ сказалъ: „Прощай! будь справедливъ и добръ: это остается, и въ часъ смерти утѣ-

шаетъ." Тогда видя, что онъ испускаетъ послѣднее дыханіе, я набросилъ ему на голову покрывало, и отрѣзалъ конецъ волосовъ его. Онъ еще разъ вздохнулъ, и умеръ.

Я похоронилъ его въ своемъ саду, противъ оконъ моего дому, чтобъ всегда имѣть этотъ страшной урокъ передъ глазами; одѣлся въ трауръ, обрѣзалъ себѣ волосы на его гробницѣ, остригъ даже гривы лошадей своихъ; словомъ сказать, сдѣлалъ все, чѣмъ можно было почтить память или отца, или любезнѣйшаго изъ друзей, и клялся надъ его прахомъ, что буду впредь человѣколюбивъ и страннопріимчивъ. . . Однакожъ становится поздо; пора вамъ отдохнуть; болѣзнь друга вашего конечно будетъ не продолжительна. Думаю, что нѣсколько дней можете вы пробыть у меня безопасно; а между тѣмъ, завтра поутру, пойду я въ гавань и поищу корабля, которой бы тайно васъ отвезъ. Куда вы намѣрены отправиться? — Прежде нежели углубимся въ Азію, хотѣлось бы намъ по-

смотрѣть Родоса. — Хорошо; надѣюсь выполнить ваше желаніе.“

Я проснулся очень поздо: Фаноръ сидѣлъ на своей постелѣ веселъ и спокоенъ, и разговаривалъ съ Филистомъ; сонъ подкрѣпилъ его силы и уничтожилъ горячку. Мы обнялись, проливая радостныя слезы. Филистъ сказалъ мнѣ, что одинъ мореходецъ, его пріятель, отъѣжжаетъ чрезъ три дни въ Родосъ, и соглашается принять насъ на свой корабль. Онъ предложилъ мнѣ завтракать у постели Фаноровой. „Очень охотно, сказалъ я; но съ тѣмъ, что Фаноръ разскажетъ намъ трагическую развязку любовной своей исторіи. Я нетерпѣливо желаю знать ее; а притомъ онъ обязанъ оправдать себя передъ великодушнымъ своимъ покровителемъ. — Правда. Слушайтежь и судите.

ГЛАВА XXX.

Фаноръ разсказываетъ приключенїе свое въ Милетѣ.

Помнишь, что я прибѣжалъ домой внѣ себя отъ радости, и сказалъ тебѣ, что Ѳрина согласилась увидѣться со мною наединѣ. Мѣсто свиданія назначено было въ Кивилиномъ храмѣ. Я пошелъ туда, какъ скоро смерклось, и прижавшись въ уголокъ, ожидалъ Ѳрину и Купидоновъ. Чувства мои кипѣли. Входитъ женщина Ѳринина роста; лице ея спрятано было подъ покрываломъ: я бросился, схватилъ ее въ свои объятія: она закричала, голосъ не Ѳрининъ. Увидѣлъ я свою ошибку, но уже поздо. Въ ту минуту напали на меня три человѣка подъ начальствомъ одного изъ жрецовъ. Я хотѣлъ защищаться; но какъ не было при мнѣ оружія, то и принужденъ былъ уступить силѣ. Меня связали и отвели въ темной погребъ, гдѣ и покинули въ жертву печальнымъ размышленіямъ и отчаянію.

Первые два дни не видалъ я никого, кромѣ служителя, которой приносилъ мнѣ не много муки вареной съ водою: въ томъ состояла моя пища. Онъ отвѣчалъ на всѣ мои вопросы: *не знаю.* Однажды этотъ лаконизмъ такъ меня разсердилъ, что я спросилъ его, извѣстно ли ему по крайней мѣрѣ, человѣкъ онъ или оселъ? *Не знаю*, отвѣчалъ онъ холоднокровно.

На третій день тѣ же три человѣка, которые меня задержали, пришли за мною и повели меня передъ судилище жрецовъ. Я увидѣлъ на судейскихъ мѣстахъ шесть Коривантовъ (*), или лучше сказать, шесть старыхъ обезьянъ; они сидѣли съ лицемѣрною важностью. Соперникъ мой былъ ихъ Президентомъ; онъ началъ упрекать меня въ беззаконіи. „Какъ ты осмѣлился, вскричалъ онъ, коверкая гнусную свою харю, какъ ты осмѣлился, забывъ почтеніе къ матери боговъ, обругать женщину въ ея храмѣ! какъ не удер-

(*) Такъ назывались Кивиллины жрецы.

жалъ тебя примѣръ Иппомены и Атталанта, которыхъ богиня превратила во львовъ и запрягла въ свою колесницу за то, что они осквернили это же самое мѣсто безразсуднымъ своимъ сластолюбіемъ; но ихъ преступленіе меньше твоего, потому что они соединены были узами законнаго брака. Давно бы уже ты испыталъ гнѣвъ богини, естьли бы наши молитвы не удержали ея мщенія. Говори, о нечестивецъ! говори, оправдывайся! — Я не признаю власти вашего суда; прикажите меня освободить, и предоставьте мщеніе самой Кивиллѣ: естьли она превратила Иппомену и Аталанта во львовъ, то трепещите, чтобъ она за ваше безчеловѣчіе не превратила васъ всѣхъ въ обезьянъ, или лягушекъ.“ Тогда они закричали, что я безбожникъ, и недостоинъ ни малѣйшаго снисхожденія. „Однакожъ, любезные братія, примолвилъ начальникъ ихъ, да не оскорбитъ насъ гордыня беззаконника! потщимся усовѣстить его кротостью. Сынъ мой! твое пре-

ступленіе гласно; ты повиненЪ смерти; но уважая твою молодость и слѣпоту, а больше изЪ человѣколюбія и теплаго о распространеніи вѣры усердія мы соизволяемЪ облегчить твое наказаніе, или, говоря правильнѣе, вмѣсто наказанія предлагаемЪ тебѣ состояніе такое, которое всякой неразвращенной человѣкЪ почелЪ бы награжденіемЪ. Мы удостояемЪ тебя званія Кивилина жреца; ты раздѣлишь сЪ нами наши достоинства, нашу славу, наше богатство; но для полученія этой милости надлежитЪ тебѣ согласиться на операцію, которую мы всѣ выдержали, и пожертвовать благодѣтельной богинѣ члены, которые содержатЪ вЪ тебѣ плотскія и нечистыя желанія.“ Удивясь такому предложенію, я отвѣчалЪ: „Благодѣтельная богиня не имѣетЪ надобности вЪ моихЪ членахЪ. Что васЪ изуродовали, это еще мала причина, чтобЪ изуродовать и меня; я лучше хочу быть непросвѣщеннымЪ міряниномЪ и человѣкомЪ, нежели КаривантомЪ и уродомЪ. Поберегите свои почести и сокровища для

другихъ, которые достойнѣе меня; а я хочу остаться при своемъ добрѣ.“ Этотъ ироническої и твердой отвѣтъ раздражилъ моихъ судей; они приказали отвести меня опять въ ту же тюрьму, и объявили мнѣ, что я просижу въ ней до тѣхъ поръ, пока раскаяніемъ и кротостью заслужу прощеніе Кивиллы. Сколько я ни кричалъ, сколько ни роптaлъ, все было тщетно.

Какъ скоро оставили меня одного, самыя мрачныя размышленія овладѣли мною. Представлялись мнѣ двѣ жестокія крайности: или вѣчная тюрьма, а можетъ быть и смерть, или утрата единственнаго блага, которое можетъ сдѣлать жизнь нѣсколько пріятною. Три дни мучился я безъ всякой перемѣны въ моемъ положеніи, въ четвертой представили меня опять передъ моего соперника. Онъ спросилъ меня ласкательнымъ и вкрадчивымъ тономъ совершеннаго лицемѣра, одумалъ ли я хорошенько его предложеніе; при чемъ выхвалялъ мнѣ блаженное состояніе Кивилиныхъ жрецовъ. — „Великое бла-

женство, сказалъ я, лишиться источниковъ жизни и удовольствія! Какая польза Кивиле, что я буду кастратъ? — Не намъ принадлежитъ проникать въ тайны боговъ. Мы видимъ только слѣдствія; причины скрыты отъ насъ. — Да не уже ли вы полагаете, что боги одарили человѣка такими драгоцѣнностями для того, чтобъ украшать ими стѣны храмовъ?" Старой дактиль, видя мое упрямство, отослалъ меня, сказавъ: „Когда тюрьма тебѣ наскучитъ, и чувствованія твои будутъ согласнѣе съ разсудкомъ, то вели меня увѣдомить."

Опять погрузился я въ темноту и отчаяніе. „Нѣтъ, вскричалъ, нѣтъ, никогда не буду Кивилинымъ жрецомъ; лучше хочу сгнить въ этой темницѣ, нежели лишиться лучшей части самаго себя!" Горесть меня снѣдала. Въ девятой день со времени моего заточенія увидѣлъ я лучь, которой сквозь маленькаго слуховаго окна ударялъ въ бѣлой вставленной въ стѣну камень. Какъ я давно уже не видалъ свѣта, то и этотъ

слабой лучь произвелЪ вЪ душѣ моей нѣкоторое удовольствіе. Я подошелЪ машинально кЪ камню, и устремилЪ на него глаза свои: вижу нѣсколько литерЪ, почти стертыхЪ, стараюсь прочесть, и кажется мнѣ, что написано: *ищи.* Эта загадка возбудила во мнѣ любопытство: камень былЪ выпускной; я попробовалЪ выломить его, и выломилЪ очень легко. ВсунулЪ руку вЪ пустоту, и выдернулЪ оттуда кинжалЪ сЪ такою запискою: *Я погибЪ здѣсь отЪ злобы кровожаждущихЪ жрецовЪ; они стараются ужасными средствами набирать себѣ товарищей вЪ нещастіи. Вѣроятно, что мѣсто мое будетЪ занято еще кѣмЪ нибудь другимЪ, и для того оставляю ему вЪ наслѣдство сей кинжалЪ, чтобЪ онЪ или отмстилЪ мучителямЪ, или прекратилЪ свои нещастія.* ПрочитавЪ это, я содрогнулся. Но вдругЪ незапная мысль озарила мой разсудокЪ: представилась мнѣ возможность отмстить и освободиться отЪ оковЪ своихЪ. Дождавшись вечера, послалЪ я тюремщика доложить начальнику КоривантовЪ, что желаю

поговоришь съ нимъ одинъ на одинъ. Тотчасъ пришли за мною стражи. Я спряталъ свой кинжалъ. Въ первое мое съ нимъ свиданіе впустили меня одного, а караульные остались на дворѣ; также поступили и этотъ разъ. Какъ скоро я вошелъ, то коварной жрецъ сказалъ мнѣ лицемѣрнымъ голосомъ: „Ну, другъ мой! какія вѣсти? уже ли богиня сжалилась надъ тобою, и озарила душу твою разсудкомъ? Ты раздражилъ моихъ товарищей, однакожъ надѣюсь выпросить тебѣ прощеніе." Между тѣмъ, какъ онъ говорилъ, я высмапримѣчалъ всѣ его движенія, и высматривалъ, въ какое мѣсто удобнѣе поразить его. Помолчавъ нѣсколько времени: „Чтожъ ты ничего не отвѣчаешь? спросилъ онъ. — Вотъ мой отвѣтъ," и въ ту минуту вонзилъ ему кинжалъ въ грудь. Онъ хотѣлъ обороняться; я повалилъ его на полъ, зажалъ ему ротъ, и вторымъ ударомъ прекратилъ гнусную жизнь его. Потомъ одѣлся поскорѣе въ его одежду и вышелъ, дѣлая знаки караульнымъ, чтобъ они стере-

рли дверь. Караульные встали и съ великимъ почтеніемъ поклонились мнѣ, Миновавъ эту опасность, плутаю въ темнотѣ не зная дороги: по щастью шелъ невольникъ съ огнемъ. „Посвѣти мнѣ до воротъ, сказалъ я ему повелительнымъ голосомъ.“ Обманутой одеждою онъ исполнилъ тотчасъ мой приказъ. Какъ скоро я увидѣлъ себя за оградою, то сбросилъ поскорѣе священнослужебное облаченіе, и почти нагой, весь въ крови, побѣжалъ по улицамъ въ такомъ смятеніи, что едва могъ найти свое жилище. Тамъ увидѣлъ и обнялъ любезнаго моего Антенора, тамъ окропилъ радостными слезами грудь моего друга.

Мы одобрили Фановъ поступокъ, и поздравили его съ успѣхомъ, которой увѣнчалъ предпріятіе столь отважное.

ГЛАВА XXXI.

Фанорово намѣренїе удалиться въ пустыню; планъ будущей его жизни. Прибытїе въ Родосъ.

Я сказалъ Фанору, что одинъ корабль отправляется въ Родосъ, и принимаетъ насъ въ число своихъ пасажировъ. „Но для имени боговъ будь въ волокитныхъ своихъ дѣлахъ осторожнѣе. Сказываютъ, что Юпитеръ заставилъ дурачество водить любовь, которую оно ослѣпило: не слушайся этого приговора, и приставь къ ней путеводителемъ благоразумiе. — Не опасайся! я намѣренъ перемѣниться совершенно. Отрекаюсь отъ всѣхъ женщинъ. Улыбка любви похожа на улыбку первыхъ весеннихъ дней; за нею слѣдуетъ буря. Хочу жить для себя, для философiи. Я сдѣлалъ себѣ планъ, и надѣюсь скоро привести его въ исполненiе: бѣгу не только отъ этого опаснаго пола, но и отъ мущинъ, но и отъ общества. Будь мнѣ товарищемъ, и ты утвердишь благополучiе моей жиз-

ни. Вотъ мое намѣреніе. Я слыхалъ объ Аѳонской горѣ; она окружена хребтомъ другихъ горъ: тамъ есть убѣжища удаленныя и дикія; тамъ въ тѣни глухихъ лѣсовъ протекаютъ миловидные ручейки, бьютъ прохладные ключи, шумятъ кристалловидные водопады; тамъ, подлѣ чистой воды, мы выберемъ себѣ пріятное мѣстоположеніе, и построимъ маленькой домикъ, лицемъ къ полудню. Простота и вкусъ будутъ нашими архитекторами и декораторами. Общество свое составимъ изъ шести или осьми человѣкъ, людей такихъ, которые были бы одинъ другаго достойны. Намъ не надобно пустой учености; намъ надобны только нравы, пріятной разумъ, и та щастливая Философія, которая состоитъ въ исполненіи добродѣтелей любезныхъ. Женщинъ у насъ не будетъ: это голубки съ ястребиными когтями. Будетъ у насъ отборная библіотека; большой садъ, которой продовольствуетъ нашъ столъ обильною и здоровою пищею; мы станемъ обработывать его своими руками.

Всякіе десять дней будемЪ собираться вЪ библіотекѢ, и каждой изЪ насЪ принесетЪ туда свои разсужденія, свои стихи; словомЪ сказать, плодЪ своихЪ трудовЪ. ОпредѢлимЪ часЪ когда обѢдать, когда ужинать: во всемЪ прочемЪ свобода совершенная. Позволено всякому употреблять время по своему желанію. Должности общества станемЪ отправлять поочередно. На фронтисписѣ воротЪ напишемЪ: *вольность, спокойствіе, Философія.* ТамЪ-то, другЪ мой, заживемЪ какЪ вЪ раю, не сожалѢя о прошедшемЪ, довольны настоящимЪ, и не думая о будущемЪ; ни заботы, ни честолюбіе, никакая изЪ тѢхЪ страстей, которыя мучатЪ человѢка, не возмутятЪ нашего спокойствія; тѢло будетЪ занято умѢреннымЪ трудомЪ, а душа ученіемЪ; словомЪ сказать, дни наши потекутЪ какЪ рѢка долины Темпейской вЪ берегахЪ уединенныхЪ и миловидныхЪ. — ПланЪ твой издали очень хорошЪ; ты представляешь картину жизни тихой, и конечно благополучной, хотя она нѢ-

сколько и монотонна; но сказать тебѣ правду, думаю, что въ намѣреніи твоемъ много участвуетъ досада: ты теперь сердитъ на весь родъ человѣческой. Весьма обыкновенно, что люди, угнѣтенные бременемъ жизни, уколотые шипами общества, почитаютъ уединеніе и покой вышнимъ благомъ; но отвѣдавъ этого мнимаго блага, поживъ нѣсколько времени въ безпокойной бесѣдѣ съ собою, видятъ, что они прельщались химерою; и тогда скука и раскаяніе возвращаютъ ихъ на сцену мірскихъ суетъ. И такъ, мой другъ! совѣтую не торопится; возьми время одумать свое намѣреніе; естьли оно черезъ два года не перемѣнится, то я обѣщаю тебѣ то же, что Аполлонъ и Нептунъ сдѣлали для Трои. Я согласенъ помогать тебѣ тогда строить на Аѳонской горѣ философическую твою крѣпость.“

Насталъ часъ нашего отъѣзда; честной Филистъ проводилъ насъ ночью къ Милитской гавани. Мы оставили ее безъ сожалѣнія, отблагодаря съ чув-

ствительностью любезнаго нашего хозяина.

При благополучномъ попутномъ вѣтрѣ - мы очень скоро приплыли въ Родосъ.

ГЛАВА XXXII.

Описанїе сего города и Колосса. Нравы жителей. Новое Фанорово волокитство. Скоропостижной отъѣздъ. Буря. Прибытїе въ Сидонъ. Описанїе горы Ливанской.

Подъѣжжая къ Родосу, поражены мы были великолѣпнымъ видомъ сего города. Онъ возвышается въ видѣ амфитеатра и простирается до взморья. Пиндаръ называетъ сей островъ дщерью Венеры и супругою Солнца. Пристани и арсеналы прекрасны; стѣны очень высоки, и уставлены башнями. Колоссъ, огромная статуя, межъ ногъ которой корабль нашъ прошелъ на всѣхъ парусахъ, привела насъ въ изумленїе. Она эдѣлана изъ мѣди; стоитъ на двухъ превеликихъ скалахъ передъ самою при-

станью, и посвящена Солнцу. Высота ея семдесять локтей; пальцы такъ толсты, что рѣдкой человѣкъ можетъ обнять ихъ. Она работа Хареса, которой трудился надъ нею двенадцать лѣтъ.

Нашъ корабельщикъ помѣстилъ насъ къ одному купцу, старику весьма ограниченнаго ума, которой обогатился болѣе скупостью, нежели промышленностью. Однакожь онъ очень гордился своимъ богатствомъ, потому что, по обыкновенному и утѣшительному человѣческому заблужденію, приписывалъ его великимъ своимъ дарованіямъ.

У него была дочь, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, за которою онъ смотрѣлъ Аргусовыми глазами, и которая казалась ему рѣдкою прелестницею. Она имѣла станъ короткой, груди и всѣ члены чрезвычайно полныя; румянецъ лица ея разстилался по грунту очень смуглому; ротъ доходилъ почти до ушей; въ маленькихъ круглыхъ ея глазкахъ сверкало пламя желанія. Какъ скоро я ее увидѣлъ, то сказалъ Фанору: „На-

дѣюсь, что эта Нимфа не заставитъ насъ оставить Родоса также скоро, какъ мы оставили Милетъ. — Будь спокоенъ: эта Венера *Каллипига* священна для меня. Родосъ не пожалуется на насъ, что мы похитили его Палладіумъ.

Названіе Родоса дано сему городу по причинѣ множества розъ, которыми благоухаютъ и украшаются поля его. Кромѣ главнаго Колосса, посвященнаго Солнцу, есть еще около сотни колоссовъ, гораздо менѣе перваго, но которые прославили бы всякой другой городъ. Храмы, зданія, улицы, театры все въ Родосѣ ознаменовано печатью величія и красоты. Небо всегда ясно, всегда чисто; одинъ изъ жителей, человѣкъ пожилой, увѣрялъ меня, что не прошло дня, въ которой бы онъ не видалъ солнца. Земля чрезвычайно плодоносна, деревья прекрасны; вино, виноградъ и медъ въ великой славѣ.

Родосцы имѣютъ важдую осанку; одежда ихъ простая и благопристой-

ная; они ходятъ тихо, и не стремятся одинъ на другаго, какъ Аѳиняне.

Родосъ жилище Философіи и наукъ; его Академія въ великой славѣ. Сказываютъ, что Аристиппъ Философъ, будучи закинутъ бурею на сей островъ, и увидя на берегу Геометрическія фигуры, вскричалъ: „Друзья! поздравляю васъ; я нашелъ слѣды человѣческіе.“

Сей островъ славенъ еще тѣмъ, что тамъ родился Протогенъ, одинъ изъ нашихъ величайшихъ живописцевъ. По нещастію для насъ онъ былъ тогда въ Коринѳѣ. Разсказывали намъ, какимъ образомъ познакомился онъ съ Апелломъ: Сей послѣдній пріѣхалъ въ Родосъ нарочно для того, чтобъ увидѣть Протогена; но, не заставъ его дома, нарисовалъ маленькую фигуру, и, не сказавъ своего имени, ушелъ. Протогенъ возвратясь домой, и увидя рисунокъ, вскричалъ: „Конечно Апеллъ здѣсь!“ Онъ взялъ кисть, поправилъ черты, сдѣлалъ ихъ правильнѣе и пріятнѣе. Когда Апеллъ пришелъ въ другой разъ, Протогена опять не было дома; но по-

казали ему его работу. Апеллъ чувствуя себя побѣжденнымъ, нарисовалъ новыя черты; а Протогенъ нашелъ ихъ столько превосходными, что онъ тотчасъ побѣжалъ искать по городу своего соперника, и съ тѣхъ поръ началась у нихъ самая тѣсная дружба.

Сказывали намъ также, что Протогенъ писалъ семь лѣтъ лучшую свою картину (которая представляетъ *Ялиса*, Солнцева внука, славнаго звѣролова), и что во все то время наблюдалъ онъ весьма строгую діэту.

Двѣ недѣли прожили мы въ Родосѣ, пользуясь всѣми удовольствіями. Я прилѣжно посѣщалъ достойныя любопытства рѣдкости, и каждое утро ходилъ смотрѣть славнаго Колосса, которымъ восхищался отчасу болѣе. Въ пятнадцатой день, поутру рано, хозяинъ нашъ вошелъ въ мою комнату какъ бѣшеной, и сказалъ мнѣ съ грубостью, чтобъ я тотчасъ выбрался изъ его дома. „Что это значитъ, спросилъ я? — Найдите своего друга: онъ удовольствуетъ ваше любопыт-

ство. — Какъ! развѣ Фанора нѣтъ въ своей комнатѣ? — Фаноръ въ эту ночь выпрыгнулъ въ окно; жаль только того, что не сломилъ себѣ шеи.“ Я встревожился и просилъ хозяина, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ разсказалъ мнѣ все дѣло обстоятельно; но онъ вмѣсто отвѣта отвернулся и ушелъ.

Нечего было дѣлать, надлежало исполнить хозяйскую волю. Собравъ свое добро, и весьма безпокоясь о Фанорѣ, пошелъ я скитаться по городу, въ совершенной увѣренности, что пріятель мой впалъ въ обыкновенной свой грѣхъ, то есть, покусился на обширныя прелести Венеры Каллипиги. Думая, что ему надобно притти на большую площадь, я дожидался его тамъ, и дѣйствительно скоро его увидѣлъ. Онъ подбѣжалъ ко мнѣ съ веселымъ лицемъ; это меня успокоило. „Я тебя ищу уже четыре часа, сказалъ онъ мнѣ. — Что тебя заставило вытти такъ рано? — Неотступная прозьба любезнаго нашего хозяина. — Онъ мнѣ сказалъ, что ты выскочилъ въ окно. — Этотъ

человѣкъ не любитъ лгать. Однакожь скочокъ мой не столько былъ опасенъ, какъ скочокъ съ Левкадской горы. Разскажу тебѣ все на досугѣ. Теперь я былъ на пристани, и нашелъ одинъ корабль, которой отъѣзжаетъ въ Тиръ. Наши мѣста взяты, пойдемъ. Изъ Тира поѣдемъ въ Палестину.“

Когда мы выбрались за Колоссъ, благополучной попутной вѣтерокъ надувая наши паруса, погналъ насъ легонько по волнамъ. Вечеръ былъ прекрасной; заходящее солнце, и необозримое, спокойное море представляли картину привлекательную и великолѣпную. Фанорь сѣлъ со мною на палубѣ, и разсказалъ мнѣ свое приключеніе такимъ образомъ:

Ты знаешь, что Фокилида, дочь нашего хозяина, довольно дурна; я охотно бы оставилъ ее въ покоѣ, но она сама начала задирать меня и взглядами и словами. Не учтиво было бы отказаться отъ дѣвушки, сказать ей напрямикъ: „Поди отъ меня прочь, я

тебя не хочу.“ Благопристойность требовала оказать ей нѣсколько ласки. Мало по малу чувства наши разшевелились, воображеніе заиграло, и кончилось тѣмъ, что моя дражайшая Каллипига позволила мнѣ пріити ночью въ ея комнату. Напрыскавшись духами, пошелъ я въ назначенной часъ на свиданіе. Она въ щегольскомъ спальномъ платьѣ ожидала меня. Не знаю какой дьяволъ шепнулъ ея родителю, чтобъ онъ помѣшалъ нашему удовольствію. Этотъ старой хрычь началъ стучаться, кричать, хотѣлъ неотмѣнно войти. Моя богиня испужавшись, проситъ меня, молитъ, чтобъ я выскочилъ въ окно. Сколько она ни божилась, что скочокъ не опасенъ, и хотя приключеніе мое въ Милетѣ не вышло еще у меня изъ памяти, однакожь не хотѣлось мнѣ показать ей такого опыта моего проворства. Между тѣмъ опасность увеличилась; непріятель приступалъ отчасу сильнѣе, дверь начала шататься отъ его ударовъ, и напослѣдокъ необходимость заставила меня от-

важиться на воздушное путешествіе. Вотъ завязка и развязка всей піэсы. — Піэса твоя не длинна. Ты скоро забылъ Аѳонскую гору и философическую свою жизнь. — Ты мнѣ далъ два года сроку; я употребляю это время на изъвѣданіе всего изъ опытности.“

На кораблѣ опять мы нашли нещастнаго Діагора: гонимъ Греками, онъ скитался изъ города въ городъ. Сія встрѣча показалась намъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Между тѣмъ вѣтеръ дулъ благополучной; мы плыли очень пріятно; спокойной кормчій стоя подлѣ руля, пѣлъ старинную пѣсенку Аргонавтовъ. Мы уже прошли островъ Кипръ, гдѣ, сказываютъ, родился Гомеръ, какъ вдругъ, въ половинѣ ночи, около времени захожденія Пліядъ, собрались облака, нашла туча; вѣтры зашумѣли, заревѣли, звѣзды скрылись, тьма сгустилась, нашъ корабль мчался то на одномъ боку, то на другомъ; водяныя горы поднимались и упадали на насъ; кормчій, поблѣднѣвъ и дрожа, разпоряжалъ, призывалъ на помощь

къ рулю: крикъ и сумятица препятствовали слышать повелѣнія. Устрашенные матросы, поднявъ руки свои къ небу, возносили молитвы къ богамъ, и ничего не дѣлали. Фаноръ уговаривалъ ихъ, ободрялъ; то хватался за весло, то приставалъ къ рулю. Діагоръ, лежа на сундукѣ, молчалъ. Когда я къ нему подошелъ, онъ сказалъ мнѣ: „Думаешь ли ты, что боги напустили эту бурю единственно для нашей погибели? — Намѣренія боговъ сокрыты. — Но естьли подлинно есть боги, то отъ чего этотъ безпорядокъ въ натурѣ? Отъ чего всѣ безпорядки, всѣ нещастія, всѣ бѣды?" Я молчалъ. „Погибнемъ, продолжалъ онъ, когда такъ угодно судьбѣ нашей: послѣ смерти узнаемъ можетъ быть то, что теперь насъ удивляетъ." Вѣтеръ пригналъ нашъ корабль къ Сирскимъ берегамъ. На разсвѣтѣ мы увидѣли землю: яростныя волны пѣнились и разбивались около обширной окружности скалъ: шумъ воды и вѣтра, вопль матросовъ, ожиданіе неизбѣжнаго кораблекрушенія

и смерти, вдыхалъ ужасъ во всѣ сердца. Между тѣмъ напрягали мы свои силы, чтобъ удалиться отъ камней; то поочередно, то всѣ вдругъ налягали на весла; но море и вѣтры отчасу сердитѣе несли нашъ корабль, какъ легкую соломенку. Уже смерть была передъ нами. Мы потеряли всю надежду. Я очень дурно плавалъ; сія часть упущена была въ моемъ воспитаніи. Одинъ молодой Критянинъ сказалъ мнѣ: „Ухватимся за эту доску, она спасетъ насъ обоихъ.“ Фаноръ напротивъ того плавалъ очень искусно. Въ числѣ пассажировъ были двѣ женщины, мать съ дочерью: сія послѣдняя называлась Монимою. Фаноръ предложилъ имъ спасти одну изъ двухъ, естьли она уцѣпится за его волосы, которые были длинны и густы. Молодая Монима, стоя передъ матерью на колѣняхъ, упрашивала ее, чтобъ она воспользовалась великодушнымъ предложеніемъ Фанора. Мать со слезами восклицала: „Жизнь твоя едва начинается! мнѣ ли хотѣть продлить свои дни на счетъ твоихъ! Развѣ для

шого я шебя родила, чшобЪ быть причиною швоей смерши. АхЪ, нѣшЪ! живи, спасайся, повинуйся машери, кошорая приказываешЪ шебѣ жишь." ВЪ продолженіе сего шрогашельнаго спора сшрашной порывЪ вѣшра нанесЪ насЪ боршомЪ на превеликой скалѣ; корабль разбился, вода пошекла ошвсюду. СшонЪ, плачь, вопль, усугубляли ужасЪ; я и КришлянинЪ схвашили доску, нашу единую надежду. Машь Монимы молишЪ Фанора, чшобЪ онЪ спасЪ ея дочь; сія послѣдняя не соглашаешся, прошивишся: но ФанорЪ берешЪ ее вЪ свои обЪяшія, и сЪ нею бросаешся вЪ море. Я видѣлЪ, какЪ онЪ погружался, всплывалЪ на поверхносшь воды, боролся сЪ яросшною сшихіею. Молодая Монима держась за его волосы, плыла за нимЪ. Чшо касаешся до меня, шо сидя на своей доскѣ, носимЪ разЪяренными волнами, я занимался единсшвенно опасносшью Фанора. НаконецЪ, почши мершвы, слабы шѣломЪ, но бодры душею, мы всѣ чешверо присшали кЪ берегу почши вЪ

цвѣтущими кусточками, составляли по обѣимъ сторонамъ рѣки разновидные перелѣски. Подлѣ дикой смоковницы росла кассія, которой желтые цвѣты похожи на чижовникъ. Далѣе видны были маленькія деревеньки, состоящія изъ нѣсколькихъ землянокъ округлистой фигуры, отѣненныхъ пальмовыми деревами. На другой сторонѣ рѣки находились селенія, окруженныя рощицами и клумбами, и все сіе вмѣстѣ представляло картину, достойную кисти ландшафтнаго живописца.

Въ сей-то прелестной садъ мы пошли обѣдать. Свѣжесть травы, разновидность деревъ, разсѣянныхъ перелѣсковъ, множество горлицъ и другихъ птицъ, которыя прятамьсь, рѣзвились подъ густымъ листвіемъ, и хоромъ торжествовали юность года; большія стада, которыхъ гнали съ паствы; вся сія совокупность производила сцену веселую и живую. Все, что прельщаетъ зрѣніе; все, что дѣлаетъ пріятность душѣ, казалось тамъ собрано. Я и Фаноръ, сидя одинъ подлѣ друга-

го, ничего не говорили; мы почти задыхались отъ удовольствія, и только изрѣдка возклицали: „Какія красоты! какая неоцѣненная минута!“ Проведя въ семъ безмолвномъ восхищеніи болѣе получаса, мы встали и пошли къ земледѣльческимъ хижинамъ просить молока и яицъ. Женщины, сидя вокругъ своихъ землянокъ, занимались разными рукодѣльями. Увидя насъ вооруженныхъ и въ иностранной одеждѣ, онѣ изпужались и ушли. Мущины остались одни, весьма однакожъ встревоженные нашимъ посѣщеніемъ; но мы скоро ихъ успокоили.

Тогда и женщины возвратились, окружили насъ и разсматривали съ головы до ногъ. Накоторыя изъ нихъ были очень не дурны; вообще онѣ весьма смуглы. Вся толпа просила насъ, чтобъ мы обѣдали съ ними. Мы съ удовольствіемъ на то согласились. Повели насъ къ самой большой землянкѣ, въ которой жилъ начальникъ, или Несторъ ихъ деревни. Онъ принялъ насъ съ тою пріятною улыбкою и любезною просто-

тою, которыя сельскимъ только жителямъ свойственны. Свѣжій дернъ подъ тѣнью большихъ дикихъ смоковницъ служилъ намъ вмѣсто стульевъ и стола; женщины пожилыхъ лѣтъ сѣли съ нами, а молодыя служили. Мы видѣли чудной обычай варить яица. Мущины взяли ихъ въ руку, долго трясли и потомъ предложили намъ въ пищу. Такъ всегда поступаютъ они въ дорогѣ, или когда не имѣютъ огня. И яица сварились очень хорошо.

Во время трапезы сѣдой Патріархъ разсказывалъ намъ о Семирамидѣ. „Эта славная женщина, говорилъ онъ, построила Вавилонъ по плану Нина, супруга своего, которому смерть не позволила привести замысла его въ исполненіе. Городъ окончанъ въ одинъ годъ: въ каждой день отдѣлывали стадію. Семирамида сама разпоряжала работою. Она была прекрасна; величественной и воинственной видъ ея показывалъ царицу, рожденую повелѣвать. Ея намѣренія были обширны и великолѣпны: она предводила войски, присут-

ствовала на всѣхъ совѣтахъ; сооружала храмы, строила дворцы, созидала безпредѣльной городъ, учреждала пышныя празднества, окружала себя всѣмъ блескомъ роскоши и богатства, привлекала къ себѣ веселости, искусства, философію. По смерти Нина она воздвигла ему гробницею пространное зданіе въ девять стадій высоты и въ десять широты; это зданіе не далеко отъ города: оно покажется вамъ цитаделью. Я спросилъ о пространствѣ Вавилона. „Окружность его триста шестдесятъ пять стадій, отвѣчалъ онъ. Башенъ двѣсти пятдесятъ; высота ихъ шестдесятъ локтей; стѣны между башнями имѣютъ тридцать футовъ высоты и тридцать два широты. Двѣ колесницы въ четыре лошади могутъ весьма легко ѣхать по стѣнамъ рядомъ. Ворота, которыхъ числомъ сто, всѣ изъ цѣльной мѣди. Домы въ три и четыре яруса. Улицы прямы, и перерѣзаны другими поперечными, которыя идутъ къ рѣкѣ. Террасы васъ удивятъ: онѣ представляютъ висячіе сады, по-

днятые въ ровень съ высочайшими башнями на плоской кровлѣ въ шестнадцать квадратныхъ десятинъ, которую поддерживаютъ своды и колонны великолѣпныя. Тамъ растутъ превысокія дерева, покрытыя плодами и цвѣтами. За это Вавилонъ обязанъ Нитокрисѣ, Царицѣ ума обширнаго и способнаго къ величайшимъ предпріятіямъ. Она-то, по смерти Навуходоносора, супруга своего, построила каменной мостъ на Эвфратѣ, и такимъ образомъ соединила городъ, раздѣленной прежде того на двѣ части. Такое предпріятіе сначала казалось совершенно неисполнимымъ: быстрота и глубина рѣки представляли страшныя препятствія; но ничто не поколебало великаго духа Нитокрисы, и въ одинъ годъ (дѣло невѣроятное!) мостъ построенъ. Она приказала выкопать пространное озеро, и провести въ него Эвфратъ; изъ озера рѣка возвращалась въ свою жолобовину. Между тѣмъ всѣ матеріалы были готовы, и когда рабо-

та кончена, Эвфрашъ взялъ прежнее теченіе.

Рѣка безпрестаннымъ дѣйствіемъ насосовъ поливаетъ сады и улицы нѣсколько разъ въ день. Вы увидите на площадяхъ большіе ручьи свѣжей, чистой воды, которая питаетъ густыя дерева, весьма полезныя въ нашемъ знойномъ климатѣ, гдѣ тѣнь очень пріятна и нужна.“

Сей старецъ говорилъ такъ хорошо, что мы почли его человѣкомъ знатнымъ, котораго любовь къ Философіи, или игра фортуны заставили уединиться. Мы ему о томъ намѣкнули. Вы ошибаетесь, сказалъ онъ; я сынъ земледѣлателя, и родился въ этой деревушкѣ; но едва достигъ юношескаго возраста, какъ суетное любопытство и честолюбіе, а можетъ быть и свойственное этому возрасту и человѣческому разуму безпокойствіе, и обманчивая надежда утекающаго благополучія принудили меня оставить родительской домъ и мои рощи, тѣ любезныя

рощи, которыя въ младенчествѣ моемъ ссужали меня своею тѣнью: я промѣнялъ ихъ на жилища Царей. Помѣстили меня при Царскихъ садахъ, и скоро за труды мои и прилѣжность поручили мнѣ главное надъ ними управленіе. Тогда-то я имѣлъ случай обходиться съ царедворцами и разсмотрѣть ихъ свойства. Наскуча ихъ высокомѣріемъ, узнавъ тщету ложной ихъ учтивости, и стыдясь ихъ покровительства; тревожимъ заботами, подверженъ зависти, началъ я жалѣть, что разстался съ безхитростною, съ любезною, съ милою натурою; что не умѣлъ пользоваться блаженною тишиною, которую вкушалъ въ дружескихъ ея объятіяхъ. Однакожь все еще откладывалъ освободиться изъ пропасти; честолюбіе и желаніе набогатиться, держали меня окованнымъ. Такова слабость человѣка; онъ видитъ добро, и слѣдуетъ единственно страстямъ своимъ. Наконецъ чего не могъ сдѣлать разсудокъ, то сдѣлала любовь, любовь одержала побѣду.

Дочь одного изъ придворныхъ прогуливалась съ матерью въ царскихъ садахъ; она называлась Клеорою: вы ее видите. Тогда она была весенняя лилея, украшеніе и слава садовъ нашихъ; нынѣ время отяготило на ней губительную свою руку; старость сморщила прелестное лице; но я люблю ее столько же, какъ и прежде. Ея любезной нравъ и прилѣжныя обо мнѣ попеченія украшаютъ еще послѣдніе дни мои. Слѣпой, которой вдругъ получилъ бы зрѣніе, и увидѣлъ солнце во всемъ его блескѣ, не столько былъ бы восхищенъ, изумленъ, какъ я, увидя Клеору. Смущеніе мое не помѣшало мнѣ однакожь водить ее по саду, показывать ей всѣ рѣдкости, все достойное любопытства. Я потчивалъ ее лучшими плодами, подносилъ ей прекраснѣйшіе цвѣты, и выпросилъ у матери позволеніе ходить къ нимъ всякой день. Съ тѣхъ поръ любовь дала мнѣ новое бытіе, душа моя жила соединенна съ душею Клеоры. Родственники догадались о причинѣ даровъ моихъ и посѣщеній. Не стали меня при-

нимать: честной и свободной человѣкъ показался имъ недостойнымъ быть ихъ свойственникомъ. Я впалъ въ отчаяніе; двѣ недѣли пробылъ почти безъ пищи, окитаясь всякую ночь вокругъ Клеорина дому. Силы мои ослабѣли; безсонница, волненіе крови, печаль и изнуреніе изсушили цвѣтъ моей молодости; щеки мои впали, глаза ушли подъ лобъ: я состарѣлся тридцатью годами. Это видное ослабѣніе здоровья моего вышло весьма для меня полезно. Послѣ тысячи предпріятій, внушенныхъ отчаяніемъ, рѣшился я на слѣдующее: одѣлся волхвомъ, окуталъ голову превеликою тіарою, изъ подъ которой лице мое было почти невидно, и назвавшись посланнымъ отъ великаго Архимага, предсталъ предъ Клеорину мать. „Ты знаешь, сказалъ я ей, что мы денно и ночно печемся о соблюденіи въ храмахъ нашихъ священнаго огня. Миѳра или солнце есть огнь совершеннѣйшій, дыханіе бога самаго; по солнцѣ огнь стихійной, которой Зороастръ принесъ къ намъ съ небл, есть символъ, живой

образъ божества. Но послѣ этого священнаго огня какое пламя можетъ быть прекраснѣе пламени любви и брака, драгоцѣннѣйшаго дара небесъ! Намъ, наслѣдникамъ великаго Зороастра, принадлежитъ разпространять его по земли. Я пришелъ отъ имени великаго нашего Архимага предложить дочери твоей жениха. Позови ее сюда, и тогда изъяснюсь обстоятельнѣе." Какъ скоро она пришла, я сказалъ ей: „Прекрасная Клеора! богъ Миѳра, душа вселенной, начало всякаго сѣмени, печется о тебѣ, какъ о такомъ предметѣ, которымъ украшается натура. Мнѣ поручено предложить тебѣ супруга, которой породою равенъ величайшимъ Сатрапамъ, и не бѣднѣе никого изъ нихъ, потому что имѣетъ болѣе, нежели сколько желаетъ (притомъ, что гораздо важнѣе богатства и породы) онъ благонравенъ, честенъ, и любитъ тебя всѣмъ сердцемъ." Говоря, что я породою равенъ Сатрапамъ, я не лгалъ, потому что всѣ люди одного произхожденія; чтожъ касается до богатства, то дѣйстви-

тельно имѣніе мое превосходило мои желанія. Клеора смотрѣла на меня пристально; черты мои казались ей знакомыми, но она не смѣла вѣрить своимъ глазамъ. Мать ея спросила меня о имени жениха. „Не могу ввѣрить этой тайны никому, кромѣ дочери твоей; такъ мнѣ повелѣно.“ Тогда отвелъ я Клеору въ сторону и сказалъ ей: „Узнай любовника, которой тебя обожаетъ; возьми это письмо. Ожидаю твоего отвѣта; ты умертвишь меня, или сдѣлаешь щастливѣйшимъ человѣкомъ.“ Я откланялся матери и вышелъ. Письмо мое къ Клеорѣ было такого содержанія: *„Отвергни предразсудки тщеславія; какъ человѣкъ я равенъ всѣмъ. Какъ человѣкъ честной, которой знаетъ цѣну сердца твоего, которой любитъ тебя любовью чистою, пламенною, вѣчною, я предостоинъ быть твоимъ супругомъ. Предлагаю тебѣ состояніе не такое, какого честолюбіе матери твоей желаетъ; предлагаю тебѣ деревенскую хижину, пріятную натуру, покой и все нужное. Тамъ, подъ тѣнью нашихъ кусточковъ, мы будемъ упраж-*

няться въ добродѣтели; тамъ станемъ вкушать истинныя удовольствія, удовольствія любви, и не позавидуемъ никому изъ смертныхъ. Я приду въ эту ночь подъ окна твоей комнаты за отвѣтомъ. Естьли ты не презришь моего предложенія, естьли согласишься за мною слѣдовать, то я буду обязанъ тебѣ всѣмъ благополучіемъ своей жизни." Не стану описывать вамъ состоянія духа моего во весь тотъ день; я похожъ былъ на безумнаго. Наконецъ стало темно, спѣшу подъ окна Клеоры, ожидаю. Великіе боги! къ ногамъ моимъ упало письмо: я схватилъ его, унесъ, побѣжалъ. Клеора писала ко мнѣ: „*вѣряю судьбу свою твоей честности и любви: завтра въ третій часъ ночи будь передъ нашимъ домомъ; я выду къ моему супругу.*" О любезное письмо! о восторгъ блаженства несказаннаго! На другой день, въ первой часъ ночи, я уже стоялъ на назначенномъ мѣстѣ; часъ прошелъ; насталъ другой, и также прошелъ; насталъ третій, и кончился, а Клеора еще не выходила. Нетерпѣливость помутила мой разсудокъ

и палила кровь мою. Наконецъ слышу, что кто-то идетъ, подставляю ухо; подходятъ ближе, дѣлаю и я нѣсколько шаговъ, устремя глаза, дрожа отъ страха, волнуемъ надеждою. „Ты ли это Оретисъ?" спросили меня тихимъ и боязливымъ голосомъ. Я узнаю свою любезную, бросаюсь въ ея объятія, прижимаю ее къ моему сердцу, и не могу произнести ни слова. Лошадь ожидала меня у городскихъ воротъ; мы бѣжимъ туда, ѣдемъ всю ночь и на разсвѣтѣ достигаемъ уединеннаго жилища одного изъ моихъ родственниковъ. Тамъ узы Гимена и благополучія соединили насъ на вѣкъ. Давъ время бурѣ утихнуть, мы возвратились подъ отечественную мою кровлю, къ любезнымъ моимъ рощамъ. Теперь уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ мы здѣсь живемъ и занимаемся деревенскими упражненіями."

По окончаніи трапезы молодость обоего пола насъ окружила. Нѣкоторые принесли корзины съ цвѣтами, другіе музыкальные инструменты. Мы слышали звуки кимваловъ, флейтъ и бас-

ковъ. Намъ давали праздникъ. Пригласили насъ плясать. Фанору досталась прекраснѣйшая изъ танцовщицъ. Удовольствіе блистало въ ея глазахъ; ея гибкой, стройной станъ, легкіе скочки и всѣ движенія, изъ которыхъ каждое ознаменовано было какою нибудь пріятностью, изображали намъ богиню пляски.

Фаноръ былъ въ такомъ восхищеніи, что я очень боялся о его сердцѣ и разсудкѣ; но мы не долго пробыли въ семъ опасномъ для него мѣстѣ.

Мы простились съ добрыми земледѣлателями какъ нѣжные друзья, и возвратились къ своему судну, которое должно было отплыть на разсвѣтѣ.

Конецъ втораго Тома.

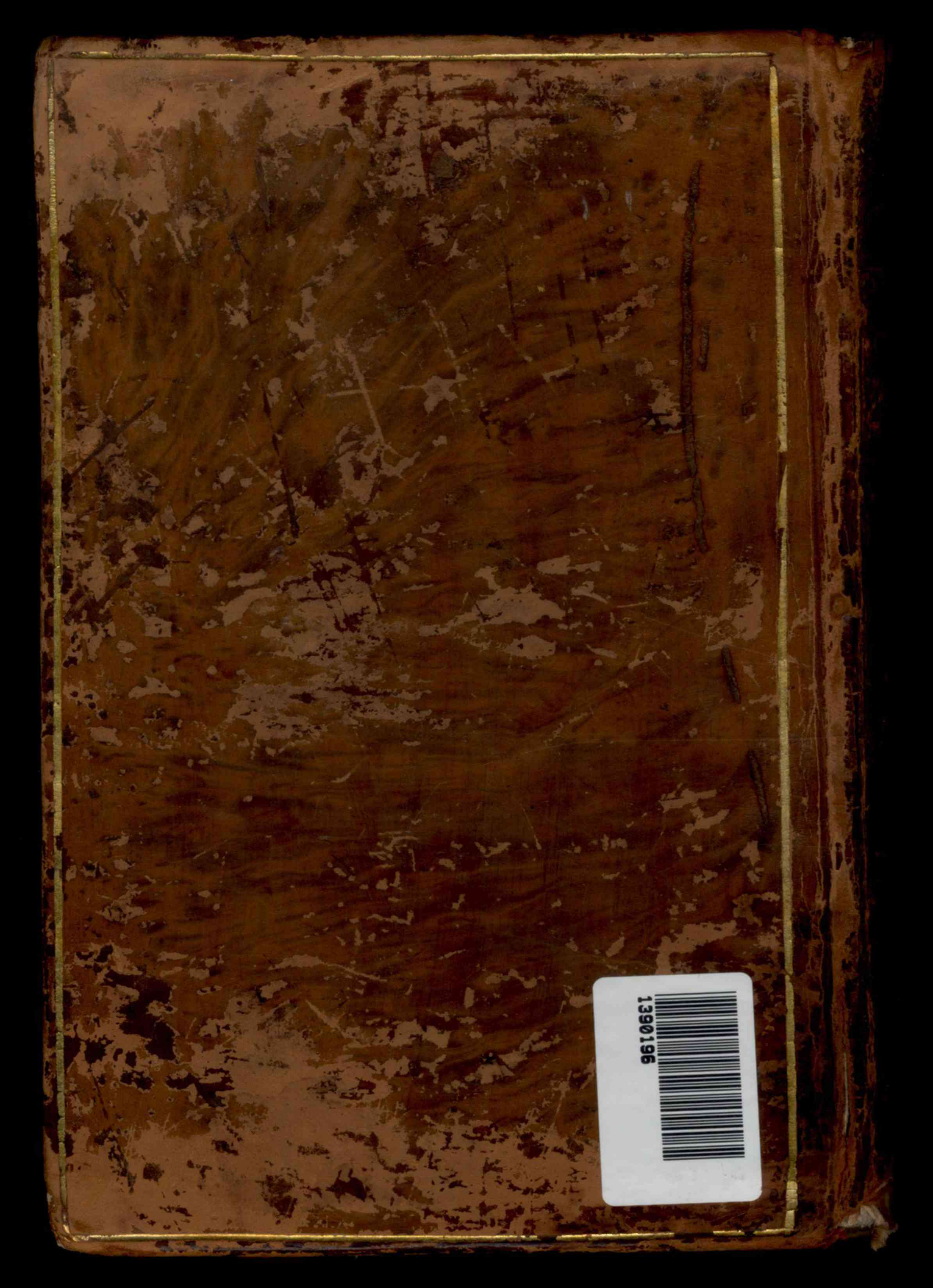
ОГЛАВЛЕНІЕ.

---

100 p.
28 p

100p.

1390196